

ЗНАКОМСТВО СЪ ШАМИЛЕМЪ (*).

(Посвящается П. К. М—ву.)

3 октября, я получилъ приказаніе — явиться на слѣдующій день къ полковнику Богуславскому, попеченіямъ котораго правительство ввѣрило имама Шамиля на первое время его плѣна, впредь до окончательнаго водворенія въ Калугѣ. Полковникъ Богуславскій долженъ былъ представить меня знаменитому плѣннику, какъ человѣка, который съ этой минуты будетъ заботиться о немъ, какъ о добромъ своемъ товарищѣ, и жить съ нимъ подъ одною кровлею до самой смерти кого нибудь изъ насъ.

Жить съ Шамилемъ! заботиться о немъ!... Когда это приходило мнѣ въ голову?... Напротивъ, я хорошо помню, что за время долгой моей службы на Кавказѣ не одинъ разъ подумывалъ я о томъ, какъ-то будетъ заботиться Шамиль обо мнѣ, когда случайности войны сдѣлаютъ меня его плѣнникомъ?... Про-

(*) По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, для постоянного нахождения при знаменитомъ плѣнникѣ назначенъ штабсъ-капитанъ Руновскій, служившій доселѣ въ войскахъ Кавказской арміи.

Штабсъ-капитанъ Руновскій, извѣстный читателямъ «Военнаго Сборника» замѣчательными статьями своими «Человѣкъ съ честными намѣреніями», будетъ постоянно продолжать свои записки. Рядъ статей даровитаго сотрудника «Военнаго Сборника», основаніемъ которыхъ будутъ бесѣды съ Шамилемъ, ознакомивъ читателей съ замѣчательною личностію имама, прольетъ новый свѣтъ на Кавказъ, обычаи горскихъ народовъ и, быть можетъ, исторически уяснитъ нѣкоторыя событія ожесточенной борьбы временъ прошлыхъ.

Ред.

сторна или тѣсна будетъ та яма, въ которую меня засадятъ? До какой степени спосный будетъ въ ней воздухъ? Чѣмъ-то меня кормить будутъ и какого свойства рубище дадутъ мнѣ для защиты отъ холода и сырости, въ замѣнъ моего собственнаго костюма, который, слѣлавшись, по праву войны, однимъ изъ трофеевъ моего хозяина, быть можетъ, поступитъ въ составъ гардероба моей будущей, милой хозяйки?... Не разъ случалось также мнѣ видѣть и сны подобнаго содержанія.... то были сны страшные,—страшные до того, что, несмотря на всю пріятность пробужденія и на сознаніе, что «то былъ сонъ», я невольно на-чпналъ, на всякій случай, перебирать въ умѣ средства къ освобожденію своему изъ будущаго плѣна....

Но теперь кончено! я ужь не попадусь къ Шамплю въ плѣнъ: это вѣрно; развѣ только онъ плѣнитъ меня другимъ, болѣе мирнымъ способомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ, который онъ употреблялъ на Кавказѣ. Тогда это будетъ плѣнъ пріятный, и заключенію моему въ тюрьмѣ его сердца, быть можетъ, позавидуетъ не одна изъ прежнихъ непріятельницъ грознаго имама.

Пріѣхавъ въ Знаменскую гостиницу въ 10 часовъ утра, я уже не засталъ ни имама, ни г. Богуславскаго: въ половинѣ десятаго, они уѣхали, по приглашенію Ея Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, въ Кронштадтъ и только въ четыре часа пополудни должны были воротиться домой.

Къ четыремъ часамъ я былъ уже въ гостиницѣ. Толпа народа на площади, около дверей, дожидалась возвращенія имама чуть ли не съ самаго отъѣзда его. Множество посѣтителей обо-его пола наводнили всѣ великолѣпныя залы, лѣстницы и корридоры отеля. И такое стеченіе публики здѣсь бываетъ каждый день. Это цѣлый триумфъ! Немногіе побѣдители возбуждали въ своихъ соотечественникахъ такое участіе и такую жажду видѣть ихъ и изучить ихъ черты, какъ возбуждалъ все это Шамиль въ тѣхъ, кого во всю свою жизнь онъ считалъ, и по религіи и по убѣжденію, заклятыми своими врагами. Не служить ли это доказательствомъ того, что знаменитый папъ плѣнникъ совсѣмъ не та дикая, разбойничья личность, которая незаслуживаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не только уваженія, но и состраданія? По слѣдуетъ ли видѣть въ этотъ жадномъ любопытствѣ публики, въ этомъ лихорадочномъ чувствѣ, написанномъ на лицѣ каждаго, кто ожидаетъ выхода имама откуда бы то ни было, не слѣ-

дуетъ ли во всѣмъ этомъ видѣть — не простое любопытство, устроившее благополучіе антрепренера Юліи Пастраны, а именно дань уваженія къ той личности, въ которой уже признавъ: и хорошій администраторъ, и умный, даже очень умный человекъ, одаренный отъ природы сильнымъ характеромъ и желѣзною волею? И если послѣднія два качества обращались иногда въ жестокость, столь непонятную и непростительную для нашего христіанскаго цивилизованнаго взгляда на вещи, то нужно только вспомнить, что она очень обыкновенна по понятіямъ горцевъ, ожесточенныхъ, сверхъ того, полутораѣвковой борьбою съ нами и не находившихъ, между кудрявыми догматами ислама, нашего христіанскаго догмата: «любите враговъ вашихъ».

Любите враговъ вашихъ!... Какая прекрасная задача! Но какъ-то мы ее рѣшаемъ? Что до меня, то грѣшный человекъ: хоть и стараюсь я быть порядочнымъ христіаниномъ, а, надо признаться, не болѣе много полюбилъ я враговъ своихъ, не взираю даже и на то, что между ними попадаютъ люди съ большими достоинствами. Вотъ развѣ не любятъ ли враговъ своихъ какъ самихъ себя тѣ господа, которые съ такимъ ожесточеніемъ нападаютъ на беззащитнаго Шамиля, на вниманіе къ нему публики и, стало быть, на самыя условія, въ которыя будутъ поставлены плѣнъ и остатокъ его жизни?... Однако, они, вопль, печатно доказали свою нетерпимость въ отношеніи враговъ отечества, даже *бывшихъ* враговъ, всегда полуголодныхъ, полуобнаженныхъ, а теперь и лишенныхъ уже возможности вредить намъ. Но, можетъ быть, они питаютъ очень нѣжное чувство къ личнымъ своимъ врагамъ, одѣтымъ въ военное или партикулярное платье? Можетъ быть, не смѣю сомнѣваться; но думаю, что болѣе вѣрнаго сужденія о личности имама, объ его достоинствахъ и преступленіяхъ противъ насъ слѣдуетъ ожидать отъ нашихъ кавказскихъ войскъ, такъ долго стоявшихъ лицомъ къ лицу со всѣми этими данными и потому имѣющими въ этомъ случаѣ полное право на неоспоримый авторитетъ. Спросите же у нихъ о Шамилѣ: что они вамъ скажутъ? Навѣрное, не посоветуютъ они поступать съ нимъ такъ, какъ поступали горцы съ нашими плѣнными, и выразятъ свое мнѣніе по этому предмету если не въ такомъ, то почти въ такомъ родѣ: Шамиль былъ предводителемъ народа, который такъ долго ведетъ съ нами войну, и, притомъ, войну народную; а кто не знаетъ, что такое народная война? Но вы ея не знаете, господа, потому что изъ вашихъ теплыхъ кабине-

товъ, откуда вы мечете на Шамиля ваши громы, не совѣмъ рельефно обозначаются многія мелочныя подробности народныхъ войнъ, а нѣкоторыя даже совѣмъ не замѣтны. Однако, вы читали или слышали о нихъ изъ разныхъ разсказовъ, о войнѣ, наирямѣръ, гверильясовъ, да хоть бы о войнѣ приснопамятнаго двѣнадцатаго года. Какъ же вамъ показались эти подробности? Обвиняли ли вы безпощадно предводителей гверильясовъ или нашихъ партизановъ Давыдова, Фигнера и проч.? А вѣдь тѣ и другіе воспитаны въ духѣ христіанской религіи и считаются въ числѣ народовъ если не образованныхъ, то, по меньшей мѣрѣ, просвѣщенныхъ. А горцы? Какая великая разница! Вы только посмотрите на то, что дѣлается съ ними въ жизни: не успѣтъ горецъ родиться, крестная его мать—природа кладетъ ему на зубокъ все свое достояніе: ликость, угрюмость и, подъ-часть, величественность. Все это, впоследствии, неизбѣжно должно отразиться въ характерѣ взрослого человѣка, а стало быть и во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Потомъ, онъ начинаетъ сосать молоко родной своей матери—горянки; а въ этомъ молокѣ, какъ извѣстно, содержится, между прочими составными частями, два элемента, не открытыхъ еще химіею: ненависть къ христіанамъ, поставленнымъ алкораномъ въ одну категорію съ вредными существами, которыхъ слѣдуетъ истреблять, и ненависть къ Русскимъ, въ сраженіяхъ съ которыми пзувѣченъ его отецъ, убить его дѣдъ, взять въ плѣнъ его прадѣдъ и тернѣлъ всякія напасти его прашуръ. Ко всему этому, горцы принадлежатъ къ числу народовъ не только непросвѣщенныхъ, не употребляющихъ никакихъ горячихъ напитковъ, но мы же зовемъ ихъ народомъ варварскимъ; а это условіе, виѣстѣ съ условіями, окружающими первые дни жизни горца, не должно ли сдѣлать его на войнѣ такимъ, какимъ мы его знаемъ?... И вся эта ненависть цѣлаго народа, всѣ отдѣльные вопли о погибшихъ братьяхъ, всякое личное неудовольствіе каждаго, все, что порождается недоразумѣніями и случайностями войны, — все это разѣ не должно было въ высокой степени соединяться въ Шамилѣ, какъ въ предводителѣ, который обязанъ знать всѣ нужды своего народа, сочувствовать всѣмъ его скорбямъ и, подъ-часть, исполнять его прихоти, не всегда разумныя у горцевъ, какъ бывають неразумны онѣ у малыхъ дѣтей? Слѣдуетъ ли, послѣ этого, назвать Шамиля разбойникомъ, руководившимся въ своихъ дѣйствіяхъ дикими инстинктами хищнаго животнаго? или же онъ,

дѣйствительно, герой своей страны, честно исполнившій свои обязанности, требуемыя духомъ народа, правами и обычаями его родины?... Предоставляю рѣшать положительнымъ образомъ этотъ вопросъ ненавистникамъ имама, которые послѣ этого, можетъ быть, хоть немножко тронутся окружавшею его на Кавказѣ обстановкою и, на этомъ основаніи, сколько нибудь помилуютъ его. Я же обращаюсь къ началу моего знакомства съ имамомъ.

Только что пробило четыре часа, на площади, около гостиницы и по всѣмъ ея помѣщеніямъ, раздались голоса: «ѣдетъ, ѣдетъ!» и, чрезъ нѣсколько минутъ, въ дверяхъ показался Шамиль, поддерживаемый съ одной стороны человекомъ и окруженный такою густою массою публики, что только съ большимъ трудомъ могъ двигаться по лѣстницѣ. Несмотря на усталость, произведенную морскою поѣздкою, которую онъ совершилъ въ первый разъ въ жизни, на лицѣ его было написано удовольствіе, имѣвшее прямую связь съ вниманіемъ къ нему публики. Но это было не то удовольствіе, которое такъ часто испытываетъ нашъ братъ обыкновенный человекъ, когда видитъ, что удовлетворяются его страстишки, его нечеловѣческое и потому крошечное самолюбіе: нѣтъ, ощущеніе, котораго не могла скрыть важная, задумчивая физіономія имама, казалось мнѣ истиннѣ разумнымъ, великимъ: сколько горькихъ тяжелыхъ годовъ пережилъ онъ до наступленія этой сладкой минуты!... А думалъ ли онъ о ней, рассчитывалъ ли на нее? Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ: въ виду у него былъ одинъ копецъ — тотъ самый, который заключилъ дѣйствія и Гамзатъ-Бека, и Кази-Муллы, и всѣхъ другихъ предмѣстниковъ его на этой «должности». Шамиль зналъ это навѣрное; даже больше: онъ зналъ, что другаго конца для него и не можетъ быть, — но онъ твердо шелъ избранною однажды дорогою, которая вдругъ недуманно, негаданно привела его безоружнаго въ непріятельскую страну и потомъ поставила передъ изумленные взоры петербургской публики. Взглянувъ на нее, онъ сразу замѣтилъ, что здѣсь цѣнять его достоинства такъ, какъ не всегда ихъ цѣнили его соотечественники, дѣлу которыхъ онъ такъ вѣрно служилъ. И вотъ гдѣ заключается источникъ того удовольствія, которое одушевляетъ серьезное лицо имама, при встрѣчахъ съ петербургскою публикою. Даже встрѣчи его съ уличными ротозѣями, перѣдко пускающимися въ догонку за его коляскою и привѣтствующими

появленіе ея радостными криками, даже и эти встрѣчи возбуждаютъ въ немъ удовольствіе, отнюдь не лишнее смысла: однажды, при подобной встрѣчѣ, онъ сказалъ г. Богуславскому: «Ваши мальчишки радуются, видя меня въ плѣну; но они не сердятся на меня и не желаютъ мнѣ зла—это очень хорошо—а у меня не такъ: наши мальчишки закидали бы плѣннаго грязью, а еслибы имъ позволили, то прибили бы его и даже убили. Когда пріѣдемъ въ Калугу, я напишу къ своимъ, чтобъ они запретили это дѣлать: я думаю, что меня послушаютъ....»

Зная, что впереди у меня еще много времени для изученія имама, во всѣхъ отношеніяхъ, я не всматривался въ его крашеную бороду, ни въ цвѣтъ его глазъ и ни въ одну изъ остальныхъ частей его наружности, а, вмѣсто того, обратилъ все свое вниманіе на фizioномію зрителей, между которыми немало было планетъ большой величины, немало было и сѣренькихъ мужичковъ. Шамилъ двигался чрезвычайно медленно, и это доставило мнѣ возможность взглянуть въ большое число самыхъ различныхъ фizioномій, и, притомъ, съ такимъ вниманіемъ, которое могло ручаться за вѣрность заключенія. Но ни на одномъ лицѣ, ни въ одной парѣ глазъ не замѣтилъ я ни малѣйшаго непріязненнаго чувства или упрека, способнаго заставить преступнаго плѣнника опустить голову въ сознаніи справедливости этой укоризны. Ни одного взгляда ненависти, ни одного желанія мщенія не бывало видно на лицахъ зрителей. А, между тѣмъ, въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, были люди, оплакивающіе своихъ близкихъ родственниковъ или друзей, которые сдѣлались жертвами войны, такъ долго и такъ искусно веденной этимъ самымъ плѣнникомъ. Напротивъ, всѣ устремленные на него взоры выражали полную симпатію, и на всѣхъ лицахъ отражалось сочувствіе и уваженіе къ личности проходившаго предъ ними человѣка.

«Нѣтъ, господа», подумалъ я, двигаясь вслѣдъ за имамомъ къ занимаемому имъ номеру, «не обманемъ мы публики нашими газетными статьями: не станетъ она вторить нашимъ возгласамъ противъ безоружнаго и доблестнаго плѣнника,—возгласамъ, очень похожимъ на требованіе канлы; а будетъ она дѣйствовать такъ, какъ, видите, она дѣйствуетъ теперь: вполне сообразно съ достоинствомъ честнаго и великодушнаго народа....»

Давъ имаму время переодѣться въ домашній костюмъ и совершить омовеніе, полковникъ Богуславскій представилъ мнѣ ему и, въ то же самое время, познакомилъ съ его сыномъ. Оба

они посмотрѣли на меня долгимъ внимательнымъ, даже суровымъ взглядомъ, послѣ чего Шамиль спросилъ: «какъ меня зовутъ?» Это всегдашній его вопросъ при первомъ его знакомствѣ, при чемъ онъ разумѣетъ не фамилію, а имя новаго знакома. Г. Богуславскій отвѣчалъ, что меня зовутъ Аполлономъ. Это имя замѣтно удивило ихъ обоихъ: они, повидимому, не подозревали его существованія и теперь какъ будто не знали, что съ нимъ дѣлать, потому что съ минуту молчали и только поглядывали на меня, легонько шевеля губами. Потомъ начали они вполголоса произносить: «Афлѣнъ, Афлѣнъ, Афлѣнъ, и наконецъ, выговоривъ громко: «Афи.лѣнъ», на этомъ и остановились. Кажется, это имя такъ и останется за мною до конца нашихъ сношеній. Пусть будетъ такъ!

Пронизавъ еще нѣсколько разъ мое новое имя и продолжая смотрѣть на меня тѣмъ же внимательнымъ взглядомъ, Шамиль спросилъ, говорю ли я на какомъ нибудь изъ тѣхъ нарѣчій, которыя онъ знаетъ. Отвѣтъ былъ не вполне удовлетворительный: я говорилъ прежде довольно порядочно по-кумыкски, но это было давно, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики, а потому объявилъ, что знаю этотъ языкъ слишкомъ мало, а говорить совсѣмъ не могу. Отецъ и сынъ цмокнули языками, и на ихъ физиономіяхъ ясно отпечаталась мысль: «какой же изъ него толкъ будетъ?» Потомъ Шамиль спросилъ, «гдѣ я служу». Узнавъ, что на Кавказѣ, онъ, повидимому, обрадовался и, замѣтивъ въ эту минуту бывшую у меня въ рукахъ папаху, взявъ ее и вмѣстѣ съ сыномъ разсматривая очень внимательно и даже съ видимымъ удовольствіемъ, какъ предметъ, близкій ихъ сердцу, хотя точно такой же предметъ покрывалъ голову каждаго изъ нихъ. Осмотрѣвъ мою папаху и возвращая ее мнѣ, Шамиль спросилъ, «давно ли я служу на Кавказѣ». Услыхавъ, что я служу девятнадцать лѣтъ, онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его сынъ окончательно повеселѣли и стали уже смотрѣть на меня гораздо снисходительнѣе.

— Товарищъ мой будетъ, другъ будетъ, сказалъ Шамиль, подавая мнѣ руку, что сдѣлалъ тотчасъ же и Казы-Магометъ.

Я просилъ г. Богуславскаго передать имаму, что я чувствую себя очень счастливымъ своимъ теперешнимъ назначеніемъ и что употребляю всѣ силы, чтобы пріобрѣсти расположеніе моего будущаго «товарища».

Должно быть, это поправилось ему: онъ снова пожалъ мою

руку и сказалъ, что съ своей стороны и онъ считаетъ себя обязаннымъ заставить меня полюбить его.

Послѣ этого мы сѣли вокругъ стола, поставленнаго подлѣ дивана, на которомъ занялъ мѣсто Шамиль. Перебирая чѣтки, онъ не спускалъ съ меня своихъ умныхъ глазъ и во время общаго молчанія принимался твердить: «Афилѣнъ, Афилѣнъ», что, кажется, обратилось для него въ своего рода забаву, которою онъ не упускалъ случая пользоваться во все время нашего перваго знакомства, лишь только вниманіе его не было устремлено на какой нибудь другой предметъ. Казы-Магомету тоже понравилось это занятіе.

— Афилѣнъ, Афилѣнъ, медленно твердилъ Шамиль, перенося свой взглядъ съ меня на г. Богуславскаго: — это имя я въ первый разъ слышу. Въ Петербургѣ у васъ, кажется, всѣхъ зовутъ Николаями; а вотъ у насъ, на Кавказѣ, такъ очень много Ивановъ: все Иванъ, все Иванъ....

Оказалось что изъ числа лицъ, представлявшихся мнѣ въ Петербургѣ, многіе, дѣйствительно, назывались Николаями, и эта-то странная случайность, вѣроятно, и заставила Шамиля предположить, что большая часть петербургскаго населенія состоитъ изъ однихъ Николаевъ. Въ свою очередь, и я сказалъ, что горцы зовутъ всѣхъ своихъ плѣнныхъ, а также и бѣглыхъ солдатъ, Иванами, вѣроятно, потому, что послѣдніе сами объявляютъ это имя, для сокращенія допросовъ относительно ихъ званія.

Все это было передано мнѣ, который, повидимому, вполне вникнулъ въ смыслъ объясненія и затѣмъ спросилъ, въ какомъ я чинѣ. Получивъ въ отвѣтъ, что я штабсъ-капитанъ, онъ началъ приводить себѣ на память всѣ извѣстные ему чины нашей военной іерархіи. Оказалось, что болѣе всего онъ знакомъ съ чиномъ генераль-лейтенанта, который и былъ произнесенъ имъ нѣсколько разъ совершенно правильно — признакъ того, что въ продолженіе своего военнаго поприща онъ чаще всего имѣлъ своими противниками генераловъ этого чина. При этомъ онъ называлъ нѣсколько фамилій нашихъ генераловъ, служившихъ прежде и служащихъ теперь въ генераль-лейтенантскихъ чинахъ.

— Пассекъ не былъ генераль-лейтенантомъ, сказалъ онъ между прочимъ:—а ему слѣдовало дать этотъ чинъ: онъ хорошій у васъ генералъ былъ.

Г. Богуславскій сказалъ на это, что, безъ сомнѣнія, онъ получилъ бы этотъ чинъ, еслибъ не былъ убитъ въ 1845 году.

— Жаль его! произнесъ Шамиль, впадая въ задумчивость.

Послѣ короткой паузы, въ продолженіе которой Казы-Магометъ занимался перечисленіемъ нашихъ военныхъ чиновъ, усиливаясь выговаривать правильно ихъ названія, отецъ его снова сдѣлалъ вопросъ, относившійся ко мнѣ: «Гдѣ я служилъ на Кавказѣ?» Г. Богуславскій началъ было со словъ моихъ перечень служебнаго моего поприща, въ началѣ котораго стоялъ Куринскій полкъ, но на этомъ же первомъ словѣ Шамиль прервалъ его, сказавъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ:

— А, сосѣдъ, сосѣдъ! (*)

И затѣмъ спросилъ, въ какихъ дѣлахъ я участвовалъ. Зная, что мелкія стычки не могутъ быть для него интересны, да о многихъ изъ нихъ онъ совсѣмъ и не знаетъ, я назвалъ прежде всего блокаду Зерани въ 1843 году. Лицо имама одушевилось.

— А! съ Пассекомъ былъ? спросилъ онъ.

— Да, съ Пассекомъ.

— Лошадей кушалъ? продолжалъ онъ, улыбаясь.

— Кушалъ, отвѣчалъ я.

— Что жъ, вкусно показалось?

Я отвѣчалъ, что ничего; но что было бы гораздо вкуснѣй, еслибъ была у насъ соль.

— А соли не было?

— Въ послѣднее время не было.

— Ну, это худо... Однако, вы очень крѣпко тамъ держались: моп не выдержали бы... Жена есть у васъ? немного погода спросилъ онъ.

— Есть.

— А дѣти есть.

— Есть.

— Гдѣ они теперь?

— На Кавказѣ.

— И моп тамъ, произнесъ онъ, вздохнувъ и грустно улыбувшись.

Въ это время подали обѣдать. По приглашенію г. Богуславскаго, Шамиль всталъ и пересѣлъ за обѣденный столъ. За нимъ

(*) Штабъ-квартира Куринскаго полка расположена въ кр. Воздвиженской, отстоящей отъ бывшей резиденціи Шамили, аула Ведень, верстахъ въ пятидесяти.

поднялись мюриды и Казы-Магометъ. Всѣ они усѣлись вокругъ стола и начали кушать съ большимъ аппетитомъ. Шамиль предложилъ и мнѣ раздѣлить съ нимъ обѣдъ; но я поблагодарилъ его и отказался.

Около семи часовъ пополудни, я опять очутился въ обществѣ Шамиля и вскорѣ затѣмъ отправился съ нимъ въ балетъ, на который онъ былъ приглашенъ директоромъ Императорскихъ театровъ г. Сабуровымъ, гостепріимно помѣстившимъ насъ въ своей ложѣ. Этотъ спектакль былъ уже не первый для имама, и онъ, какъ нельзя лучше, доказалъ это тѣмъ, что владѣлъ теперь биноклемъ очень ловко; а въ то время, когда на сценѣ представлялась ночь, онъ ужъ не такъ рѣзко обращался къ люстрѣ, вѣроятно, получивъ отъ г. Богуславскаго объясненіе механизма ея.

Въ этотъ вечеръ давали «Катарину» и одно дѣйствіе балета «Пери». Увидя на сценѣ гаремъ, со всѣми его атрибутами, Шамиль замѣтно одушевился, но тотчасъ же какъ будто одумался и принялъ спокойно-важную позу, вполне подобающую властелину гарема. Вообще, въ продолженіе цѣлаго спектакля, онъ держалъ себя какъ истый джентльменъ, у котораго сдержанность въ манерахъ и во всемъ обращеніи отнюдь не изучена передъ зеркаломъ на случай представившейся надобности, а проявляется какъ привычка, обратившаяся въ природу и основанная на ежедневной потребности и на всѣхъ условіяхъ домашней и общественной жизни, которую онъ ведетъ. Чтобы повѣрить этому, стоитъ только вспомнить недавнюю обстановку домашняго быта имама и условія оффиціального его положенія, которыми онъ былъ окруженъ въ теченіе столь долгаго времени. Къ тому же, онъ властвовалъ надъ горцами, которые, какъ и всѣ народы Азіи, имѣютъ свои собственныя понятія о томъ, какъ долженъ держать себя властелинъ относительно подвластныхъ ему. Общественная же жизнь, для которой женщина составляетъ необходимую принадлежность, у азіатскихъ народовъ, какъ извѣстно, не слишкомъ развита, а у кавказскихъ горцевъ тѣмъ менѣе. Но лучшимъ доказательствомъ отсутствія притворства въ Шамиль служитъ отзывъ, сдѣланный имъ г. Богуславскому, при посѣщеніи парохода-фрегата «Штандартъ». Осмотрѣвъ пароходъ во всей подробности, имамъ особенно былъ пораженъ изящнымъ убранствомъ Императорской каюты и очень удивлялся

тому, какимъ образомъ все, что онъ видѣлъ, могло быть такъ хорошо помѣщено на маленькомъ суднѣ, отданномъ, къ тому же, на произволъ незнакомой ему стихіи. На вопросъ г. Богуславскаго, что преимущественно обратило его вниманіе на пароходъ, Шамиль простодушно отвѣчалъ:

— Меня удивляетъ только то, что государь вашъ такой могущественный и богатый монархъ, а, между тѣмъ, говорить съ обыкновенными людьми...

Не правда ли, что такое понятіе о богатствѣ и могуществѣ совершенно въ духѣ Азіатца и что человѣкъ, сдѣлавшій подобный отзывъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть пропитанъ этою идеею и понятіемъ осуществленія подобной идеи? А Шамиль находился подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ болѣе двадцати лѣтъ...

Но я отвлекся отъ сцены, на которой вновь пріобрѣтенный для гарема живой товаръ выказывалъ передъ султаномъ свои достоинства.

Меня не занимала эта пьеса, сколько потому, что я уже видѣлъ ее нѣсколько разъ, столько же и потому, что передъ моими глазами была сцена другаго рода—физиономія Шамиля, являющая собою высокій интересъ для самаго любопытнаго зрителя.

Сущность дѣйствія, выражаемаго балетомъ, Шамиль разгадалъ, кажется, вполне, и немало сочувствовалъ положенію фигурировавшихъ передъ нимъ лицъ. Тѣснившійся въ немъ ощущеніе ясно отражалось на его лицѣ, и онъ совѣмъ не стѣснялся проявленіемъ ихъ, думая, что вниманіе всѣхъ его сосѣдей приковано къ одной лишь сценѣ, въ чемъ онъ убѣждался, повременамъ обращая украдкой на насъ свои глаза. Глядя на балетнаго султана, когда тотъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ смотрѣлъ на прелести одалыкъ и на ихъ искусство въ танцахъ, серьезный имамъ вполне входилъ въ его положеніе и, какъ казалось, совѣмъ былъ бы не прочь побывать на его мѣстѣ. Но вотъ султанъ ложится въ постель и засыпаетъ. На сцену спускается дымчатая занавѣсъ. Лицо имама горитъ; на немъ написано ожиданіе: что-то будетъ?... и вдругъ занавѣсъ исчезаетъ, и передъ изумленными очами моего зрителя явилась живая пирамида самыхъ прелестныхъ очаровательныхъ гурій... Шамиль не ожидалъ этого; онъ ждалъ другаго... Впавшій глазами въ эту чудесную группу, онъ долго разсматривалъ ее съ тою ненасытною жадностью,

которая можетъ быть понятна только для записныхъ любителей балета. Потомъ, утоливъ нѣсколько снѣдавшее его чувство, а можетъ быть сознавая потребность отдохнуть отъ него, Шамиль перенесъ свой взглядъ съ заманчивой картины на спящаго султана, и тутъ онъ не могъ уже не сочувствовать ему, хотя бы глаза цѣлаго свѣта устремились на него и обличили бы его въ грѣшныхъ мечтаніяхъ: рука съ биноклемъ опустилась, и Шамиль закрылъ глаза...

— Правится ли вамъ это? спросилъ его г. Богуславскій, показывая глазами на нашъ безподобный кордебалетъ.

— Пророкъ обѣщалъ намъ это только въ раю, отвѣчалъ имамъ: — я очень счастливъ, что успѣлъ еще на землѣ это увидѣть.

Шамиль лукавилъ: онъ очень хорошо зналъ о существованіи этихъ гурій на землѣ потому что, когда еще только начинался балетъ и онъ едва успѣлъ рассмотреть невольницъ и евнуховъ, то тотчасъ же сообщилъ г. Богуславскому замѣчаніе, что «это совершенно такъ, какъ бываетъ въ большихъ гаремахъ».

Но вотъ волшебная картина исчезаетъ; султанъ просыпается и, припоминая свои грѣзы, начинаетъ выражать одушевляющую его страсть какимъ-то новозобрѣтеннымъ па. Очень можетъ быть, что, въ глазахъ большинства зрителей, этотъ танецъ имѣлъ всѣ достоинства новизны и граціи; но въ мнѣніи моего «товарища» онъ положительно и невозвратно погубилъ не только султана да, кажется, и самую пьесу: при первыхъ прыжкахъ этого, хотя и закулисного, но все-таки высокостепеннаго лица, Шамиль сдѣлалъ большіе глаза и, не довѣряя собственному зрѣнію, поспѣшилъ вооружиться биноклемъ. Однако, и тутъ онъ довольно долго отъискивалъ нужную для него степень фокуса, вѣроятно, изъ опасенія опять ошибиться. Установивъ наконецъ инструментъ и высоко поднявъ свои брови, имамъ началъ разсматривать танцующаго султана. При одномъ великолѣпномъ его сальтомортале, Шамиль окончательно убѣдился, что могущественный султанъ—увы!—дѣйствительно танцуетъ, и, притомъ, танцуетъ «любя». Тогда имамъ опустилъ бинокль и засмѣялся ироническимъ, самымъ злымъ смѣхомъ. Признаюсь, не хотѣлъ бы я въ то время быть на мѣстѣ балетмейстера, поставившаго этотъ танецъ, да и на мѣстѣ самого танцора. Я рѣшительно страдалъ за нихъ, глядя на одушевленное ироніею лицо имама, которое такъ, кажется, и говорило: «какою же грязью, друзья мои гауры, кормятъ васъ

ваши поэты: понятное дѣло, что «убѣжище міра», осласлививъ какую нибудь рабу своимъ желаніемъ, можетъ выразить его глазомъ, словомъ, паконецъ объятіемъ, но чтобъ онъ унился до того, чтобъ плясать какъ простой алліа, да еще и вмѣстѣ съ этими исчадіями грѣха, какой вздоръ!... Васъ кормятъ грязью, друзья мои гяуры!...» И затѣмъ онъ ужъ не смотрѣлъ на сцену до самаго окончанія «Пери».

Во время антракта имамъ былъ приглашенъ г. Сабуровымъ пить чай; а потомъ, возвратившись передъ поднятіемъ занавѣса на свое мѣсто, спусти нѣсколько минутъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя сосѣдку, въ лицѣ одной молодой и прелестной особы. Это сосѣдство поставило его какъ будто въ ненормальное положеніе: онъ часто оборачивался и осторожно, съ какою-то боязливостью, посматривалъ на изящный костюмъ сидѣвшей возлѣ него дамы, не позволяя себѣ посмотреть ей въ лицо. Я не знаю, что подумала эта особа о движеніяхъ имама; но что касается до него, то я навѣрное знаю, что его мучила мысль о неловкости и невѣжливости его позы, въ которой онъ противъ воли долженъ былъ сидѣть, и что онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ, чтобы только выйти изъ положенія, такъ сильно его смущавшаго.

Въ «Катаринѣ» особенное вниманіе Шамиля было возбуждено двумя эпизодами: военными эволюціями амазонокъ и разрушеніемъ переброшеннаго черезъ пропасть моста. Какъ только разбойникъ миновалъ его и подъ ударами его топора начали падать доски, всѣ горцы—и имамъ, и его сынъ, и мюриды Таушъ—вздрогнули, судорожно передернули плечами и, какъ будто сговорившись, взглянули другъ на друга въ одно и то же игновеніе. Этотъ взглядъ былъ тотъ самый, которымъ они подарили себя въ другомъ балетѣ «Робертъ и Бертрамъ», когда глазамъ ихъ представились эти два друга, проходившіе украдкою по сценѣ.... Какой выразительный взглядъ! Я никогда не забуду его: въ немъ заключалась цѣлая драма, составленная изъ безчисленнаго множества актовъ, и охватывающая собою характеръ, нравы, привычки, всю жизнь горца.... Безъ всякаго сомнѣнія, каждый изъ нихъ понималъ другъ друга, когда поймалъ на лету взглядъ товарища....

Граціозныя эволюціи кордебалета тоже очень занимали имама: глядя на стройныя фигурки хорошенькихъ разбойницъ, онъ очень снисходительно улыбался, и на его лицѣ отражалась какая-то мысль, которой я никакъ не могъ разгадать. Но скоро

загадка объяснилась. Когда грозные маневры заключились не менѣе грозною, но еще болѣе граціозною «кучкою», г. Богуславскій спросилъ имама, до какой степени страшнымъ показалось ему это войско.

Глаза Шампиля блеснули самою добродушною пропіею.

— Еслибъ это войско было у меня въ Гунибѣ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь:—я бы не былъ побѣжденъ.

Въ началѣ послѣдняго акта «Катаринны», г. Богуславскій долженъ былъ оставить театръ, по случаю экстренной служебной надобности. Выходя изъ ложы, онъ просилъ меня остаться при нашихъ горцахъ и занимать ихъ до возвращенія его прямо въ гостиницу. Конечно, я могъ замѣнить г. Богуславскаго только какъ провожатый, а не какъ собесѣдникъ; а потому, сидя въ каретѣ съ Шампиемъ и его сыномъ, я началъ отъ нечего дѣлать, размышлять о неловкости теперешняго моего положенія и придумывать предства, какъ бы изъ него выйти,—какъ вдругъ Казы-Магометъ, до сихъ поръ толковавшій о чемъ-то съ отцомъ, обратилъ свою рѣчь ко мнѣ, и между нами произошелъ разговоръ на томъ діалектѣ, который такъ хорошо знакомъ всѣмъ, кто служилъ на передовой кавказской линіи, и на которомъ такъ свободно и успѣшно разговариваютъ наши солдаты съ Чеченцами, несмотря на то, что Чеченцы не знаютъ русскаго языка, а солдаты чеченскаго.

— Ый, капитанъ! сказалъ онъ, тронувъ меня легонько за колено:—твой жена—Капказъ?

— На Кавказѣ, отвѣчалъ я.

— Ый! билъы твоя? (ты знаешь?) Моя Капказъ гайдъ: жена тащилъ нада (жену привезти надо); ну, мой жена тащилъ, имамъ жена тащилъ.... билъы твоя?

— Билѣманъ (знаю), отвѣчалъ я.

— Ну.... моя жена тащилъ моя; имамъ жена тащилъ моя: давай, пожалуйста, моя будетъ твоя жена тащилъ!

— Якши, сказалъ я:—саубулъ (спасибо), тащи, пожалуйста!

— Ну, якши, продолжалъ онъ, качнувъ головою и ужь со всѣмъ положивъ одну свою руку на мое колено: — моя будетъ жена твоя тащилъ.... Ну.... а баранчукъ тащилъ нада? (А дѣтей надо привезти?)

— Надо; тащи и баранчукъ, пожалуйста!

— Якши: моя будетъ баранчукъ тащилъ.... Ну.... твоя мая.... Кааъ беръ маа, пожалуйста! (Письмо мнѣ дай.)

— Чохъ якши, сказалъ я.

— Чохъ якши, сказалъ и онъ.

На томъ разговоръ и покончился. Откуда эта любезность?... Посмотримъ. Въ это время я замѣтилъ, что Шамплъ, сидя безъ шубы, которой онъ, при выходѣ изъ театра, не надѣлъ и не захотѣлъ взять съ собою въ карету, что-то сильно пожимается, какъ будто ему очень холодно. Правду сказать, и морозъ былъ въ эту ночь порядочный. Зная, что для его южной комплекціи сырой и холодный петербургскій воздухъ не можетъ быть полезенъ, я предлагалъ ему надѣть мое комиссаріатское пальто. Сначала онъ было поцеремонился немного, но вскорѣ, порядкомъ, должно быть прозбнувъ, взялъ у меня пальто и надѣлъ его на себя, застегнувшись на всѣ пуговицы. Только что онъ это сдѣлалъ, мы повернули съ Поцѣлуева моста въ Большую Морскую, и вслѣдъ затѣмъ луна, бывшая до сихъ поръ у насъ сзади, освѣтила одно изъ оконъ кареты. Я взглянулъ на имама: голова его, вмѣстѣ съ украшавшимъ ее тюрбаномъ, скрывалась въ тѣни; оставалось виднымъ одно туловище, плотно укутанное моимъ пальто, и еслибъ не темная борода, граціозно лежавшая на сѣромъ сукнѣ, то никѣмъ другимъ нельзя было признать имама, какъ старымъ комиссаріатскимъ чиновникомъ. Шамплъ комиссаріатскій чиновникъ!... Что, еслибъ оставить его теперь въ этомъ званіи! подумалъ я тогда: онъ бы сдѣлалъ кой-какія преобразованія въ нашемъ комиссаріатѣ....

Порядочный холодъ, заставлявшій и меня повременамъ пожиматься, отбилъ у моихъ спутниковъ охоту къ разговорамъ, и мы провели остальную часть дороги въ совершенномъ молчаніи. Возвратившись домой около полуночи, мы, несмотря на то, застали еще нѣсколько человѣкъ около подъѣзда гостиницы и столько же, если не больше, любопытныхъ встрѣтили на лѣстницѣ и въ корридорѣ. При выходѣ изъ кареты, Шамплъ возвратилъ мое пальто и въ знакъ благодарности пожалъ мнѣ руку. Въ приемной имама, мы нашли г. Богуславскаго и приготовленный его заботливостью ужинъ. Шамплъ переодѣлся, совершилъ намазъ и затѣмъ ужь сѣлъ за столъ. Примѣру его послѣдовали мы съ г. Богуславскимъ, Казимъ-Магометъ и трѣ мюрида, изъ числа которыхъ Таушъ, бывшій въ театрѣ, тотчасъ же началъ рассказывать своимъ товарищамъ что-то съ большимъ жаромъ: вѣроятно, онъ передавалъ имъ впечатлѣніе этого вечера. Самъ Шамплъ да и сынъ его въ продолженіе ужина были до-

вольно молчаливы: безъ всякаго сомнѣнія, они устали тѣломъ и духомъ. Обмѣнявшись съ г. Богуславскимъ немногими словами насчетъ завтрашней поѣздки, по приглашенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Инспектора по инженерной части, въ Инженерный замокъ, для осмотра моделей нашихъ крѣпостей, а также къ художнику Деньеру, для снятія фотографическихъ портретовъ, Шамиль окончилъ ужинъ, всталъ пзъ-за стола, распрощался съ нами и ушелъ въ свою спальню.

На другой день всѣ мы, вчерашніе посѣтители директорской логи, отправились въ Инженерный замокъ, куда и явились въ одиннадцатомъ часу утра. На всѣхъ лѣстницахъ и во всѣхъ залахъ, по которымъ мы проходили, стояли тѣсными рядами воспитанники Инженернаго училища, академисты той же академіи, училищные офицеры, чиновники Инженернаго департамента, и даже замѣтили нѣсколько дамъ. Встрѣча была такъ же торжественна и симпатична, какъ и прежнія, которыя Шамиль имѣлъ счастье видѣть во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Свѣты Его Величества генералъ-маіоръ фонъ-Кауфманъ встрѣтилъ имама въ одной изъ залъ и повелъ его въ тѣ комнаты, гдѣ установлены модели, которыя онъ и началъ показывать своему гостю, объясняя при этомъ нѣкоторые болѣе интересныя подробности, касающіяся устройства крѣпостей вообще и обороны нѣкоторыхъ изъ нихъ въ послѣднюю войну. Шамиль видимо былъ заинтересованъ объясненіями г. Кауфмана и нерѣдко возбуждалъ ихъ вопросами съ своей стороны. Очень нравились ему также и самыя модели, которыя устройствомъ своимъ и чистотою работы представляютъ совершенство своего рода. Миниатюрныя на нихъ изображенія всѣхъ возможныхъ крѣпостныхъ работъ и построекъ въ особенности обращали его вниманіе. На все это онъ смотрѣлъ если не опытнымъ глазомъ знатока, то съ жаднымъ вниманіемъ запаснаго любителя. Однако, выслушавъ объясненія г. Кауфмана и соображая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ на моделяхъ, Шамиль нѣсколько разъ задумывался и покачивалъ головою, какъ бы въ раздумьи, имѣвшемъ способность подѣйствовать на посторонняго наблюдателя такимъ образомъ, что онъ могъ заподозрить имама въ тупости понятій, при которой подобное дѣло не могло быть для него доступнымъ. Но это было не такъ: Шамиль хорошо слышалъ, хорошо видѣлъ и еще лучше понималъ

все, что представлялось ему; онъ живо смекнулъ, какое употребленіе можно сдѣлать изъ оригиналовъ видѣнныхъ имъ копій, и едва ли соображеніе его было черезчуръ невѣрно; но онъ самъ сознавался въ послѣдствіи, что его угнетала въ то время мысль объ ограниченности его познаній, не позволявшей ему даже пометтать о томъ, что бы онъ сдѣлать, если бы пришлось ему распоряжаться или этими твердынями, или войсками, назначенными для покоренія ихъ.

Грустное чувство, отражавшееся на лицѣ его, разсѣялось, какъ только начали мы всходить на антресоли, для обозрѣнія расположенныхъ тамъ моделей. Устройство спиральной лѣстницы, соединяющей антресоли съ прочими залами, очень занимало имама: онъ нѣсколько разъ останавливался, оглядываясь внизъ, поглядывая вверхъ и при этомъ улыбался. Въ послѣдствіи, онъ говорилъ мнѣ, что ему тогда приходила на мысль польза, которую можно бы ожидать отъ примѣненія спиральныхъ входовъ при оборонѣ гористой мѣстности, но что, вслѣдъ затѣмъ, онъ отказался отъ этой идеи, потому что сперва запугала его сложность выполненія ея, а подѣ конецъ и самое примѣненіе спирали показалось ему бесполезнымъ. «Впрочемъ», говорилъ онъ въ заключеніе, «въ Калугѣ я подумаю объ этомъ.»

Осмотрѣвъ съ тѣмъ же вниманіемъ модели, бывшія на антресоли, и прослѣдивъ изъ окна за суетливымъ движеніемъ, происходившимъ внизу, по набережной Фонтанки, Шамиль просилъ генералъ-маіора фонъ-Кауфмана передать свою признательность Его Императорскому Высочеству за высокое къ нему вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свою благодарность самому генералъ-маіору фонъ-Кауфману за трудъ, который онъ такъ любезно принялъ на себя. Затѣмъ онъ раскланялся, и мы отправились на Невскій проспектъ, къ художнику Денъеру.

Г. Денъеръ чрезвычайно былъ обрадованъ посѣщеніемъ имама, и, конечно, никогда не принимался онъ за дѣло съ такой любовью къ своему искуству, какъ въ этотъ разъ, будучи одушевленъ очень понятнымъ желаніемъ — передать публикѣ черты этаго замѣчательнаго человѣка въ той степени совершенства, которое только допускается фотографіею.

Шамиль позировалъ три раза. Г. Денъеръ былъ очень доволенъ его спокойствіемъ, столь необходимымъ для передачи всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ человѣческой фizioноміи. За вторымъ разомъ, имамъ уступилъ свое мѣсто сыну, а самъ пересѣлъ на

диванъ и занялся разсматриваніемъ кипсековъ, расположенныхъ на ближайшемъ къ нему столѣ. Прежде всего ему попалась «дрезденская галлерей», и первая въ ней гравюра — «Христа Спасителя».

Шамиль разсматривалъ картину съ напряженнымъ вниманіемъ. Въ его глазахъ и на всемъ лицѣ отразилось то самое чувство, которое должно быть возбуждено въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ страданіями Спасителя, передавными кистью.

— Кто это? взволнованнымъ голосомъ спросилъ имамъ.

— Это Иисусъ Христосъ, отвѣчалъ г. Богуславскій.

Шамиль посмотрѣлъ на изображеніе Спасителя еще разъ и потомъ сказалъ:

— Я поцѣлую его!

Вслѣдъ затѣмъ онъ поднесъ къ своимъ губамъ картину и поцѣловалъ ее.

По поводу этого, г. Богуславскій разсказалъ мнѣ другой подобный же случай, встрѣтившійся при посѣщеніи имамомъ Царскаго Села. Обозрѣвая достопримѣчательности царскосельскаго дворца, имамъ остановился въ одномъ павильонѣ, передъ статуей Спасителя. Сперва все вниманіе его было обращено на руки, ноги и вообще на всѣ части туловища статуи. Онъ разсматривалъ ихъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, часто притрогивался къ нимъ и тогда только удостовѣрился, что это ничто иное, какъ холодный мраморъ. Но когда онъ взглянулъ на голову статуи, то до того былъ пораженъ выраженіемъ лица, что долго, долго смотрѣлъ на него не спуская глазъ и вполнѣ проникнувшись чувствами, которыя оно отражало.

— Кто это? спросилъ онъ у всегдашняго своего спутника.

— Спаситель нашъ, отвѣчалъ г. Богуславскій.

— Онъ многому прекрасному училъ васъ! сказалъ Шамиль.

— Я тоже Ему буду молиться: Онъ мнѣ счастье дастъ...

Эти факты кажутся способными возбудить предположенія о томъ, что въ душѣ Шамиля далеко не былъ такимъ краснымъ фанатикомъ, какъ это можно думать, судя по дѣйствіямъ его въ распространеніи мюридизма и возбужденіи казавата, что религіозный его фанатизмъ скорѣе былъ дѣломъ политическаго расчета, нежели глубокаго, душевнаго убѣжденія, и что наконецъ онъ самъ не слишкомъ-то слѣпо поддается внушеніямъ корана, а, напротивъ, подвергаетъ даже нѣкоторые принципы его критикѣ, чрезъ сравненіе ихъ съ тождественными принципами еван-

геліа, которое, повидимому, не составляет для него terra incognita. Все это, однако, не мѣшаетъ ему быть, по наружности, правовѣрнѣйшимъ мусульманиномъ, а на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, глубоко-религіознымъ человекомъ, проникнутымъ разумнымъ убѣжденіемъ, что та религія непогрѣшительна, которая способна заставить человека отдаться ей искренно, всѣмъ его существомъ.

Выходъ нашъ отъ г. Денъера былъ ознаменованъ огромнымъ стеченіемъ публики, расположившейся по всему протяженію Милутиныхъ лавокъ такою густою массою, что Шамилъ только съ весьма большимъ трудомъ пробрался къ коляскѣ. Сынъ же его, не замѣченный публикою, остался въ числѣ зрителей и только улыбался, переглядываясь съ отцомъ, но не рѣшался дѣйствовать энергически, чтобы пробиться къ экипажу. Тогда я обхватилъ его сзади за талію и попросилъ сосѣдей пропустить сына Шамиля. Зрители тотчасъ же, хотя и съ трудомъ, разступились, и Казы-Магометъ очутился наконецъ въ коляскѣ. Когда мы такимъ манеромъ пробирались, я чувствовалъ, что меня кто-то тянетъ какъ будто назадъ. Оглянувшись, я увидѣлъ мюрида Тауша, который, чтобы не отстать отъ насъ, уцѣнился за меня точно такъ же, какъ я за Казы-Магомета, вѣроятно, думая, что «такъ оно тамъ и нужно». При этомъ я замѣтилъ, что не совсѣмъ-то покойное чувство было написано на его здоровомъ и беззаботномъ лицѣ, которое тогда только приняло свое нормальное выраженіе, когда онъ увидѣлъ себя сидящимъ со мною въ каретѣ, а зрителей—оставшимися, попрежнему, на тротуарѣ. Блаженное состояніе своего духа онъ тотчасъ же ознаменовалъ какою-то пѣсенкой, что, впрочемъ, онъ дѣлаетъ каждый разъ, какъ только садится въ карету, чтобы куда нибудь ѣхать.

— А что, Таушъ, сказалъ я ему чрезъ переводчика:—еслибъ мнѣ случилось быть у васъ въ плѣну да попался бы я въ эдакую толпу твоихъ земляковъ, какъ думаешь: вышелъ бы я изъ ней живой?

— Не вышелъ бы, лаconiчески отвѣчалъ мюридъ.

— Ну, какой же законъ для тебя лучше? продолжалъ я.

— Нашъ законъ лучше, съ спокойной увѣренностью отвѣчалъ онъ.

Это убѣжденіе привело мнѣ на память обѣщаніе Шамиля написать въ горы, чтобы тамъ почеловѣколюбивѣе обращались съ нашими плѣнными.

«Надо будетъ напомнить ему», подумалъ я.

Возвратившись въ гостиницу, мы нашли, по обыкновенію, около нея и внутри множество любопытныхъ, передъ которыми Шамиль прошелъ съ обычнымъ выраженіемъ удовольствія на лицѣ. Пришедши въ пумеръ, онъ тотчасъ же исполнилъ обязанности добраго масульманина и затѣмъ уже сѣлъ обѣдать.

Французскій столъ, повидимому, не былъ противнымъ горцамъ; однако, онъ не возбуждалъ и особеннаго удовольствія въ нихъ. Не ѣвши во всю свою жизнь ничего, кромѣ баранины, курятины и прѣснаго хлѣба, пріятели наши, кажется, не отказались бы и теперь отъ этихъ блюдъ, тѣмъ болѣе лакомыхъ, что ихъ можно ѣсть руками, безъ пособія вилокъ, повидимому, столь несносныхъ и для Тауша, и для Хаджію, и для Керимъ-Магомета, да, кажется, и для самого Казы-Магомета. Одинъ только Шамиль дѣйствуетъ этимъ инструментомъ съ ловкостію человека, давно и хорошо знакомаго съ подобными обычаями Европейцевъ. Но и онъ не могъ изрѣдка отказать себѣ въ наслажденіи собственноручно обглодать крылышко цыпленка или хрящеватую косточку барашка. Что же касается мюридовъ, то интересно было видѣть ихъ отчаянныя усилія, съ которыми они старались захватить кусокъ майонеза, каждый разъ соскользавшаго съ вилки и наконецъ дробившагося на мелкія части, со всѣмъ ужь неудобнымъ для дѣйствія противъ нихъ вилкою. Сначала горцы сердились на неуспѣхъ своихъ стараній; но потомъ, видя, что эго дѣлу не помогаетъ, они бросали одинъ за другимъ вилки, брали наръзанные куски руками и клали ихъ въ ротъ, со смѣхомъ переглядываясь между собою и облизывая замоченные укусомъ пальцы. Почти то же самое происходило и съ пилавомъ: неизбежная, по ихъ понятіямъ, необходимость обгладывать куринныя косточки и для этого брать ихъ въ руки соблазняла мюридовъ и въ отношеніи риса. Подумавъ, подумавъ, они оставляли ложки и начинали брать его руками, съ наслажденіемъ поглядывая на масло, стекавшее съ ихъ пальцевъ на тарелку. Не безъ удовольствія взглядывалъ повременамъ на нихъ Шамиль: онъ какъ будто сознавалъ свое превосходство передъ земляками даже и въ этомъ, ничего не стоящемъ дѣлѣ, и, улыбаясь снисходительною улыбкою, дѣлалъ небольшія замѣчанія, касавшіяся неловкости мюридовъ и страннаго свойства русскихъ блюдъ. Замѣтно было также, что онъ одинъ знаетъ въ нихъ толкъ, но, вслѣдствіе какого нибудь расчета, не высказы-

ваетъ своего мнѣнія о преимуществѣ, которое онъ въ душѣ отдаетъ европейской кухнѣ передъ стряпнею горцевъ. Остальные же собесѣдники ѣди подаваемые имъ кушанья почти безъ всякаго сознанія ихъ вкуса; они какъ будто считали ихъ только спосными, и то потому собственно, что вся живность была зарѣзана правовѣрными руками Тауша и на этомъ основаніи можетъ быть допущена для утоленія мусульманскаго голода, въ какомъ бы безобразномъ безвкусіи глупы ея приготовили. Только всѣхъ сортовъ пирожныя и медъ, этотъ единственный напитокъ, который горцы употребляли въ Петербургѣ, удостоивались безусловной отъ нихъ похвалы. Предложилъ было я Казы-Магомету попробовать квасу. Онъ принялъ отъ меня стаканъ и, указывая на него головою, спросилъ: не арака ли это? Я увѣрилъ его, что нѣтъ. Несмотря на это, онъ, повидимому, сомнѣвался и довольно долго разсматривалъ жидкость противъ свѣта. Наконецъ темный цвѣтъ кваса успокоилъ его: онъ поднесъ стаканъ къ губамъ и прихлѣбнулъ нѣсколько капель, но тотчасъ же сморщился и, передавая мнѣ стаканъ, сказалъ: «бузѣ!» Затѣмъ никакія убѣжденія не истребили въ немъ увѣренности, что это совсѣмъ не хмѣльной напитокъ, и я рѣшительно отказался отъ желанія распространить между трезвыми горцами употребление нашего русскаго рейнвейна.

По окончаніи обѣда, Шамиль пересѣлъ къ окну на диванъ и занялся чтеніемъ манускриптовъ, полученныхъ имъ отъ г. профессора Мирзы-Казембека. Манускрипты очень интересовали его, и онъ до того въ нихъ углубился, что не замѣчалъ людей, входившихъ въ комнату и проходившихъ чрезъ нее. Надо было позвать его, чтобъ отвлечь его вниманіе отъ чтенія.

Въ этотъ вечеръ и въ послѣдующее утро я убѣдился, какъ много безпокойства и всякаго рода хлопотъ досталось на долю г. Богуславскаго. Въ его комнату безпрестанно являлся чело-вѣкъ съ докладомъ, что какой-то господинъ желаетъ его видѣть. На повѣрку выходило, что господинъ имѣлъ желаніе видѣть собственно не его, а Шамиля; но такъ какъ особой записки, удостовѣряющей въ дѣйствительной необходимости видѣть имама и говорить съ нимъ, у многихъ посѣтителей не имѣлось, то, въ огражденіе его отъ частаго и утомительнаго безпокойства, г. Богуславскій долженъ былъ, къ обоюдному прискорбію, отказывать имъ въ способствованіи къ свиданію съ плѣнникомъ. Интересны также были причины, выставляемыя нѣкоторыми по-

посѣтителемъ, на право свиданія съ Шамилемъ: одинъ отставной военный говорилъ, что долго служилъ на Кавказѣ и потому имѣеть неоспоримое право посмотрѣть на того, съ кѣмъ онъ дрался. Другая какая-то пожилая барыня выставляла на видъ раны своего племянника и потому требовала свиданія съ имамомъ, должно быть для успѣшнѣйшаго врачеванія ихъ. Третій, тоже пожилой человѣкъ, въ «цивильномъ костюмѣ» и въ очкахъ, объявлялъ, что онъ намѣренъ писать біографію Шамиля, для чего необходимо сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ.

— Вы, вѣрно, знали имама прежде, на Кавказѣ? спрашиваетъ г. Богуславскій.

— Нѣтъ, не зналъ; да я и не былъ на Кавказѣ.

— Побойтесь же Бога! отвѣчалъ страдалецъ: — ну, какую вы біографію составите изъ двухъ или трехъ отвѣтовъ Шамиля?...

Наконецъ были такіе господа, которые просто требовали показать имъ Шамиля. Г. Богуславскій долженъ былъ каждому отвѣчать и каждого убѣждать въ невозможности выполнить его желаніе или требованіе. Большой запасъ христіанскаго терпѣнія надо имѣть для того, чтобъ вынести все эти пытки. Одному изъ посѣтителей г. Богуславскій никакъ не могъ отказать, несмотря на то, что у него не было записки на свиданіе съ имамомъ; но онъ принесъ картину, изображающую обнаженнаго человѣка, съ бритою головою, страшно израненнаго и лежащаго съ закрытыми глазами на землѣ, внутри или возлѣ подобія горской сакли. Подъ картиною были двѣ подписи: на русскомъ языкѣ—«Казн-Молла», и на арабскомъ—«Казы-Магометъ». Посѣтитель, показывая г. Богуславскому картину, утверждалъ, что Шамиль, по всей вѣроятности, будетъ очень радъ увидѣть портретъ своего учителя, котораго онъ такъ уважалъ. Этотъ доводъ убѣдилъ г. Богуславскаго, и онъ, желая доставить имаму пріятное, рѣшился сообщить ему о желаніи любезнаго посѣтителя. Шамиль изъивилъ согласіе и, взявъ въ руки картину, долго разсматривалъ ее съ жаднымъ вниманіемъ. Наконецъ, возвращая ее владѣтелю, онъ щелкнулъ языкомъ и равнодушно сказалъ: «нѣтъ, это не Казы-Магометъ». Отвѣтъ его, переведенный г. Богуславскимъ, смутилъ бѣднаго посѣтителя, тѣмъ болѣе, что онъ вполне былъ убѣжденъ въ разительномъ сходствѣ портрета съ оригиналомъ, въ чемъ удостовѣрили, по его словамъ, отзывы значительныхъ особъ, служившихъ на Кавказѣ.

Вечеръ заключился продолжительною бесѣдою имама съ г. Казембекомъ, къ которому, повидимому, онъ питаетъ неограниченное уваженіе. Они сидѣли рядомъ на диванѣ. Шамиль говорилъ объясненія нѣкоторыхъ интересныхъ фактовъ изъ исторіи кавказской войны, которой, онъ, можно сказать, служилъ самымъ олицетвореніемъ; г. Казембекъ записывалъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Какую неподобную группу составляли изъ себя эти двѣ фигуры: воинъ и ученый! Какъ различны цѣли ихъ жизни и какъ разнородна извѣстность! А, между тѣмъ, сколько гармоніи заключалось въ теперешнемъ ихъ сближеніи, о возможности котораго, навѣрное, не приходило на мысль ни тому, ни другому, да едва ли и кому нибудь въ цѣломъ мірѣ...

Между тѣмъ, какъ въ приемной Шамиля шла тихая, полная значенія бесѣда, въ другихъ комнатахъ его нумера, три мюрида дѣлали приготовленія къ завтрашнему отъѣзду. Хаджію вынималъ изъ чемодана чистое бѣлье и раскладывалъ его на постели своего имама. Потомъ онъ развернулъ узкій и длинный въ нѣсколько десятковъ аршинъ кусокъ бѣлой бязи, внимательно осмотрѣлъ его и сложилъ на одномъ изъ креселъ, имѣя въ виду замѣнить завтра этимъ кускомъ ту матерію, которая обвиняла имамскую шапку теперь. Кончивъ съ бѣльемъ, Хаджію принялся за одежду и обувь Шамиля: разсмотрѣвъ въ подробности черкеску, онъ нашелъ ее въ полной исправности и повѣсилъ на ширмы, при чемъ, замѣтивъ меня, онъ улыбнулся и сказалъ: «якши!» Но, взглянувъ послѣ того на чевяки, онъ сказалъ «яманъ!» и тотчасъ же показалъ ихъ Казы-Магомету, который въ это время лежалъ на своей постели и игралъ отъ скуки шашкою, стараясь удержать ее въ вертикальномъ положеніи на одномъ пальцѣ. Казы-Магометъ прекратилъ на время свою забаву, взялъ чевяки, посмотрѣлъ на дырявыя мѣста и потихоньку зашвысталъ, процѣживая звуки какимъ-то особеннымъ манеромъ, между языкомъ и зубами. Потомъ, подбросивъ чевяки одинъ за другимъ вверхъ и ловко схвативъ ихъ палету, онъ наконецъ обратился ко мнѣ и, указывая на прорѣхи, сказалъ:

— Ый, капитанъ! Пожалуйста, чевякъ пропасть!

Я приказалъ позвать переводчика и тотчасъ же устроилъ это дѣло. Успокоившись насчетъ чевякъ, Казы-Магометъ легъ, по прежнему, на постель и снова предался своей забавѣ; а мюридъ Хаджію, обдѣлавъ съ усердіемъ казеннаго деньщика всѣ

дѣла своего имама, нашеть справедливымъ заняться теперь и собственными дѣлишками.

Присѣвъ на корточки возлѣ своего друга Тауша, бережливый и опрятный Хаджіо прежде всего обратилъ вниманіе на производимыя имъ безчинства. Таушъ сидѣлъ тоже на корточкахъ передъ раскрытымъ чемоданомъ и развязывалъ саквы (*). Вынимая потомъ изъ нихъ свои вещи, чтобы сдѣлать укладку поумиствѣ, онъ не клалъ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ, какъ раскладывалъ Хаджіо и какъ кладутъ всѣ люди на свѣтѣ, но руководился въ этомъ случаѣ собственно манерою, которая, можетъ быть, могла доставить ему удовольствіе, но никакъ не пользу. Онъ не вынималъ вещей, а съ какимъ-то азартомъ выхватывалъ ихъ изъ чемодана или изъ сумы, а потомъ еще съ большимъ остервенѣніемъ бросалъ, или, вѣрнѣе, швырялъ на полъ, на стулъ, на кровать и на все, что только, по его соображенію, способно было произвести болѣе громкій и болѣе дисгармоническій звукъ, котораго, повидимому, такъ жаждало его безстрашное ухо. Ничто не давало повода думать, чтобы на такую ярость Таушъ былъ вызванъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, повредившимъ доброму расположенію его духа, которое, повидимому, никогда его не оставляетъ; напротивъ, въ эту минуту, онъ былъ «въ ударѣ» болѣе, чѣмъ когда нибудь: каждое движеніе его сопровождалось сперва какимъ-то очень энергическимъ восклицаніемъ, потомъ звонкимъ беззаботнымъ смѣхомъ и наконецъ не менѣе звонкою и веселою пѣснью, ни одного разу, однако, не кончавшеюся, потому что съ послѣдующимъ швыркомъ начиналась пѣсня совсѣмъ другаго мотива и, по всей вѣроятности, совсѣмъ иного содержанія.

Просидѣвъ нѣсколько времени въ своемъ интересномъ положеніи и поглядѣвъ съ безмолвною улыбкою на Тауша, Хаджіо наконецъ разсмѣялся и толкнулъ его подъ бокъ. Таушъ упалъ, но тотчасъ же вскочилъ и, закричавъ на своего пріятеля притворно гнѣвнымъ тономъ, обратился снова къ своему занятію, продолжая его тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде. Тогда Хаджіо всталъ, досталъ свои вещи и началъ разбирать ихъ, напѣвая, подобно Таушу, какую-то пѣсню, но только, повидимому, духовнаго содержанія.

Третій мюридъ, Керимъ-Магометъ, во все время пребыванія

(*) Переметныя сумы, мѣшочки, изъ шерстяной матеріи, кавказской фабрикаціи.

въ Петербургѣ, былъ очень боленъ, и теперь лежалъ на постели, завернувшись въ епотовую шубу, полученную имъ, въ числѣ прочихъ товарищей, отъ Высочайшихъ щедротъ. Керимъ-Магометъ до крайности интересовалъ меня и наружностью своею и какимъ-то драматическимъ эпизодомъ, разъярившимся въ моихъ глазахъ между нимъ и его товарищами. Его правильное, немного смуглое и чрезвычайно выразительное лицо, съ граціозно очерченными бровями и необыкновенно тонкимъ и прямымъ носомъ, способны были обратить на него вниманіе каждаго, самаго невнимательнаго прохожаго; а глаза его, умные, огненные, маслянистые и черные какъ агаты, совершенно поработили меня магнетическою силою своего долгаго, впивающагося и съ виду какъ будто добраго взгляда; но нѣтъ! всмотрѣвшись пристальнѣе въ эти глаза, если только достанетъ у кого нибудь на столько твердости, чтобъ не опустить передъ ними своего взгляда, нельзя было не замѣтить, что нѣтъ въ нихъ добра, а есть что-то зловѣщее, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, притягивающее къ этому человеку всякаго другаго человека. Вотъ герой для романа! И, судя по отчужденію Керимъ-Магомета отъ своихъ товарищей, которые въ продолженіе этихъ трехъ дней, какъ я замѣтилъ, не сказали съ нимъ ни одного слова, судя по холодности къ нему самого Шамиля и его сына и, наконецъ, замѣчая на его лицѣ печальное, но суровое выраженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, напряженное стараніе удалиться отъ земляковъ, нельзя было не придти къ убѣжденію, что въ квартирѣ Шамиля разыгрывается какая-то драма, содержаніе которой, должно быть, чрезвычайно интересно. Да, очень интересно. А какъ узнать, въ чемъ состоитъ дѣло? Переводчикъ здѣсь бесполезенъ; одно средство — учиться ихъ языку. Буду учиться; а пока спрошу г. Богуславскаго, не знаетъ ли онъ, въ чемъ дѣло....

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ Калугу, Шамиль съ такимъ теплымъ искреннимъ чувствомъ старался передъ посѣтителеми своими выразить душевную признательность Государю Императору за милости, которыми онъ былъ осыпанъ такъ неожиданно и такъ, повидимому, непонятно для него самого. Нѣтъ сомнѣнія, что это великодушіе, а также и пріемъ, сдѣланный Шамилю петербургскою публикой, подѣйствуетъ на него тоже неожиданнымъ образомъ.

Явился г. Александровскій съ портретами всѣхъ горцевъ, снятыми имъ еще прежде г. Денъера. Портреты отличались разительнымъ сходствомъ и изяществомъ отдѣлки. Попавшись въ руки мюридовъ, портретъ Шамиля произвелъ между ними большую суматоху. «Ай, имамъ, имамъ!» закричали они, бросивъ завтракъ, долго и съ любовью разсматривали портретъ, сличая его съ оригиналомъ.

Одинъ экземпляръ каждаго портрета г. Александровскій подарилъ горцамъ, что, повидимому, доставило имъ большое удовольствие, и Шамиль тотчасъ же изъявилъ желаніе отправить свой портретъ съ Казы-Магометомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, къ женамъ. Такая внимательность доказываетъ, что онъ постоянно помнилъ о нихъ и вообще очень привязанъ къ своему семейству. Это подтверждаетъ и г. Богуславскій, рассказывавшій, кромѣ того, что Шамиль страстно любитъ дѣтей. Припоминая извѣстное убѣжденіе, что человекъ, который любитъ дѣтей, не можетъ имѣть злаго сердца, нельзя не согласиться въ томъ, что отзывы г. Богуславскаго, бросая новый свѣтъ на личность имамъ, должны бы, кажется, еще болѣе смягчить невыгодное о немъ мнѣніе людей, такъ сильно противъ него вооруженныхъ. Впрочемъ, обстоятельство это, вѣроятно, разъяснится въ непродолжительномъ времени.

Для избѣжанія повтореній, я не вхожу въ подробности того, до какой степени гостиница была переполнена публикою; скажу только, что небольшое пространство, отдѣляющее квартиру Шамиля во второмъ этажѣ отъ парадной лѣстницы, мы прошли добрыхъ десять минутъ; а что касается до площади, то она, буквально, была запружена народомъ и экипажами: такъ много было желавшихъ взглянуть на имамъ въ послѣдній разъ. Даже люди менѣе любознательные, которыхъ личность Шамиля совсѣмъ не интересовала, или они слѣпили по своимъ дѣламъ, болѣе экстреннымъ, нежели прощанье съ нимъ, — даже и тѣ, по невозможности проѣхать черезъ площадь, противъ воли присоединялись къ толпѣ, и рады, не рады, а должны были повидаться съ Шамилемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое стеченіе публики Знаменская площадь видѣла развѣ въ то время, когда происходило открытіе желѣзной дороги. Шествіе Шамиля, поистинѣ, казалось торжествомъ. Сколько поцѣлуевъ было разослано хорошенькими ручками по воздуху! Сколько было восклицаній: «Прощайте, имамъ! Прощайте, Шамиль! Оставайтесь съ на-

ми, имамъ! Погостите еще у насъ!...» Шамиль не понималъ этихъ словъ; но онъ слышалъ восклицанія, видѣлъ на всѣхъ лицахъ одно и то же выраженіе симпатіи, — и этого было достаточно, чтобъ объяснить смыслъ представлявшейся ему картины, на первомъ планѣ которой былъ онъ самъ. Значеніе ея онъ понималъ какъ нельзя лучше, и жестъ, которымъ онъ отвѣчалъ публикѣ, тоже какъ нельзя лучше характеризовалъ его собственные чувства.

Такое небывалое стеченіе публики, по всей справедливости, требовало нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣръ относительно пропуска на путевой дворъ; но это было напрасно: все, что было на площади, очутилось на путевомъ дворѣ и наполнило всѣ его залы и всѣ галлерей.

Въ распоряженіе имама отдана была цѣлая половина перво-класснаго вагона, состоящая изъ одной, очень большой комнаты, и изъ другой, вполонину меньше ея. Въ этой послѣдней помѣстились мы съ г. Богуславскимъ и съ полковникомъ Али-Беккомъ, который, впрочемъ, передъ вечеромъ оставилъ насъ; большую же половину занялъ Шамиль, съ сыномъ и съ мюридами.

Усѣвшись въ дальнемъ углу кареты, имамъ совѣтъ не былъ видѣтъ публикѣ, тѣмъ болѣе, что и стекло въ дверцахъ кареты было поднято. Замѣтивъ нетерпѣливое и очень сильное желаніе зрителей видѣть имама, я сообщилъ объ этомъ г. Богуславскому, который обратился къ нему съ очень убѣдительною просьбою — доставить публикѣ удовольствіе проститься съ нимъ еще разъ. Шамиль тотчасъ же всталъ, подошелъ къ окну, собственноручно опустилъ стекло и, взявъ стулъ, сѣлъ прямо противъ окна. Это, повидимому, привело публику въ восторгъ: много шляпъ показалось въ воздухѣ, и много послышалось восклицаній самаго симпатическаго свойства. Шамиль былъ тронутъ: онъ безпрестанно прикладывалъ руку къ сердцу и къ головѣ и даже наклонилъ ее. Въ этомъ положеніи онъ просидѣлъ почти полчаса. Но вотъ раздался третій звонокъ, и опять поднялись шляпы и снова раздались восклицанія: «Прощайте, Шамиль! Прощайте, имамъ! Будьте здоровы! Пріѣзжайте къ намъ! Скажите ему, что мы очень любимъ его! Скажите, что мы желаемъ ему очень много хорошаго!...» Г. Богуславскій перевелъ всѣ эти пожеланія; но это почти было напрасно: Шамиль понималъ ихъ, и — не буду утверждать положительно: можетъ быть, я и ошибался — но, право, мнѣ показалось, что на глазахъ его наverts-

валась слеза, которую онъ упорно старался удерживать, и успѣлъ-таки ее одолѣть....

Отгадывая по восклицаніямъ и по жестамъ значеніе третьяго звонка, Шамиль обратился къ г. Богуславскому и просилъ его передать публикѣ всю его признательность за ея вниманіе къ нему, за гостепріимство, за хлѣбъ—соль.

— Скажите имъ, пожалуйста, говорилъ онъ цвѣтистымъ арабскимъ языкомъ: — что я не могу выразить моихъ чувствъ словами: они слишкомъ для того глубоки и искренни; скажите только то, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполне счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи извѣстія объ очищеніи Дарго въ 45-мъ году и какого не доставляли мнѣ успѣхи 43-го года въ Дагестанѣ!...

Въ эту минуту, машина свистнула, поѣздъ тронулся, и г. Богуславскій, къ крайнему своему сожалѣнію, не успѣлъ передать публикѣ короткихъ, но задушевныхъ словъ имама.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы доставить ихъ по адресу.

А. РУНОВСКІЙ.

ШАМИЛЬ.

(Изъ записокъ пристава при военно-плѣнномъ.)

31 октября, я пріѣхалъ въ Калугу и остановился въ гостиницѣ Кулона, гдѣ еще жилъ Шамиль, въ ожиданіи окончательной отдѣлки нанятаго для него дома.

Быль пятый часъ пополудни. Шамиль молился. Окончивъ молитву, онъ, въ сопровожденіи оставшагося при немъ мюрида Хаджію, пришелъ ко мнѣ въ номеръ и, здороваясь со мною, выказалъ много непритворной радости. Обрадовался мнѣ и мюридъ Хаджію. Но болѣе всѣхъ былъ доволенъ моимъ пріѣздомъ г. Богуславскій, и его радость имѣла въ своемъ основаніи такъ много уважительныхъ причинъ, что я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ побранить дурное состояніе дорогъ, задержавшее меня въ пути.

Однако, въ чувствѣ радости, которымъ сопровождалась сдѣланная мнѣ встрѣча, нельзя было не замѣтить оттѣнка грусти, выказывавшейся повременамъ на каждомъ изъ „окружавшихъ“ меня трехъ лицъ. Съ моимъ пріѣздомъ, г. Богуславскій долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, къ своему семейству и къ занимаемой имъ должности. Между тѣмъ, почти двухмѣсячное неразлучное пребываніе его съ Шамилемъ до того привязало къ нему доброе, любящее сердце плѣнника, что мысль о разлукѣ съ г. Богуславскимъ, вѣроятно, угнетала Шамиля не менѣе, какъ и разлука съ сыномъ, съ братомъ или съ другимъ близкимъ къ

нему человѣкомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, не одно только время поселило въ Шамиль чувство привязанности къ г. Богуславскому: есть личности, съ которыми тѣмъ дольше живешь, тѣмъ съ большимъ потерпѣніемъ ожидаешь возможности разстаться; но здѣсь совсѣмъ другое дѣло: почти съ перваго шага по русской землѣ, Шамиль встрѣтилъ въ г. Богуславскомъ не только живаго человѣка по языку, но и человѣка, который могъ сочувствовать ему во всѣхъ впечатлѣніяхъ, возбуждать въ немъ новыя и тѣмъ разнообразить тяжелыя минуты перваго времени плѣна. Скоро Шамиль призналъ въ немъ человѣка, которому онъ могъ повѣрить все, что лежало у него тяжелымъ камнемъ на сердцѣ и чего не могли заглушить ни разнообразіе петербургскихъ впечатлѣній, ни новость положенія въ Калугѣ, ни самые намазы, которые, по прїѣздѣ сюда, онъ обратилъ изъ пяти законныхъ въ девять, учрежденныхъ его же властію и оказавшихся потребными для утоленія тоски по семейству.

Вступленіе въ обязанности пристава при военно-плѣнномъ и занятія, сопряженные съ моимъ новымъ званіемъ, отняли у меня два дня. Въ продолженіе этого времени, я могъ только узнать, да и то мимоходомъ, что, во первыхъ, Шамиль помнилъ обо мнѣ, чему доказательство онъ тотчасъ явилъ, назвавъ меня, при первой же встрѣчѣ, полнымъ моимъ именемъ, безъ малѣйшей ошибки. Это было тѣмъ болѣе для меня пріятно, что, въ самомъ дѣлѣ, немало времени нужно было ему практиковаться, чтобы пріучить свой языкъ къ имени, въ которомъ нѣтъ ни шипящей, ни гортанной буквы, почти неизбѣжныхъ въ именахъ Чеченцевъ и Дагестанцевъ. Во вторыхъ, я узналъ, что Шамиль очень тоскуетъ отсутствіемъ свѣдѣній о результатахъ поѣздки на Кавказъ Казы-Магомета. Писемъ, которыя удовлетворили бы его въ этомъ отношеніи, онъ еще не могъ получить; а, между тѣмъ, разнородность элементовъ, составляющихъ его семью, возбуждала въ немъ опасенія, способныя заставить призадуматься знаменитѣйшаго правовѣда Европы. Самымъ интереснымъ для него субъектомъ была бы, въ этомъ случаѣ, *Шуаннатъ* (*), плѣнная христіанка, обращенная, насильно или непринужденно, но только во время плѣна, въ мусульманство.

(*) Всѣ собственныя имена горцевъ обоего пола я пишу такъ, какъ произносятъ ихъ самъ Шамиль, который былъ такъ любезенъ, что, для яснѣшаго моего уразумѣнія, повторялъ каждое имя по нѣскольку разъ.

Разъ какъ-то вечеромъ, Шамиль высказалъ свои опасенія насчетъ предстоящей теперь возможности возвращенія Шуанпата въ лоно христіанства, съ чѣмъ вмѣстѣ для него была бы сопряжена разлука съ нею навсегда.

— А что, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, она сдѣлалась христіанкою? спросилъ г. Богуславскій: — возьмете ли вы ее къ себѣ, какъ жену?

— Возьму, быстро отвѣчалъ Шамиль.

— А она пойдетъ ли тогда къ вамъ своею охотою?

Шамиль задумался и какъ будто смутился. Но это продолжалось недолго.

— Пойдетъ, сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

За Шуанпата, въ іерархіи привязанностей Шамиля, слѣдуетъ *Зейдатъ*. Сколько я понялъ изъ того, что говорилось мнѣ и при мнѣ, Зейдатъ есть нѣчто въ родѣ домашней лизвы, прикосновеніе къ которой становится тлетворнымъ для всѣхъ, кто имѣетъ несчастіе вступать съ нею въ какія либо сношенія. Шамиль терпитъ ее какъ неизбежное зло, къ которому онъ привыкъ, безъ котораго ему скучно будетъ и которое, наконецъ, служитъ источникомъ всякаго добра собственно для ханства имамскаго дома. Онъ терпитъ ее еще и потому, что она дочь Джемаладина, его воспитателя, который пользуется неограниченнымъ его уваженіемъ и имѣетъ огромное вліяніе въ народѣ; а это придавало Зейдату, въ глазахъ ея мужа, такое большое достоинство, что оно послужило даже поводомъ къ остракизму хорошенькой, по рѣзвой *Аминнатъ*, подвергшейся этой немилости за свои, иногда немножко злые, шутки противъ старой, но, какъ видно, еще очень опасной соперницы по брачному ложу. Кромѣ всего этого, Зейдатъ имѣетъ честь называться супругою Шамиля уже болѣе четырнадцати лѣтъ. Понятно, что привычка, продолжающаяся четырнадцать лѣтъ, могла обратиться въ потребность, въ природу, и Шамиль, погрѣшивъ противъ законовъ изящнаго вкуса, все-таки остается до нѣкоторой степени правымъ въ глазахъ тѣхъ представителей изящнаго, которые, будучи на его мѣстѣ, оставили бы при себѣ Аминнатъ и отпустили бы Зейдату; но, по мнѣнію мюрида Хаджіо, которое я вполне раздѣляю, Шамиль неправъ тѣмъ, что, въ дѣлѣ развода съ Аминнатъ, поступилъ совсѣмъ не по убѣжденію и даже не вслѣдствіе сдѣланной привычки, а просто вслѣдствіе политическихъ соображеній, столь необходимыхъ у горца, когда, во время какого ни-

будь спора, дѣло коснется родственныхъ связей. И теперь, по словамъ того же Хаджію, хотя Шамиль и въ настоящемъ положеніи питаетъ прежнія чувства къ старой подругѣ своей жизни, а на проказы рѣзвухи Аминнаты продолжаетъ смотрѣть тѣмъ же суровымъ взглядомъ, но это только по наружности, а въ душѣ, говоритъ Хаджію, онъ «совсѣмъ» былъ бы радъ, еслибъ кому нибудь пришла благая мысль обратить въ христіанство Зейдату и оставить ее на Кавказѣ, а вмѣсто нея прислать въ Калугу провинившуюся Кистинку.

Впрочемъ, всѣ эти подробности закулисной жизни семейства Шамиля сообщили мнѣ мюридъ Хаджію, который хотя считается и очень близкимъ человѣкомъ въ домѣ Шамиля, а особенно въ домѣ Казы-Магомета, но замѣченное мною въ немъ вольнодумство противъ религіозныхъ, мірскихъ и даже административныхъ уставовъ его Шамиля возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ достовѣрности его показаній.

— Попомните мое слово, говорилъ онъ, однажды, сидя, вечеромъ, у меня, когда Шамиль, совершивъ девятый и послѣдній намазъ, легъ, по обыкновенію, спать въ девятomъ часу: — я вамъ вѣрно говорю: что сперва жены Казы-Магомета и Магомета-Шефеи познакомятся съ вашею женою и начнутъ учиться танцовать; а потомъ послѣдуютъ ихъ примѣру Шуаннаты и дочери Шамиля, а наконецъ всѣхъ ихъ вы увидите въ вашихъ собраніяхъ.

Противъ этихъ, въ ужасъ приводящихъ словъ, Шамиль сдѣлалъ совсѣмъ иное показаніе. Однажды, разговаривая съ нимъ о тѣхъ порядкахъ, которые, съ пріѣздомъ его семейства, должны начаться въ нашемъ домѣ, я, между прочимъ, спросилъ: будетъ ли онъ знакомить свой прекрасный полъ съ нашимъ прекраснымъ? На это онъ отвѣчалъ утвердительно: что калужскія дамы могутъ, если имъ угодно, бывать у его женъ: это доставитъ и ему и его женамъ большое удовольствіе; но его жены не могутъ дѣлать визитовъ, вслѣдствіе возможности встрѣтиться съ мужчинами. На вопросъ же мой, позволить ли онъ своимъ дочерямъ учиться танцовать (это я спросилъ въ ту минуту, когда слышалъ самый благопріятный его отзывъ объ этомъ родѣ удовольствій), онъ только *цокинулъ* и очень выразительно произнесъ: «никогда!»

Послѣ этого можно ли положиться на слова вѣтреннаго мюрида?

Не менѣе интересны рассказы Хаджіо о женѣ Казы-Магомета Керимать.

Говоря о ея красотѣ и стройности, онъ былъ такъ одушевленъ и глаза его горѣли такимъ огнемъ, что, рассматривая съ величайшимъ интересомъ его выразительное лицо, я совершенно забылся и не замѣтилъ, какъ у меня съ языка сорвался вопросъ:

— А что, Хаджіо, ты женатъ?

Только сказавши это, я увидѣлъ всю мою нескромность.

— Женатъ, отвѣтилъ онъ, тѣмъ голосомъ, которыми отвѣчалъ бы женѣ своей, накрытый врасплохъ, въ пылу восторженного рассказа о красотѣ другой.

Онъ покраснѣлъ. Мнѣ стало жаль его, и я крѣпко досадовалъ на нетвердость моего языка. Чтобы вывести моего собесѣдника изъ неловкаго положенія, я поспѣшилъ сказать:

— Да ты, братъ, кажется, кормишь меня грязью: можетъ ли быть, чтобы Керимать была такъ хороша, какъ ты рассказы ваешь.

Глаза Хаджіо засверкали. Мнѣ кажется, онъ былъ бы непрочъ нырнуть въ меня кинжаломъ.

— Го! ге! ги! произнесъ онъ, не находя, на первый случай, нужныхъ ему словъ: — такой красавицы, какъ Керимать, нигдѣ нѣту!.. Петербургъ—нѣту; Москва—нѣту; Харьковъ (*)—нѣту!.. Казы-Магометъ театръ былъ: тамъ много красавицъ есть... такой, говорить, какъ Керимать, нѣту! Нигдѣ такой нѣту! Кавказъ такой нѣту! Одинъ роза такой!...

«Вотъ она, кавказская-то роза!» подумалъ я, легонько отодвигаясь отъ задорнаго защитника Гуннби.

— Ну, хорошо, сказалъ я вслухъ: — да ты-то почему знаешь, что Керимать такая красавица: вѣдь у васъ нельзя видѣть чужихъ женъ?

— У Шамиля нельзя, отвѣчалъ мюридъ: — у насъ можно.

«А!» мысленно протянулъ я.

Послѣдующія мои сношенія съ Хаджіо открыли мнѣ, что въ идеяхъ молодого поколѣнія горцевъ очень немного есть общаго съ идеями стараго поколѣнія горцевъ и что пресловутая

(*) Харьковъ нѣмѣлъ счастье познакомиться горцамъ больше Петербурга и Москвы: въ Петербургѣ они удивлялись великолѣпію и грандіозности во всемъ, что предстало имъ въ глаза; въ Москвѣ — «огромнымъ размѣромъ ея дистанціи». Харьковъ, просто, имъ понравился. Отчего? спрашивалъ я и другіе. «Очень хорошій городъ!» Другой причины не было.

идея юридикзма живетъ теперь только въ Калугѣ, въ верхнемъ этажѣ дома г. Сухотина.

Однако, увлекшись интересною бесѣдою съ Хаджію, я совсѣмъ было позабылъ про подробности, предшествовавшія нашимъ *lête-à-lêtes*. Возвращаюсь къ нимъ и къ Шамилю, котораго мы оставили въ гостиницѣ Кулона, въ грустномъ ожиданіи отъѣзда г. Богуславскаго.

Занявшись, тотчасъ послѣ пріѣзда, первоначальнымъ устройствомъ служебныхъ дѣлъ, я видѣлся съ Шамилемъ только за ужиномъ.

Несмотря на близость тяжелой для собесѣдниковъ минуты, Шамиль былъ веселъ и разговорчивъ, чему немало способствовало особенное умѣнье г. Богуславскаго занимать его. Я предложилъ нѣсколько вопросовъ относительно его калужскихъ впечатлѣній. Оказалось, что съ Калугою Шамиль знакомъ еще довольно поверхностно; впрочемъ, присутствовалъ при освященіи возобновленнаго моста и такъ былъ заинтересованъ этою церемоніею, что тогда же изъявилъ сильное желаніе видѣть наше богослуженіе въ самомъ храмѣ. Теперь, когда зашла рѣчь о томъ же освященіи, онъ снова выразилъ это желаніе; но исполненію его, конечно, помѣшаетъ обычай мусульманъ ходить вездѣ съ покрытою головою.

Не успѣвъ еще познакомиться съ калужскимъ обществомъ, Шамиль познакомился за то съ калужскою природою. Говоря о мѣстоположеніи Калуги, онъ выказывалъ непритворное удовольствіе, переходившее въ восторгъ, когда, въ заключеніе своихъ отзывовъ, онъ принимался неоднократно повторять: «Чечня! совершенная Чечня!» Пріѣхавъ въ Калугу засвѣтло, я имѣлъ возможность разсмотрѣть ея окрестности очень подробно и по тому вполне могъ понимать восторгъ Шамиля: тѣ же лѣса и пашни, какъ въ Чечнѣ; тѣ же горы и овраги, съ цѣпкимъ кустарникомъ и маленькими рѣчками, которыми такъ богата Чечня; наконецъ, тѣ же и также точно живописно разбросанныя по полугорьямъ деревни, съ тою только разницею, что здѣсь, посреди «нашихъ ауловъ», возвышаются церкви и колокольни съ горящими на нихъ крестами, а въ Чечнѣ, разумѣется, этого нѣтъ. Но что болѣе всего меня поразило, это — соединеніе въ окрестности одного города нѣсколькихъ мѣстностей цѣлой Чечни: я увидѣлъ здѣсь и долину Аргуна, и Ханкальское ущелье, и алдинскіе аулы. Конечно, это было большимъ сюрпризомъ для меня, кото-

рый, простившись съ Чечнею, повидимому, навсегда, вдругъ неожиданно встрѣтился съ нею въ Калугѣ. Чтѣ же послѣ этого долженъ, въ самомъ дѣлѣ, чувствовать Шамиль, для котораго Чечня есть второе отечество, оставившее въ немъ воспоминанія, безъ сомнѣнїя, нѣсколько грандіознѣе и разнообразнѣе моихъ!.. И онъ думалъ, даже съ большею увѣренностію, нежели я, что разстался съ своею милою Чечнею навсегда; а, вмѣсто того, она, вонъ, ежеминутно у него передъ глазами: не нужно для этого и выходить изъ дома, а только потрудиться подойти къ какому нибудь окошку, чтобъ увидѣть или Алды, или Ханкалу, или Аргунъ, или какую нибудь другую мѣстность, неизвѣстную мнѣ, а извѣстную ему. Какъ не понять, послѣ этого, восторга Шамиля и какъ не разгадать чувства, одушевляющаго его въ то время, когда онъ восклицаетъ: «Чачѣнъ! Валла! Чачѣнъ! Конъ чачѣнъ!..» Но не одно чувство радости одушевляетъ нашего плѣнника тогда, когда онъ предается созерцанію дорогой его сердцу природы: сколько я замѣтилъ, въ эти самыя минуты, онъ въ особенности проникается чувствомъ признательности и благоговѣнїя къ тому, кто такъ щедро осыпалъ его милостями и такъ хорошо устроилъ остатокъ его жизни. Немного нужно наблюдательности для того, чтобъ убѣдиться въ настоящемъ значеніи выказываемаго имъ чувства и въ отсутствіи лицемѣрія его поступковъ.

На другой день моего прибытія, всѣ мы должны были ѣхать, по приглашенію командира здѣшняго гарнизоннаго баталіона, для осмотра казармъ и вообще солдатскаго житыи-бытья. Шамиль очень желалъ познакомиться съ бытомъ нашего солдата. Въ его желаніи можно было замѣтить не одно пустое любопытство: и, въ самомъ дѣлѣ, какъ не интересоваться ему домашнею жизнію тѣхъ людей, съ которыми онъ сражался такъ долго, и такъ хорошо знаетъ всѣ переносимые ими труды и лишенія?

Передъ самою поѣздкою, въ ожиданіи экипажа, зашла у насъ рѣчь объ Ахульго.

Шамиль вспомнилъ о генералѣ Пулю и разсказалъ намъ нѣкоторыя подробности о своемъ свиданіи съ нимъ, послѣ взятія Ахульго въ 1839 году.

— Мы сидѣли съ генераломъ на буркѣ, между прочимъ, говорилъ онъ: — невдалекѣ отъ насъ, стояло много солдатъ, и хотя со мною тоже были мюриды, но ихъ было очень мало, и, притомъ, они находились не подлѣ меня. Во всякомъ случаѣ, я хорошо понималъ, что если противъ меня существуетъ какой-

нибудь умыселъ, то я ничего не въ состояніи буду сдѣлать; поэтому, во все время нашей бесѣды, я держалъ руку на кинжалѣ, съ тѣмъ, чтобы, при первой попыткѣ взять меня, заколоть, во первыхъ, генерала, а потомъ, если будетъ можно, то продать свою жизнь или свободу за самую дорогую цѣну.

Легко себѣ представить, какъ было бы пріятно узнать объ этомъ генералу, въ то время, когда онъ садился на бурку! Впрочемъ, какъ было и не знать этого ему, который такъ долго служилъ на Кавказѣ и котораго еще до сихъ поръ хорошо помнятъ и Чечни и Куринскій полкъ.

Пріѣхавъ въ казармы, Шамиль съ величайшимъ вниманіемъ разсматривалъ солдатскую хурду-мурду (*). Тюфяки и нары, въ особенности же одѣяла и подушки, возбудили въ немъ большое удивленіе: такой роскоши онъ, должно быть, и не предполагалъ въ солдатской жизни. Не менѣе удивляли его бодрый, сытый видъ солдатъ, чистый воздухъ и необыкновенная опрятность и порядокъ въ казармахъ и въ комнатахъ канцеляріи, куда мы въ послѣдствіи заходили. Остановили, по обыкновенію, его вниманіе и образа, принадлежащіе ротамъ: они помѣщены здѣсь въ огромномъ кіотѣ, окруженномъ цѣлымъ стеклянныимъ павильономъ. Кажется, его поразила въ особенности живопись, подобную которой ему не случалось еще видѣть. Вообще, онъ встрѣтилъ въ казармахъ далеко не то, чего ожидалъ, и, выходя оттуда, выразилъ предположеніе, что кавказскіе солдаты едва ли могутъ жить такъ, какъ здѣшніе.

— Имъ некогда, прибавилъ онъ: — они безпрестанно ходили ко мнѣ въ гости, а я не въ состояніи былъ предложить имъ этихъ удобствъ; поэтому, и лѣтомъ, и зимою, они жили у меня подъ открытымъ небомъ.

Изъ казармы зашли мы на ротную кухню. Пышный видъ солдатскихъ щей соблазнилъ Шамиля, и онъ уже поднесъ было къ губамъ полную ложку, но былъ во время остановленъ г. Богуславскимъ: щи варились съ говядиною, но изъ лакомства,

(*) Хурда-мурда — имущество, багажъ. Это слово, на языкѣ кавказскаго солдата, пользуется правомъ гражданства: онъ иначе не назоветъ собранія вещей, принадлежащихъ ему, товарищу или ротѣ. А ужъ если настоятъ въ этомъ крайняя необходимость, наиримѣрь, въ разговорѣ съ начальникомъ, когда сказать «хурда-мурда» будетъ невѣжливо, то все-таки онъ не назоветъ «его» ни имуществомъ, ни багажемъ, а непременно «окипажемъ». Такимъ манеромъ у него рубашки—окипажъ, портянки (онучи)—окипажъ, трубка и все остальное — тоже окипажъ.

радъ случившагося въ тотъ день праздника, были заправлены, кромѣ того, и свинымъ саломъ. Былъ бы онъ у праздника!

Выйдя изъ казармъ, мы отправились къ баталіонному командиру, почтенная наружность котораго возбудила къ нему полную симпатію Шамиля. Кромѣ того, посѣщеніемъ своимъ, Шамиль хотѣлъ выразить признательность за оказанное ему вниманіе. Не у всякаго Европейца найдется столько такта. Откуда этотъ житель горъ Дагестана и дебрей Чечни набрался его? Не есть ли это признакъ простаго, пожалуй грубаго, но свѣтлаго ума?...

Въ домѣ полковника, Шамиль сначала былъ какъ будто нѣсколько ошеломленъ присутствіемъ многихъ особъ прекраснаго пола; но это продолжалось недолго.

Кажется, онъ только еще въ первый разъ ступилъ за порогъ русскаго дома, который ведется не на широкую ногу. Повидимому, онъ повилъ, куда зашелъ, и началъ съ замѣтною любознательностію всматриваться въ окружающіе его предметы и лица, только, разумѣется, не въ женскія. Скоро онъ освоился съ ними: патріархальный видъ семейной жизни полковника былъ хорошо ему знакомъ и произвелъ на него то дѣйствіе, что вызвалъ въ немъ еще болѣе расположенія къ хозяину дома.

Послѣ чая и разныхъ сладостей, отъ которыхъ, по обычаю кавказскихъ туземцевъ, Шамиль не позволялъ себѣ отказываться, изъ опасенія выказать тѣмъ пренебреженіе къ предлагаемому хлѣбу-соли, мы простились съ гостепріимными хозяевами и отправились домой.

Сидя въ коляскѣ, Шамиль много говорилъ о радужіи, съ которымъ онъ былъ принятъ, и подъ конецъ спросилъ: можно ли поѣхать къ полковнику и вечеромъ? Получивъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, онъ сказалъ: «я думаю, вечеромъ, мнѣ будетъ тамъ еще пріятнѣе». Потомъ, немного погодя, опять спросилъ: играетъ ли кто нибудь въ семействѣ полковника на фортепьяно?

— Вѣроятно, играетъ кто нибудь, отвѣчали ему.

— А если попросить, то сыгравтъ ли онѣ что нибудь?

— Безъ сомнѣнія.

— Ну, такъ мнѣ будетъ тамъ очень весело, замѣтилъ онъ, ужъ совершенно увѣреннымъ тономъ.

Затѣмъ онъ успокоился и только за обѣдомъ еще спросилъ: захотятъ ли принять его и въ другихъ домахъ? Получивъ въ от-

вѣтъ, что, безъ сомнѣнія, его примутъ вездѣ съ большимъ удовольствіемъ, Шамиль быстро проговорилъ: «ну, такъ я поѣду», но вдругъ остановился, замолчалъ и, повидимому, вслѣдствіе какихъ нибудь соображеній, ужъ больше ничего не упоминалъ объ этомъ предметѣ.

Остатокъ вечера я былъ занятъ служебными дѣлами, а Шамиль—съ г. Богуславскимъ, продолжительнымъ разговоромъ, въ которомъ первый еще разъ передалъ ему всѣ тяжелыя свои ощущенія, внушаемыя неизвѣстностію о судьбѣ семейства, въ благополучномъ соединеніи съ которымъ онъ очень сомнѣвался, имѣя уже въ виду одинъ примѣръ, поданный Даніель-Султаномъ.

Эти опасенія, въ особенности, начали его мучить съ отъѣздомъ Казы-Магомета, присутствіе котораго и взаимныя утѣшенія, вѣроятно, много поддерживали обычную его твердость. Теперь же, особенно въ послѣдніе дни, онъ часто печалился, безпрестанно молился Богу, вообще чувствовалъ себя нехорошо, и только старанія и привязанность къ нему г. Богуславскаго могли дѣлать то, что онъ не поддавался снѣдавшей его грусти окончательно.

За ужномъ, всѣ мы были очень веселы, словно сговорились позабыть обо всемъ, что есть непріятнаго въ будущемъ, и даже предстоящую близкую разлуку. Однако, трудно было, по крайней мѣрѣ мнѣ, обмануться насчетъ подлиннаго значенія этой веселости: я бы очень ошибся, еслибъ повѣрилъ искренности ея.

Собесѣдники мои, кажется, сами сознавали неестественность своего положенія, потому что, тотчасъ по окончаніи ужина, распростились другъ съ другомъ и разошлись по своимъ комнатамъ.

На другой день, съ самаго ранняго утра и до наступленія минуты отъѣзда г. Богуславскаго, Шамиль былъ, какъ говорится, самъ не свой: переходилъ изъ своей комнаты въ комнату г. Богуславскаго, какъ будто для того, чтобы сказать что нибудь, но, не сказавши ничего, возвращался опять къ себѣ, нѣсколько разъ начиналъ говорить и, не оканчивая рѣчи, останавливался и потуплялъ задумчивый потухшій взоръ въ землю; точно тоже было съ нимъ въ то время, когда онъ принимался отвѣчать на чей нибудь вопросъ.

И вотъ настала эта грустная для плѣнника минута. Шамиль не удовольствовался прощаніемъ въ комнатѣ: онъ вышелъ прово-

диль отъѣзжающаго на улицу, къ самому экипажу, позабывъ о шубѣ и о бывшемъ тогда довольно сильномъ морозѣ; только на лѣстницѣ успѣли догнать его и одѣть соотвѣтственно требованію погоды. Простившись на крыльцѣ еще разъ, г. Богуславскій пошелъ садиться въ экипажъ. Шамиль смотрѣлъ на него почти безсмысленно и во все время, пока онъ вмѣстѣ съ фельдъегеремъ усаживался, что-то шепталъ про себя. Я ни одной минуты не сомнѣвался, что то была молитва за него и благословеніе, которымъ обыкновенно отецъ провожаетъ своего сына. Наконецъ экипажъ тронулся и скоро скрылся изъ нашихъ глазъ.

Возвращаясь въ комнаты, я обдумывалъ тѣ условія, въ которыхъ долженъ находиться Шамиль, по случаю разлуки съ любимымъ человѣкомъ, и пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, онъ имѣетъ потребность повинычаться съ своими теперешними ощущеніями. Въ этихъ мысляхъ, я рѣшилъ оставить его на нѣкоторое время одного, а самому заняться своимъ дѣломъ. Но, лишь только я успѣлъ за бумаги, дверь отворилась и въ комнату вошелъ Шамиль, въ сопровожденіи переводчика Грамова и пріятеля моего Хаджію.

— Хошъ гялды! сказалъ я, вставая: — милости просимъ. Садитесь, пожалуйста.

Шамиль сѣлъ, но прежде очень любезно попросилъ извиненія въ томъ, что, быть можетъ, помѣшалъ мнѣ. Успокоившись моими увѣреніями въ противномъ, онъ сказалъ, что хочетъ поговорить со мною объ одномъ важномъ дѣлѣ и потому желаетъ знать, имѣю ли я время выслушать его. Получивъ въ отвѣтъ, что я готовъ его слушать, онъ началъ длинную рѣчь, въ которой очень серьезно и очень остроумно высказалъ свой взглядъ на теперешнія наши взаимныя отношенія. По обыкновенію Азіатцевъ, онъ началъ издалека.

— Когда Богу угодно оставить какого нибудь ребенка сиротою, говорилъ онъ: — то, вмѣсто матери, даютъ ему обыкновенно няньку, которая должна: кормить, одѣвать, умывать его и охранять отъ всего, что можетъ быть ему вредно. Если ребенокъ здоровъ, веселъ и ходитъ опрятно, всѣ хвалятъ его няньку и говорятъ, что она хорошо за нимъ смотритъ, что она любитъ его. За то, когда ребенокъ боленъ, неопрятенъ или дурно себя держитъ, то бранятъ не его, потому что онъ малъ и неразуменъ, а осуждаютъ няньку, которая, значитъ, не старалась о немъ, не учила ничему хорошему, не любила его....

Я старый человекъ, продолжалъ Шамиль:—но я здѣсь на чужбинѣ: не знаю ни вашего языка, ни вашихъ обычаевъ, и потому думаю, что я уже не старикъ Шамиль, а тотъ самый маленький ребенокъ, который, по волѣ Божіей, остался сиротою и нуждается въ попеченіяхъ няньки.... Государь назначилъ васъ приставомъ ко мнѣ. Полковникъ (*) рассказывалъ мнѣ о томъ, что вамъ приказано дѣлать, и теперь я думаю, что вы та самая нянька, которая мнѣ такъ нужна.... Я увѣренъ, что Государь, оказавъ мнѣ столько милостей, желаетъ мнѣ много добра и что, приказавъ жить со мною вамъ, онъ тоже желаетъ мнѣ добра; поэтому я не стану просить васъ быть «хорошею» нянькою, а только прошу полюбить меня такъ, какъ обыкновенно нянька любитъ своего ребенка; а я вамъ обещаю, что буду васъ за это любить не только какъ ребенокъ любить свою няньку, но и какъ старикъ Шамиль можетъ любить человека, который ему добро дѣлаетъ.

Шамиль кончилъ; но, когда Грамовъ сталъ передавать мнѣ его слова, онъ устремилъ на меня самый пристальный взглядъ и не спускалъ его до тѣхъ поръ, пока не было сказано послѣднее слово. Казалось, онъ хотѣлъ подмѣтить на моемъ лицѣ самое ничтожное впечатлѣніе, которое могло быть вызвано его рѣчью: онъ зналъ, что высказалъ теперь то, чего никогда уже больше не скажетъ.

По первому слову перевода, я тоже догадался, въ чемъ состояло его «дѣло», а чувствуя на себѣ дѣйствіе его зеленыхъ глазъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы выдержать этотъ бой до конца.

Достигнуть этого было для меня нетрудно: и мысль и желанія, выраженные плѣнникомъ, были такъ симпатичны, такъ дѣтски-хороши, что, кажется, самый отъявленный мизантропъ не могъ бы тутъ получить счастливой для него возможности слѣдять непріятную мину. Я же, который не имѣетъ чести принадлежать къ этому роду людей, чувствовалъ, что мина, отразившаяся на моемъ лицѣ, не имѣетъ ничего общаго съ мизантропіею, потому что она слишкомъ для этого глупа, а глупа потому, что выражаетъ слишкомъ много чувства. Однако, я скоро оправился, замѣтивъ, что и на блѣдной физіономіи Хаджію отражается подобное же впечатлѣніе, да и бронзовое, всегда здоро-

(*) Г. Богуславскій.

вое лицо Грамова какъ будто еще больше потемнѣло и показываетъ страдающаго чѣмъ-то человѣка.

— Шамиль! сказалъ я, глядя на него прямо и покойно: — я буду васъ любить не потому только, что мнѣ приказано и я самъ хочу быть «хорошею нлнъко», но еще и потому, что я очень уважаю васъ лично.

Отвѣтъ мой произвелъ на него, повидимому, хорошее впечатлѣніе, потому что прежній испытующій его взглядъ обратился въ выраженіе симпатіи, которую онъ подкрѣпилъ такимъ сильнымъ пожатіемъ руки, что у меня захрустѣли кости.

— Когда я васъ увидѣлъ въ первый разъ, сказалъ онъ: — и мнѣ объявила, что вы мой приставъ, я долго, долго смотрѣлъ на васъ и наконецъ сказалъ самому себѣ, а потомъ и Казы-Магомету: «бў адамъ, лхшй булуръ» (это хорошій человѣкъ будетъ).

На этотъ комплиментъ, я возразилъ извѣстнымъ силлогизмомъ, что «наружность обманчива бываетъ».

— Это правда, отвѣчалъ Шамиль:—но справедливо также и то, что старикъ-Шамиль никогда не ошибался въ человѣкѣ, на котораго долго смотрѣлъ.... Я знаю, что и теперь онъ не ошибся.

Я замѣтилъ, что его житейская опытность и свѣтлый умъ должны были принести именно эти самые плоды, что сдѣлаться въ его глазахъ «хорошимъ человѣкомъ» я желаю очень искренно, но что «у насъ» (бизюмъ), и въ жизни и въ службѣ, считается недостаточнымъ одно лишь желаніе сдѣлать то или другое, какъ бы это желаніе ни казалось искреннимъ и какъ бы краснорѣчиво оно выражено ни было; однимъ словомъ, что у насъ судятъ о достоинствахъ человѣка по его дѣламъ, а не по фizioноміи и не по словамъ, которыми до тѣхъ поръ не вѣрять, пока не оправдаются они на дѣлѣ. Поэтому прошу его обождать нѣкоторое время, чтобъ имѣть возможность всмотрѣться въ мои дѣйствія и уже по нимъ опредѣлить мои достоинства. Въ заключеніе, я сказалъ, что употребляю всѣ силы для того, чтобы пріобрѣсти дружбу его и что наконецъ, начавъ теперешній разговоръ, онъ много облегчаетъ мнѣ средства къ достиженію моего желанія.

Выслушавъ внимательно переводчика и собиравшись отвѣчать, Шамиль сдѣлалъ тотъ жестъ, который всегда у него означаетъ,

что переданная мысль или поправилась ему, или совѣтъ пова-
для него.

— Копъ яхши! сказалъ онъ, качнувъ впередъ головою и,
при этомъ, легонько зажмуривъ глаза (*): — что жъ я долженъ
дѣлать?

Зная пристрастіе Шампля ко всякаго рода притчамъ, бас-
нямъ и особенно къ пословицамъ, я повелъ свою рѣчь въ этомъ
направленіи.

— Вотъ видите ли, началъ было я: — у насъ есть послови-
ца: «когда дитя не плачетъ, мать думаетъ, что ему ничего не
нужно....»

— У насъ тоже есть эта пословица, сказалъ Шамиль: — это
очень хорошая пословица.... Эа, биллманъ! (понимаю!) вскри-
чалъ онъ послѣдъ затѣмъ: — значить, если я не заплачу, то вы
не будете знать, что мнѣ нужно?

Я поспѣшилъ подтвердить его догадку.

— Копъ яхши! сказалъ онъ, смѣясь: — когда мнѣ будетъ,
что нибудь нужно, я непременно заплачу.

Посмѣявшись еще немного, Шамиль продолжалъ:

— Для начала, я буду просить васъ вотъ о чемъ: вы мнѣ
сказали, что въ Калугѣ есть добрые люди, которые не отка-
жутся принять меня и познакомиться со мною. Если это такъ,
то, вѣроятно, и они пожелають сдѣлать мнѣ честь бывать у ме-
ня. Хотя Государь и позволилъ мнѣ жить по моимъ обычаямъ,
по я буду пользоваться этою Его милостію только у себя дома.
Въ обществѣ же, съ которымъ я очень желаю вести знакомство,
я не могу, какъ мнѣ кажется, поступать по моимъ обычаямъ, а
долженъ придерживаться вашихъ обычаевъ, въ которыхъ, къ
тому же, я вижу такъ много хорошаго. Я такъ и рѣшилъ въ
своемъ мнѣніи. Но такъ какъ обычаевъ вашихъ я не знаю, то
долженъ ожидать, что могу сдѣлать или сказать что нибудь
такое, что будетъ для кого нибудь непріятно или можетъ воз-
будить смѣхъ, а стало быть и посрамленіе на мою сѣдую боро-
ду.... Моя борода сѣдая, замѣтилъ онъ, въ видѣ поясненія: — а
я крашу ее, такъ же, какъ и нѣкоторые мои земляки, для того,

(*) Этотъ самый жестъ, вѣроятно, и былъ принятъ за «прищуриванье»,
о которомъ говоритъ г. Вердеревскій въ своемъ «Плѣнѣ». Шамиль никогда
не щуритъ глазъ, а именно закрываетъ ихъ, и, притомъ, невольно и толь-
ко передъ отягощеніемъ, который предварительно требовалъ нѣкотораго размы-
шленія.

чтобы непріятели не замѣтили бы въ нашихъ рядахъ стариковъ и потому не открыли бы нашей слабости.... Но теперь ужъ этого, кажется, не нужно, прибавилъ онъ, вздохнувъ и печально опустивъ голову.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Такъ вотъ, я сказалъ вамъ, чего опасаясь. Но, чтобъ это со мною не случилось, я прошу васъ говорить мнѣ откровенно, что я долженъ иногда дѣлать, когда будемъ въ обществѣ съ людьми, не принадлежащими къ нашему дому: вы увидите, что я буду очень послушнымъ ребенкомъ.

Я поблагодарилъ Шамиля за довѣріе и откровенность и съ своей стороны обѣщалъ, что буду очень усердною «нянькой».

— Копъ яхшій, сказалъ онъ на это: — теперь еще вотъ что: вы знаете, что мы будемъ жить въ одномъ домѣ, поэтому должны придерживаться однихъ обычаевъ. Вы долго жили на Кавказѣ, и вамъ нетрудно узнать наши обычаи въ подробности; но я прошу васъ придерживаться со мною только одного нашего обычая: когда дадите въ чемъ нибудь слово, то сдержите его, хоть бы надо было для этого умереть.... Мы неграмотны, у насъ нѣтъ никакихъ судебныхъ мѣстъ, и потому мы обезпечиваемъ наши обязательства только однимъ словомъ: кто исполнилъ свое обѣщаніе, тотъ у насъ хорошій человекъ; кто не исполнилъ, тотъ дурной: его убить надо. Такой у насъ обычай.

Съ послѣднимъ словомъ, онъ опять посмотрѣлъ на меня.

Я отвѣчалъ, что это очень хорошій обычай и что непременно буду его придерживаться.

— Копъ яхшій! сказалъ Шамиль: — теперь, когда вы дали слово говорить мнѣ обо всемъ, что я долженъ буду дѣлать, вы ужъ и будете за меня краснѣть, если я сдѣлаю то, надъ чѣмъ люди станутъ смѣяться или осуждать меня.... Я вѣдь маленький ребенокъ, прибавилъ онъ, показавъ пальцемъ правой руки на кончикъ указательнаго лѣвой: — если стану шалить или буду ходить неопрятно, то виноватъ буду не я, а нянька, потому что она не учитъ меня ничему хорошему и, значитъ, не любить меня.

Мнѣ оставалось сказать еще разъ, что буду очень любить моего умнаго ребенка.

— Теперь, кажется, все, сказалъ Шамиль, намѣреваясь встать и идти въ свой номеръ.

Но я остановилъ его просьбою сказать мнѣ теперь же о тѣхъ своихъ обычаяхъ и обрядахъ, которые, составляя потребность его званія, могутъ быть неизвѣстны мнѣ, и я, познакомившись съ ними заблаговременно, буду имѣть возможность распорядиться такимъ образомъ, чтобы не только посторонніе люди не могли помѣшать ему въ чемъ либо, но чтобы и мнѣ самому не случилось бы какъ нибудь сдѣлаться ему въ тягость.

Шамиль выслушалъ переводчика съ обычнымъ вниманіемъ и началъ свой отвѣтъ прежнимъ выразительнымъ жестомъ; изрѣдка потупляя глаза въ землю.

— Конь лхшій! сказалъ онъ:—благодарю великаго Государя за великія Его ко мнѣ милости; благодарю и васъ за то, что хотите такъ поступать со мною.... Теперь только я вижу, какъ дурно содержалъ я плѣнныхъ княгинь; но я думаю, что содержалъ ихъ очень хорошо, даже какъ нельзя лучше; я тогда многого еще не видѣлъ.... Во всякомъ случаѣ, меня такъ мучить совѣсть, что я не могу выразить этого словами.... Но не по себѣ одному я сужу такъ: я вижу въ Казугѣ, сосланныхъ сюда за преступленія, двухъ горцевъ: они ходятъ здѣсь на свободѣ, получаютъ отъ Государя содержаніе, занимаются вольною работою и живутъ своими домами.... Я не такъ содержалъ русскихъ плѣнныхъ.... Если правду говорить, я имѣлъ возможность содержать ихъ немного лучше; но еслибы я вздумалъ это сдѣлать, народъ непременно сталъ бы роптать.... Впрочемъ, я имѣлъ столько власти, чтобы заставить недовольныхъ замолчать; но я этого не сдѣлалъ и потому виноватъ я одинъ.... До какой степени я это чувствую, я не буду говорить.... А насчетъ того, о чемъ вы спрашивали, продолжалъ онъ, круто повернувъ свою рѣчь: — я скажу одно: мнѣ ничего не нужно; я хочу только молиться Богу за Государя, за Его семейство и за скорѣйшее окончаніе войны на Кавказѣ. Семейство же мое, по милости Государя, будетъ пользоваться здѣсь такими удобствами, какими не пользовалось въ Даргѣ, какихъ не видало и во снѣ.... Булуръ! Геттахъ ашамаһа (Довольно! пойдемъ обѣдать)!

Здѣсь кстати будетъ сказать, что Шамиль просилъ меня обѣдать съ нимъ каждый день, до пріѣзда его семейства, и что, въ это самое время, у насъ шли самыя интересныя бесѣды, открывшія много такихъ замковъ, ключи къ которымъ мы очень долго искали и, можетъ быть, никогда не нашли бы.

Вообще, я замѣтилъ, что именно къ концу обѣда Шамиль дѣлается разговорчивѣе, постепенно приходитъ въ хорошее расположение духа и становится болѣе способнымъ къ откровенности, нежели во всякое другое время, когда его можетъ къ тому побудить только какая нибудь случайность.

За обѣдомъ, на который Шамиль пригласилъ меня фразой: «геттахъ амаманъ», одно блюдо до того было испорчено трактирнымъ поваромъ, что вызвало мое замѣчаніе. Сказавъ его, я спросилъ у Шамиля, не находитъ ли и онъ того же. Шамиль отвѣчалъ, что хотя кушанье, дѣйствительно, невкусно, но развѣ можно это сказать?

— Отчего же польза? спросилъ я.

— Это большой грѣхъ.

— А развѣ повару не грѣхъ кормить насъ дурнымъ кушаньемъ?

— Да, это грѣхъ; но за него Богъ накажетъ повара.

— Однако, возразилъ я: — если не сказать повару, что онъ дурно приготовилъ кушанье, такъ онъ, не зная ни этого, будетъ и всегда готовить также, предполагая, что, можетъ быть, оно такъ и нужно. Неужели не слѣдуетъ ему сказать, что онъ положилъ слишкомъ много соли или какъ нибудь иначе испортилъ кушанье?

— Нѣтъ, не слѣдуетъ: это большой грѣхъ.

— Поэтому грѣхъ будетъ и тогда, если сказать человѣку, что онъ испортилъ дорогую вещь, что онъ мѣшаетъ вашимъ занятіямъ или безъ пользы хочетъ измѣнить ваши привычки или, наконецъ, вредить вашему благосостоянію и повергаетъ васъ изъ довольства въ несчастіе и нужды?

— Въ книгахъ написано, отвѣчалъ Шамиль: — что человѣкъ никогда не долженъ высказывать своего неудовольствія на что бы то ни было: если мнѣ подадутъ кушанье невкусное или слишкомъ пересоленное (Шамиль терпѣть не можетъ соли), то я не долженъ оуждать его, но долженъ съѣсть молча, точно такъ, какъ будто оно было очень хорошее кушанье. Тѣмъ болѣе я не долженъ сердиться на домашнего человѣка, если онъ изъ чѣмъ нибудь провинился; если я стану бранить его, это великій грѣхъ: такъ въ книгахъ написано. Поэтому я всегда доволенъ, всѣмъ доволенъ, и нужды у меня никакихъ нѣтъ; а привычки свои я долженъ оставить на то время, когда это бываетъ нужно для

другого человѣка. Если я этого не сдѣлаю, будетъ большой грѣхъ: такъ въ книгахъ написано.

Это объясненіе напомнило мнѣ разсказъ г. Богуславскаго о посѣщеніи Шамилемъ звѣрница. Особенное любопытство возбудили въ немъ обезьяны. Онъ долго ихъ разсматривалъ и наконецъ у одной взялъ руку, которую осматривалъ тоже съ величайшимъ интересомъ, и, обратившись къ г. Богуславскому, сказалъ:

— А ты знаешь, кто это?

— Обезьяны, отвѣчалъ г. Богуславскій.

— Это теперь онѣ; а прежде, знаешь чѣмъ онѣ были?

— Нѣтъ, не знаю.

— Это были жиды, отвѣчалъ Шамиль: — а когда они прогнѣвали Бога, то онъ проклялъ ихъ и обратилъ всѣхъ въ обезьянъ.

— Можетъ ли это быть? спросилъ г. Богуславскій.

— Въ книгахъ такъ написано.

— Да этого быть не можетъ! Если всѣ жиды были обращены въ обезьянъ, откуда же взялись бы онѣ теперь?

Шамиль немного подумалъ.

— Вѣрно, это не тѣ, а другіе, сказалъ онъ.

— Откуда жъ другіе возьмутся, когда прежнихъ нѣтъ?...

Нѣтъ, это вздоръ! Этого быть не можетъ!

— Какъ не можетъ! посмотри, вотъ рука: совершенно, какъ у человѣка.... и все тѣло устроено, какъ у человѣка.

— А лицо-то!

— Чтò жъ лицо?

— Да вѣдь въ книгахъ сказано, что человѣкъ созданъ по образу Божию... Есть это въ вашихъ книгахъ?

— Есть.

— Ну, а можетъ ли статься, чтобъ у Бога такое лицо?

Этотъ доводъ, должно быть, показался Шамилю основательнымъ; но онъ не изъявилъ ни малѣйшаго желанія сознаться въ нецѣлостности высказанной имъ идеи и только, отходя отъ обезьяны, замахалъ рукой и проговорилъ: «въ книгахъ такъ написано! въ книгахъ такъ написано!

Разсказъ свой г. Богуславскій заключилъ легкимъ предсказаніемъ:

— Придется вамъ повозиться съ книгами!

Предсказаніе это оправдалось.

Слушая послѣднюю рѣчь Шамиля о томъ, что написано въ его книгахъ, я замѣтилъ быстрое пожатіе плечъ и ироническую усмѣшку, мелькнувшую на бойкомъ, славномъ лицѣ Хаджію въ ту минуту, когда Шамиль произносилъ слова, полныя незлобія. Это очень заинтересовало меня, и я далъ себѣ слово воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы допытаться значенія этой мимики.

Какъ бы то ни было, однако, церемонность Шамиля, относительно удобствъ жизни, составляетъ слабую сторону, кажется, не одного его, а, повидимому, не чужды ей и лица, принадлежащія къ его дому; а можетъ быть она даже входитъ и въ число коренныхъ обычаевъ горцевъ. Фактъ довольно интересный и даже очень важный. Но когда еще случится привести его въ извѣстность, а ужъ мнѣ пришлось, по словамъ г. Богуславскаго, порядкомъ повозиться съ послѣдствіями того, что «написано въ книгахъ».

На другой же день его отъѣзда, оказалось, что купленные въ Петербургѣ для Шамиля туфли уже стоптаны, потому что были коротки ему. Сапоги Хаджію положительно не годились, хотя онъ еще и не надѣвалъ ихъ; теперь же, когда пришлось это сдѣлать, его нога увязла въ голенищѣ и только съ большимъ трудомъ была освобождена оттуда.

— Да ты примѣрялъ ли сапоги, когда тебѣ покупали ихъ? спросилъ я Хаджію.

— Какже, примѣрялъ, отвѣчалъ онъ.

— Что же, развѣ тогда они впору были?

— Какое впору! такъ же не налѣзали, какъ теперь.

— Отчего же ты этого не сказалъ въ то время?

— Какъ можно сказать! Это нехорошо сказать.

— А что, грѣхъ?

— Нѣтъ, не грѣхъ, а стыдно: у насъ нѣтъ такой законъ.

— Ну, хорошо; а чему ты смѣялся, когда Шамиль говорилъ: «въ книгахъ написано»?

— Послѣ скажу.

— Когда?

— Когда нибудь. Шамиль ложится спать рано, а я не хочу. Вы тоже долго пишете: вотъ, я и приду къ вамъ.

— Ну, хорошо, приходи: потолкуемъ. А до тѣхъ поръ скажи-ка мнѣ: у Казы-Магомета, у Тауша и Абдуль-Керима тоже такіе сапоги, какъ у тебя, или они имъ впору?

— У всѣхъ такіе. У Казы-Магомета и туоли тоже такіе, какъ у Шамиля. Еще когда онъ здѣсь былъ, такъ они совсѣмъ ужь не годились: стопталъ.

— Чохъ яхши! сказалъ я въ заключеніе.

За обѣдомъ перѣдко происходили у насъ довольно забавныя сцены, въ которыхъ умъ и характеръ Шамиля обозначались во всей ихъ оригинальности.

Однажды, г. Богуславскій показалъ Шамилю живаго рака. Шамиль отъ роду не видывалъ этого черепокожного. Взявъ его въ руку, онъ разсматривалъ рака съ величайшимъ любопытствомъ. Но вдругъ палецъ его попался какъ-то въ клешню рака. Шамиль бросилъ рака на полъ и продолжалъ смотрѣть на его дѣйствія съ прежнимъ вниманіемъ. Когда же замѣтилъ, что походка рака совершенно не такая, какъ у всѣхъ прочихъ обитателей суши и водъ, онъ пришелъ въ величайшее негодованіе: толкнулъ его ногою, велѣлъ Хаджію выгнать рака изъ комнаты и долго послѣ этого не могъ успокоиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго въ немъ черепокожнымъ.

— Подлѣ этого животнаго я не видывалъ, говорилъ Шамиль: — если я воображалъ себѣ когда нибудь чорта, то представлялъ его себѣ именно такимъ, какъ ракъ.

Г. Богуславскій замѣтилъ, что изъ раковъ готовятъ очень вкусныя кушанья.

— Не можетъ быть, возразилъ Шамиль: — я увѣренъ, что они ни на что не способны.

Убѣжденный, однако, доказательствами г. Богуславскаго, Шамиль наконецъ подтвердилъ, но закончилъ преніе словами:

— Можетъ быть, но только вѣрно и то, что я никогда не буду ихъ ѣсть.

Не менѣе забавна была другая сцена, случившаяся недавно.

По случаю внезапной болѣзни Грамова, переводчикомъ нашимъ, на одинъ день, былъ Мустафа, касимовскій Татаринъ, нанятый для домашнихъ услугъ Шамиля. Онъ приносилъ большую пользу въ хозяйствѣ Шамиля, который очень его любитъ, за примѣрную честность и кротость характера. Разница же, существующая между его казацкимъ нарѣчіемъ и алербейджанскимъ, на которомъ говоритъ имамъ, очень незначительна, и Шамиль довольно свободно понимаетъ его.

Во время обѣда, я замѣтилъ, что Шамиль какъ будто опаздываетъ отвѣтами. Приписывалъ это тому, что, вѣроятно, онъ кушаетъ, я сначала не обращалъ на то вниманія. Но скоро, опаздываніе это сдѣлалось замѣтнѣе, и, сверхъ того, мнѣ казалось, что иногда онъ отвѣчаетъ какъ будто не впопадъ. Я ужъ не зналъ, что и подумать, какъ вдругъ случилось мнѣ взглянуть на него въ ту минуту, когда Мустафа, стоя за моимъ стуломъ, переводилъ ему мой довольно многословный вопросъ. Взглядъ мой, брошенный на Шамплю, такъ и застылъ на немъ. И точно: любопытно было взглянуть въ это время на его лицо, и безъ того всегда серьезное, а теперь всеми своими фибрами выражавшее полное, олицетворенное удивленіе. Сдѣлавъ самые большіе глаза, какіе только я когда либо видѣлъ, и устремивъ ихъ на бѣднаго Мустафу, онъ съ величайшимъ интересомъ разсматривалъ преимущественно его ротъ. Не зная, что бы это такое могло быть, я обернулся назадъ и увидѣлъ, что Мустафа, весь въ поту и красный какъ кормазинъ, со всеусердіемъ переводить Шамилю мои слова, но притомъ выговариваетъ ихъ, по обыкновенію, очень быстро, что и побудило Шамиля, слушая его, слѣдить за движеніемъ его губъ. Съ своей стороны, Мустафа ясно видѣлъ въ физіономіи Шамиля что-то особенное, давившее его какъ кошмаръ и вызывавшее у него на лбу холодный потъ. При всемъ этомъ, онъ долженъ былъ смотрѣть на своего слушателя прямо, читая какъ по книгѣ смыслъ его взгляда, который, конечно, не составлялъ для него іероглифа.

Не обнаруживая своихъ впечатлѣній, я только замѣтилъ Мустафѣ, что онъ говоритъ слишкомъ скоро. Мустафа извинился и обѣщалъ исправиться, объяснивъ при этомъ, что такая ужъ у нихъ, у казанскихъ и рязанскихъ Татаръ, поговорка, и что онъ самъ чувствуетъ все ея неудобство, а потому непременно принудить себя отвыкнуть отъ своего «балалаканья».

Послѣ обѣда, встрѣтившись съ Шамилемъ у постели больного Грамова, я спросилъ, хорошо ли онъ понимаетъ Мустафу.

— О, я хорошо понимаю его, отвѣчалъ Шамиль:—и, кромѣ того, онъ доставляетъ мнѣ много удовольствія.

Я полюбопытствовалъ узнать, какое удовольствіе доставляетъ ему Мустафа?

Оказалось, что Шамиля очень занимаетъ быстрое движеніе губъ Мустафы и что онъ до того засматривается на него, что иногда забываетъ о томъ, что ему говорить Мустафа, а вмѣсто

того припоминаетъ въ эти минуты итальянскую оперу, гдѣ онъ видѣлъ много людей, тоже съ раскрытыми ртами и, повидимому, говорившихъ что-то очень пріятное, чего, къ сожалѣнію, онъ не понималъ; однако, сознавая всю пріятность тогдашняго своего положенія, онъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на сцену и на пѣвцовъ, и теперь, глядя на говорящаго Мустафу, чувствуетъ себя подъ вліяніемъ такихъ же ощущеній, какія производила на него итальянская опера.

— Въ Калугѣ нѣтъ театра, въ заключеніе сказалъ онъ: — да и въ кингахъ написано, чтобъ мы не ходили въ такія мѣста, гдѣ есть женщины съ открытыми лицами; поэтому я только позову Мустафу и спрошу его о чемъ нибудь: онъ станетъ отвѣчать, и я какъ будто въ театрѣ буду.

Не менѣе оригинальна наивность Шамиля въ денежныхъ дѣлахъ. Понимая, что деньги доставляютъ людямъ пользу и удобство, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о цѣнности или стоимости ихъ и въ продолженіе всей своей жизни ни одного раза не держалъ въ своихъ рукахъ ни одной монеты. Въ подтвержденіе этого, онъ представилъ столько любопытныхъ фактовъ, что для меня не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ совершенной его невинности по части финансовъ.

Когда я принесъ ему деньги за первые три мѣсяца, изъ числа Всемиловѣйше опредѣленныхъ на его содержаніе, онъ рѣшительно отказался взять ихъ въ руки, а тѣмъ менѣе пересчитать. Не сознаваясь въ томъ, что онъ *не умѣетъ* считать денегъ, Шамиль потребовалъ, чтобъ деньги его были у меня и чтобъ я расходовалъ ихъ, по мѣрѣ надобности. Убѣжденный наконецъ въ невозможности этого, онъ попросилъ передать деньги Хаджію, который съ этихъ поръ и сдѣлался его казначеемъ, а самъ ушелъ на ковръ и началъ писать росписку въ полученіи денегъ. Когда онъ кончилъ и Грамовъ перевелъ мнѣ содержаніе росписки, я спросилъ, отчего въ его подписи: «рабъ Божій Шамиль», было пропущено слово: «имамъ».

— Какой я имамъ! отвѣчалъ Шамиль, опутивъ глаза: — я ничѣмъ не могу быть полезнымъ тѣмъ, которые меня избрали имамомъ.... Какой я имамъ!...

При посѣщеніи генерала Г., ему показали значительное собраніе монетъ и медалей. Шамиль разсматривалъ ихъ съ большимъ любопытствомъ; но особенное его вниманіе обратила на себя только медаль въ память послѣдняго коронованія.

— Это самыя дорогія деньги у васъ, говорилъ онъ, съ любовью разсматривая портретъ Государя: — я ихъ очень люблю.

По отъѣздѣ г. Богуславскаго, наступило два невыносимо скучныхъ дня, столько же тяжелыхъ для меня, сколько убійственныхъ для плѣнника. По словамъ окружающихъ Шамиля, онъ уже восьмой день находится въ такомъ плачевномъ расположеніи духа.

Разговоры, прогулки и самыя приготовленія въ нанятомъ домѣ, которыя такъ занимали его прежде, въ послѣднее время, оказывали на него только слабое дѣйствіе. Съ отъѣздомъ же г. Богуславскаго, Шамиль впалъ еще въ болѣе мрачное настроеніе: безпрестанно молится Богу и, обративъ, какъ и прежде упомянулъ, законныя пять намазовъ въ девять, усиливъ ихъ еще чтеніемъ своихъ книгъ, которыхъ, можно сказать, не выпускаетъ изъ рукъ. Между тѣмъ, за столомъ онъ ужь не такъ охотно говоритъ, какъ прежде, иногда даже забывается и не кончаетъ своей рѣчи или перебивается въ отвѣтъ одинъ предметъ съ другимъ, совершенно постороннимъ разговору.

На третій день отъѣзда г. Богуславскаго, моральное состояніе плѣнника до того было дурно, что безпокойство мое достигло крайнихъ своихъ предѣловъ, и я счелъ нужнымъ принять противъ этого всѣ зависящія отъ меня мѣры.

Съ этой цѣлью, воспользовавшись тѣмъ, что Шамиль потребовалъ ужинать въ шесть часовъ пополудни и тотчасъ послѣ ужина легъ спать, я позвалъ къ себѣ Хаджію, чтобы посоветоваться съ нимъ насчетъ выбора средствъ къ развлеченію Шамиля.

Хаджію былъ очень доволенъ моимъ предложеніемъ и объявилъ, что онъ съ своей стороны хотѣлъ просить меня о томъ же, такъ какъ замѣтилъ въ послѣдніе два дни необычную перемѣну въ Шамилѣ, который, и по его собственному сознанію, началъ теряться, часто не помнитъ самъ, что говорить, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и словахъ выказываетъ какую-то непослѣдовательность.

На вопросъ мой о настоящихъ причинахъ этого, Хаджію распространился, въ разсказѣ объ извѣстныхъ уже мнѣ опасеніяхъ Шамиля за его семейство, относительно могущихъ встрѣтиться съ нимъ на Кавказѣ случайностей.

Давъ волю честному Хаджію поговориться досыта, при чемъ невольно обнаружилось все благородство его сердца, вся преданность къ Шамилю и его семейству, наконецъ все его самоотверженіе, открывшее ему путь въ Калугу, я наконецъ спросилъ его: что именно находить полезнымъ для развлеченія Шамиля онъ, который такъ любить его и такъ хорошо знаетъ всѣ его привычки и вкусы?

Хаджію отвѣчалъ, что единственнымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ онъ признаетъ музыку, которую Шамиль страстно любитъ, а ужъ потомъ выѣзды въ общество, для котораго онъ теперь еще «не годится».

Лишь только Грамовъ передалъ мнѣ его слова, я позвалъ человѣка и приказалъ перенести на слѣдующій день въ гостиницу органъ, продававшійся въ одномъ частномъ домѣ.

Узнавъ отъ Грамова, за чѣмъ я требовалъ человѣка, Хаджію выразилъ полное свое удовольствіе и казался чрезвычайно тронутымъ. Должно быть, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, онъ попросилъ Грамова передать мнѣ: что хотя опасенія за семейство составляютъ главнѣйшій предметъ заботы Шамиля въ настоящее время, но что есть еще одно обстоятельство, которое мучитъ его столько же, какъ и мысль о семействѣ. Съ устройствомъ же этого обстоятельства, и, притомъ, въ такомъ видѣ, какъ бы ему хотѣлось, онъ считалъ бы себя вполне счастливымъ.

Рѣчь Хаджію, естественнымъ образомъ, требовала съ моей стороны вопроса: какое же это обстоятельство?

Хаджію объяснилъ его очень краснорѣчиво, очень подробно и, какъ можно замѣтить, весьма искренно.

Дѣло въ томъ, что, по словамъ Хаджію, Шамиль до того проникнутъ чувствомъ благоговѣнія къ Государю Императору за всѣ милости, которыхъ онъ совсѣмъ не ожидалъ, до того тронутъ вниманіемъ, оказаннымъ ему русскою публикою повсемѣстно, гдѣ только онъ ни показывался, наконецъ, впечатлѣнія, зарождаемыя въ немъ предметами цивилизаціи, такъ сильно измѣнили прежній его взглядъ на вещи и особенно на смыслъ кавказской войны и на намѣренія нашего правительства относительно кавказскихъ племенъ, что всѣ его чувства и мысли слились теперь въ одно пламенное желаніе, сдѣлавшееся, можно сказать, его жизнію, именно: отыскать случай для представленія Государю Императору доказательства своей признательности и

своей преданности, которые могли бы выразиться фактомъ, подтверждающимъ существенную важность.

Выслушавъ Хаджію, я отозвался съ похвалою о благодарномъ сердцѣ Шамиля и сказалъ, что иначе я и не думалъ не только о немъ, который, дѣйствительно, встрѣтилъ то, чего не ожидалъ, но я увѣренъ, что и всѣ спутники Шамиля, отъ Гуниба до Петербурга и Калуги, раздѣляютъ его взгляды и желанія и что наконецъ онъ самъ, Хаджію, по исей вѣролнности, возвратится теперь на Кавказъ уже не съ тѣмъ повітіемъ о Русскихъ, съ какииъ выѣхалъ оттуда.

— Го! вскричалъ онъ: — вы скоро услышите, что я буду говорить, когда пріѣду въ свою Карату!...

— Ну-ка, скажи, что ты будешь говорить? спросилъ я, любознѣствуя въ особенности потому, что Хаджію принадлежитъ къ одной изъ самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ семействъ Караты, и, какъ бывший мюридъ Шамиля и приближенное лицо къ нему и его сыну, представляетъ собою лично человека вліятельнаго.

— А я буду говорить такъ: Шамиль говорилъ—это черное, а я буду говорить—это бѣлое; Шамиль говорилъ—это бѣлое, а я буду говорить—это черное.... Вотъ какъ я буду говорить!

— Отчего жъ ты будешь говорить такъ? Ты еще недавно думалъ иначе....

— Нѣтъ, я давно такъ думалъ; Казы-Магометъ, тоже давно думать такъ; еще много нашихъ людей тоже такъ думалъ, а теперь и Шамиль такъ думаетъ.

— Если вы давно такъ думали, отчего жъ вы раньше не называли бѣлымъ того, что Шамиль называлъ чернымъ?

— Шамиль очень хорошо говорилъ.... Шамиль выбралъ весь народъ для того, чтобъ онъ защищалъ насъ.... Шамиль умный человекъ, очень умный человекъ и, еще, онъ очень добрый человекъ, такой добрый, что добрѣе его никого нѣтъ. За то, когда виноватымъ былъ бы Казы-Магометъ, онъ сейчасъ же голову бы ему снѣлъ.... За это всѣ мы любили Шамиля и слушались его во всемъ.

— Отчего же ты думаешь, что Шамиль ошибался, когда говорилъ, что это бѣлое, а это черное?

— Оттого, что ему 65 лѣтъ, и еще оттого, что онъ всю свою жизнь не зналъ никакихъ удовольствій, а только мучился.

— Такъ что жъ?

— Отъ этого онъ запретилъ намъ и табакъ курить, и смотрѣть на женщинъ, и говорить съ ними. А развѣ это можно?

— Это правда, что нельзя, замѣтилъ я: — но за то, поминишь, какими молодцами онъ насъ держалъ въ борьбѣ съ Русскими.

На лицѣ Хаджію показалаcя улыбка самодовольствія.

— Это правда, сказалъ онъ: — за то жъ мы его любили и слушались.... Ну, а теперь этого не пужно, продоужалъ онъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то: — Шамиль говорилъ, что въ книгахъ написано: что когда Мусульманинъ пойдетъ въ такой домъ, гдѣ есть женщины съ голыми шеями и съ открытымъ лицомъ, или гдѣ танцуютъ и веселятся, такъ на этого человѣка обрушится крыша и задавитъ его: развѣ это правда? Вѣдь были же мы въ театрахъ, видѣли такихъ женщинъ; однако, крыши не валялись на насъ, и мы, слава Аллаху, цѣлы.... Вотъ поэтому я и думаю, что онъ говорилъ такъ не оттого, что въ книгахъ такъ написано, а просто потому, что онъ старикъ и его не занимаетъ то, что любятъ молодые.

— Такъ, значитъ, ты думаешь, что Шамиль ошибался еще и тогда, какъ въ Даргѣ жилъ?

— Нѣтъ, тогда это было хорошо. Напримѣръ, табакъ онъ запретилъ курить совсѣмъ не оттого, что дымъ нехорошъ, какъ онъ говорилъ въ Россіи тѣмъ, которые спрашивали его объ этомъ, а просто потому, что народъ у насъ бѣдный, сами табаку не сѣютъ, а надо его покупать; значитъ, онъ табаку купить, а хлѣба не купить, даромъ что неурожай.... Есть вѣдь у насъ такіе люди!... Такимъ же манеромъ запретилъ онъ танцовать и быть вмѣстѣ съ женщинами: не оттого онъ запретилъ, что это грѣхъ, а для того, чтобы молодой народъ не промѣнялъ бы какънибудь почтаго караула на пляску да на волокитство; а вы сами знаете, что воиновъ у насъ и безъ того немного, и если мы такъ долго держались противъ васъ, такъ именно потому, что вели строгую жизнь и всякое наслажденіе считали за великій грѣхъ.... О, Шамиль большой человѣкъ!

Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, я хотѣлъ было предложить моему собесѣднику еще нѣсколько вопросовъ; но въ ту минуту послышался голосъ Шамиля, спавшаго чрезъ одну комнату. Онъ звалъ Хаджію. Пріятель мой всталъ и, простившись со мною, поспѣшилъ къ своему Шамилю.

На другой день, утромъ, органъ былъ уже у меня въ номерѣ. Хотя я и твердо вѣрилъ въ непогрѣшность предсказанія Хаджію насчетъ дѣйствія музыки, но признаюсь откровенно, что ожидалъ этой минуты далеко равнодушно. Наконецъ Мустафа, удѣломъ котораго на землѣ была, по мнѣнію Шамиля, вокальная часть, началъ пробовать свои силы на инструментальной. Оказалось, что здѣсь онъ несравненно сильнѣе: при первыхъ же звукахъ, которые онъ извлекъ изъ органа, въ комнату вошелъ Шамиль, съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ. Онъ сѣлъ подлѣ меня на диванъ и съ полчася слушалъ музыку внимательно, почти не шевелился и только изрѣдка поглядывая на Мустафу тѣмъ взглядомъ, какимъ художникъ смотритъ на свое любимое созданіе. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ инструменту и началъ разсматривать его во всей подробности, для чего пришлось даже снять всю паружную оболочку. Удовлетворивъ нѣсколько свое любознательство, онъ объявилъ, что у него въ горахъ не было ничего подобнаго. Я воспользовался этимъ, что бы спросить, съ какой цѣлью запретить онъ у себя музыку.

— Вѣроятно, и про нее написано въ книгахъ? прибавилъ я.

— Да, отвѣчалъ Шамиль: — въ книгахъ написано и про нее; но я считаю, что музыка такъ пріятна для человѣка, что и самый усердный мусульманинъ, который легко и охотно исполняетъ всѣ велѣнія пророка, можетъ не устоять противъ музыки; поэтому я и запретилъ ее, опасаясь, чтобы мои воины не промѣняли музыки, которую они слушали въ горахъ и лѣсахъ во время сраженій, на ту, которая раздается дома, подлѣ женщинъ.

Окончивъ осмотръ органа, Шамиль велѣлъ Мустафѣ опять играть. Черезъ двѣ минуты и Шамиль и Хаджію заговорили что-то проворно на тавлинскомъ языкѣ, указывая при этомъ на органъ и часто поминая слово «шайтанъ». Оказалось, что это была «Grâce» изъ «Роберта» и что они узнали ее, вспомнивъ про пляски разнаго рода существъ не здѣшняго міра.

Когда Мустафа заигралъ гимнъ «Боже Царя храни», то, съ первымъ аккордомъ этого гимна, Шамиль опрокинулъ голову на бокъ и вслушивался молча съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто вспоминалъ что-то знакомое, но упрямно не приходившее на память. Наконецъ онъ объявилъ, что «это» (бу) онъ слышалъ въ Чугуевѣ на смотрѣ войскъ, и замѣтилъ, что «его» играютъ всегда, какъ только Государь подѣзжаетъ къ войс-

камъ. Затѣмъ онъ спросилъ, «отчего это такъ». Получивъ отъ меня объясненіе, онъ пожелалъ узнать текстъ гимна и вполне уразумѣлъ весь смыслъ его. Всѣ эти объясненія имѣли тотъ результатъ, что Мустафа, сыгравъ еще нѣсколько разъ нашъ національный гимнъ, долженъ былъ играть его утромъ, когда Шамиль приходилъ ко мнѣ, и вечеромъ, когда уходилъ спать.

Однимъ словомъ, предсказаніе Хаджіо оправдалось самымъ блистательнымъ образомъ: Шамиль какъ будто ожилъ и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Еще не успѣлъ Мустафа кончить своего концерта, а ужъ онъ заговорилъ о знакомствѣ съ калужскимъ обществомъ и выразилъ желаніе какъ можно скорѣе пачать визиты, при чемъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: «отчего мы до сихъ поръ были только у одного «полковника».

— Меня такъ хорошо приняли тамъ, прибавилъ онъ: — я увѣренъ, что мнѣ будетъ и вездѣ весело.

Шамиль какъ будто забылъ, что до сихъ поръ говорилъ мнѣ только о томъ, что въ книгахъ написано, и что въ нихъ много кой-чего написано противъ посѣщенія тѣхъ общественныхъ собраний, гдѣ есть женщины съ открытою шеей и лицомъ.

На другой день, предположено было приступить къ визитамъ.

— Копъ яхши! сказалъ Шамиль: — а теперь поѣдемъ въ домъ.

Поѣхали.

Работы въ нанятомъ для Шамилія домѣ шли своимъ чередомъ, и даже такъ быстро, что теперь, пріѣхавъ со мною въ будущее свое жилище и войдя въ комнаты, Шамиль совсѣмъ не узналъ въ нихъ тогдѣ помѣщенія, которое онъ еще такъ недавно видѣлъ; а можетъ быть онъ только притворялся, что не узналъ, желая выразить этимъ большую степень своего удивленія или удовольствія. Впрочемъ, удовольствіе его было вполне искреннее. Переходя изъ одной комнаты въ другую, онъ не могъ достаточно на нихъ налюбоваться и, обращаясь безпрестанно съ выраженіемъ своей благодарности къ князю Вадбольскому, на котораго возложено устройство дома, напоследокъ не зналъ ужъ какъ и благодарить его.

И точно: есть за что поблагодарить г. Вадбольскаго: независимо бдительности за успѣхомъ работъ, для чего онъ почти

не выходилъ изъ дома, простота и изящество отдѣлки комнатъ тѣмъ болѣе кажутся удивительными, что эти условія, которыя онъ сдѣлалъ для себя задачею, должны были бороться съ изрядною пестротою обоевъ и матерій, выбравшихся согласно желанія Шамиля, на основаніи двухъ условій: чтобы обои были самые дешевые и чтобы въ его домѣ не было на одной нитки шелка. Изъ всего этого вышла, однакожь, пресоригинальная и прехорошенькая драпировка. Только одна комната въ бель-этажѣ, назначенная пріемною, отдѣлана въ европейскомъ вкусѣ, притомъ довольно просто.

Домъ, а въ особенности верхній этажъ его, избранный Шамилемъ собственно для себя, былъ почти совершенно готовъ, и мы предположили переѣхать въ него черезъ два дня. Теперь же Шамиль сдѣлалъ распределеніе комнатъ.

Кажется, что тотъ, кто строилъ этотъ домъ, строилъ его если не собственно для Шамиля, то ужь, навѣрно, для такого семейства, составъ котораго и вообще всѣ условія домашняго быта были одинаковы съ составомъ семейства Шамиля. «Три этажа—три семейства: Шамиль, Гази-Магометанъ Магомета-Шеффи; верхній этажъ раздѣляется теплымъ корридоромъ на двѣ половины совершенно такъ, какъ нужно Шамилю, цѣломудріе котораго поставлено промежду двухъ огней; бель-этажъ, представительный, съ большими свѣтлыми комнатами, вполне приличествуетъ высокому роду Кериматъ, ея молодости, красотѣ и неразлучному съ ними желанію пощеголять. Наконецъ, нижній этажъ, своими маленькими, сухими и теплыми комнатками, а особливо своимъ древнимъ, затѣйливомъ каминномъ, на одномъ изъ разцѣвъ котораго, между множествомъ синихъ фигуръ, стоитъ цифра 1773, тоже какъ нельзя лучше гармонируетъ со свѣжею молодостію Магомета-Шеффи и его семейства.

Изъ шести комнатъ верхняго этажа, раздѣленныхъ на двѣ равныя части, двѣ первыя комнаты отъ лѣстницы навѣро Шамиль назначилъ для Шуаппатъ. Третью комнату, рядомъ съ этими, но отдѣленную отъ нихъ капитальною стѣною, Шамиль взялъ въ нераздѣльное свое владѣніе: она будетъ служить ему, кабинетомъ, моельнею и спальнею. Вся она, кромѣ своихъ бѣлыхъ стѣнъ, отдѣлана въ зеленый: это любимый цвѣтъ Шамиля, полезный для его глазъ, уже нѣсколько ослабѣвшихъ, но все еще очень зоркихъ, и, наконецъ, это цвѣтъ, объ употребленіи котораго даже и въ книгахъ написано,

Кромѣ двойныхъ зеленыхъ занавѣсокъ на окнахъ и такого же ковра на полу, убранство кабинета составляютъ: въ сторонѣ глухой стѣны широкая софа, обитая зеленымъ ковромъ, и возлѣ нея—обыкновенный ломберный столъ, помѣщенный въ простѣнкѣ между двухъ оконъ другой стѣны, на востокъ. Посреди третьей стѣны, тоже между двумя окнами, выглядывающими на югъ, стоитъ небольшой письменный столъ; передъ нимъ — вольтеровское кресло; у самыхъ оконъ—по одному стулу. Накопечъ, четвертая стѣна занята выходящею въ коридоръ дверью, этажеркою для книгъ и рукоюиникомъ, вбитымъ довольно низко въ стѣну, надъ большимъ четырехугольнымъ тазомъ изъ бѣлаго желѣза. Съ переходомъ въ домъ, убранство кабинета дополнится только желто-зеленою буркою, на которую становится Шамилъ для молитвы. Она будетъ разостлана въ углу, образуемомъ двумя стѣнами, обращенными на юго-востокъ.

Обѣ комнаты Шуанинъ меблированы однимъ широкимъ диваномъ безъ спиннокъ и оклеены прехорошенькими обоями: въ первой — по черному фону лубовые листья свѣтло-розоваго цвѣта съ примѣсью желтаго (нельзя ли сказать просто: бланжеваго?), а во второй — полосатые: синие съ бѣлымъ. Драпир по цвѣту обоевъ. Во второй комнатѣ—кромѣ дивановъ, стоитъ еще двухспальная кровать съ полосатымъ матрацомъ. Такіе же точно матрацы приготовлены для всѣхъ остальныхъ членовъ семейства Шамилъ.

Комнаты Зейдътъ меблированы совершенно одинаково, какъ и комнаты Шуанинъ; разница только въ обояхъ: въ спальнѣ—они красныя съ желтымъ, а въ слѣдующей комнатѣ—полосатые: зеленое съ бѣлымъ. Третья комната на половинѣ Зейдътъ назначается для семейныхъ сходокъ. Вся она обставлена кругомъ по стѣнамъ низкими диванами безъ спиннокъ, а обои въ ней бѣлые.

Строгая простота убранства комнатъ на половинѣ Шамилъ становится рѣзкою при взглядѣ на голыя стѣны, лишеныя обычныхъ своихъ украшеній: зеркалъ, картинъ и мебели. Отсутствие ихъ сильно бросается въ глаза, и въ умѣ чловека, привыкшаго къ условіямъ европейской меблировки, при осмотрѣ этого помѣщенія, непременно зародился бы вопросъ: отчего въ этихъ хорошенькихъ комнатахъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ предметовъ, которые такъ украшаютъ наши жилища?

Еслибъ этотъ вопросъ былъ предложенъ Шамилю, онъ, вѣроятно, отвѣчалъ бы такъ: въ книгахъ написано, что въ жилищѣ мусульманина, а тѣмъ паче облеченнаго въ высокій духовный санъ, не должно быть ни зеркалъ, ни картинъ, особливо съ человѣческими изображеніями. Что касается до мебели, то его жены привыкли именно къ такой, которою снабжены ихъ комнаты.

Совсѣмъ другой видъ являютъ собою комнаты Гази-Магомета. Если отдѣлка ихъ производилась по указаніямъ человѣка, руководившагося въ этомъ случаѣ вкусомъ Кериматъ, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что она совсѣмъ не привыкла къ тому, къ чему привыкли ея *belles-mères*. Глядя на хорошенькую европейскую мебель, очень живописно перемѣшанную съ низенькими азіатскими диванами, на нѣсколько зеркалъ, вездѣ очень кстати развѣшенныхъ, наконецъ, на тонкіе ковры, на драпировку и на обои, между которыми есть премиленькіе въ азіатскомъ вкусѣ, я невольно вспоминалъ предсказаніе Хаджію, въ началѣ котораго стояла фраза: «у Шамиля нельзя—у насъ можно». И если честный отступникъ мюридизма, описывая мнѣ красоту жены своего друга, не слишкомъ много увлекся своимъ энтузіазмомъ, то надо правду сказать, что для такого миниатюрнаго и хорошепьякаго царства нужна именно такая царица, какъ красавица Кериматъ. Остается пожелать, чтобы, съ пріѣздомъ женскаго населенія нашего дома, произшли бы не слишкомъ рѣзкія измѣненія въ теперешней обстановкѣ комнатъ.

Осмотрѣвъ домъ во всѣхъ его частяхъ, Шамиль сказалъ: «еслибъ мнѣ предоставлено было право выбирать для себя любой домъ изъ цѣлой Калуги, я бы выбралъ этотъ».

И, дѣйствительно, вѣрнѣе нельзя было опредѣлить устройство этого дома.

На другой день послѣ осмотра его, мы должны были отправиться къ преосвященному Григорію, епископу калужскому и боровскому. Но прежде, чѣмъ начать представленіе, Шамиль приступилъ ко мнѣ съ вопросомъ: «а къ кому мы поѣдемъ?» Зная Калугу столько же, сколько и онъ, я обращался предварительно съ этимъ самымъ вопросомъ къ временно управляющему губерніею и къ губернскому предводителю дворянства и теперь, получивъ отъ нихъ нужныя указанія, началъ называть Шамилю тѣхъ особъ, знакомства которыхъ мы намѣрены искать. Шамиль не удовольствовался одними именами, а выразилъ же-

ланіе узнать ихъ званія, ихъ положеніе въ свѣтѣ. Я исполнилъ это желаніе; но и тутъ онъ не удовольствовался названіями должностей нашихъ будущихъ знакомыхъ, большая часть которыхъ носить званіе предсѣдателей: онъ потребовалъ болѣе рельефнаго объясненія: кто чѣмъ занимается, кто чѣмъ управляетъ? «У насъ нѣтъ предсѣдателей», говорилъ онъ: «я не знаю, что такое предсѣдатель; у насъ есть начальники, есть подчиненные, и только.» Это возраженіе облегчило мнѣ требуемый отвѣтъ, и я рѣшился сдѣлать его столь же оригинальнымъ, какъ оригиналенъ былъ вопросъ. Такимъ образомъ, предсѣдатель Гражданской Палаты сдѣлался у насъ начальникомъ всѣхъ спорныхъ въ губерніи дѣлъ, не имѣющихъ уголовнаго характера. Для краткости, Шамиль называлъ его калужскимъ главнымъ кадіемъ, и предсѣдателя Казенной Палаты — начальникомъ всѣхъ казенныхъ денегъ. Шамиль не упустилъ случая примѣрить къ этой должности должность бывшаго главного казначея своего Хаджію. Предсѣдатель Палаты Государственныхъ Имуществъ вышелъ у насъ начальникомъ всѣхъ мужиковъ. Предсѣдателя Уголовной Палаты чуть-было мы съ нимъ не сдѣлали начальникомъ всѣхъ уголовныхъ преступленій въ губерніи. Черезъ великую силу удалось мнѣ съ Грамовымъ возстановить въ мѣстѣ Шамиля почетную репутацію, которою, по справедливости, пользуется у насъ эта должность. За то, понявъ, въ чемъ дѣло, Шамиль приписалъ ему то значеніе, которое принадлежало на Кавказѣ ему самому. Впрочемъ, онъ отказался отъ такого предположенія, узнавъ вслѣдъ за тѣмъ, что исполнительная власть не принадлежитъ предсѣдателю. Наконецъ, предводитель дворянства оказался начальникомъ всѣхъ дворянъ, «уллу-бекъ». Но когда мнѣ пришлось упомянуть, что нашъ преосвященный, «уллу-кашійшъ», добровольно наложилъ на себя обѣтъ постничества, отказавшись, притомъ, отъ семейныхъ радостей, Шамиль рѣшительно не повѣрилъ мнѣ, но потомъ, убѣдившись въ истинѣ моихъ словъ, выразилъ самое глубокое уваженіе къ человеку, который, при столь высокомъ санѣ, рѣшился отречься отъ самыхъ пріятныхъ благъ этого міра. Онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія вечера, чтобы представиться преосвященному.

Наконецъ пробило шесть часовъ, и мы отправились. Ласковый пріемъ, который сдѣлалъ преосвященный Шамилю, привелъ его въ восторгъ. После первыхъ привѣтствій, подали чай, и тотъ-

часть же завязалась пренитересная бесѣда, вполнѣ выказавшая высокій умъ преосвященнаго и простой, но оригинальный взглядъ на вещи бывшаго главы мусульманскаго духовенства на Кавказѣ, который, невзирая на этотъ санъ, все-таки былъ ничто иное, какъ дитя природы; а его простодушные отвѣты и еще болѣе наивные вопросы побудили меня утвердить за нимъ этотъ эпитетъ на вѣчныя времена.

Первый вопросъ, предложенный преосвященнымъ, имѣлъ всѣ условія, нужныя для того, чтобы положить основаніе продолжительному, живому и самому интересному разговору. Преосвященный спросилъ бывшаго: какал, по его мнѣнію, причина того факта, что одно и то же Существо, которому поклоняется и христіанскій и магометанскій міръ и которое признается тѣмъ и другимъ Всемогущимъ и Всеблагимъ, на христіанъ распространяло всю свою любовь и долготерпѣніе, а отъ магометанъ требуетъ одного лишь строгаго исполненія закона, общая грѣшникамъ мученія, но не подавалъ надежды на результаты раскаянія!

Этотъ, повидимому, столь сложный догматическій вопросъ Шамиль разрѣшилъ скоро и просто, чему особенно способствовала переводъ, сдѣланный Грамовымъ, согласно условій кумыкскаго языка, одного изъ самыхъ бѣднѣйшихъ. Грамовъ перенесъ мысль преосвященнаго въ такомъ видѣ:

— Отчего у насъ и у васъ Богъ одинъ, а между тѣмъ, для христіанъ онъ такой добрый, а для магометанъ такой строгій?

— Это оттого, отвѣчалъ Шамиль: — что Иса (Спаситель) вашъ былъ очень добрый, а нашъ пророкъ сердитый; да и народъ у васъ добрый; а нашъ народъ нехорошій, разбойники (харамзадаларъ); и потому съ нами слѣдуетъ обращаться строго: за всякую вину надо голову рубить.

Говоря это, Шамиль улыбался и чертилъ рукою по своей шеѣ. Нельзя было и намъ не улыбнуться наивности его отвѣта.

Визиты наши продолжались нѣсколько дней. Въ это время мы сдѣлали до десяти знакомствъ. Вездѣ Шамиль встрѣтилъ самое искреннее радушіе, живо напомнившее ему пріемъ, сдѣланный петербургскою публикою. Разница между ними заключалась только въ томъ, что здѣсь не было шумнаго движенія и многолюдства, отличавшихъ петербургскія встрѣчи. Но тѣмъ болѣе цѣнилъ Шамиль гостепріимство калужскаго общества: онъ очень хорошо понималъ, что только въ тѣсномъ домашнемъ

кругу Русскихъ ему можно узнать окончательный приговоръ общественнаго о немъ мнѣнія. И онъ узналъ этотъ приговоръ изъ словъ, изъ глазъ, изъ всѣхъ дѣйствій своихъ радушныхъ хозяевъ и изъ всѣхъ своихъ съ ними сношеній. Съ другой стороны, и калужская публика пріемомъ, сдѣланнымъ Шамилемъ, показала себя частицею того огромнаго и прекраснаго цѣлаго, которое называется русскимъ народомъ, народомъ справедливымъ и великодушнымъ.

Изъ всѣхъ моихъ визитныхъ наблюденій я вывелъ такое заключеніе, что Шамиль столько же понравился калужскому обществу, сколько общество внушило въ немъ симпатію къ себѣ. Новые знакомцы Шамиля не могли не замѣтить, подъ наружную его сановитостію, сердца по истинѣ теплаго и добраго. Въ каждомъ домѣ, гдѣ только мы были, не успѣвалъ Шамиль уѣсться, какъ на кофилыхъ у него какимъ-то чудомъ появлялись хозяйскія дѣти, повидному, очень довольныя своимъ положеніемъ, и даже перебивавшія другъ у друга это удовольствіе, сколько выгодное отъ того, что Шамиль угощалъ ихъ тѣмъ, чѣмъ его угощали, столько же и пріятное, потому, что, кромѣ нѣжности въ обращеніи съ ними, и самая фizioномія его, невзирая на осанистую бороду, на грозную шапку и не менѣе грозный костюмъ и вооруженіе, — внушала къ себѣ въ его маленькихъ друзьяхъ большое довѣріе. Шамиль ласкалъ ихъ съ такою нѣжностію, съ такимъ дѣтскимъ добродушіемъ, что и малѣйшему сомнѣнію въ искренности одушевлявшаго его въ то время чувства не могло быть мѣста.

Не менѣе простодушія показывалъ онъ, когда разсматривалъ маленькихъ птичекъ, до которыхъ Калужане, повидному, большіе охотники, потому что держатъ ихъ цѣлыми коллекціями, и даже устраниваютъ для нихъ особенныя, красивыя, сѣточныя клѣтки, которыя обыкновенно охватываютъ собою одно или нѣсколько комнатныхъ деревьевъ (*). Шамиль останавливался у клѣтокъ, смотрѣлъ на чижиговъ, овсянокъ и канареекъ, улыбался ихъ щебетанью и манилъ къ себѣ пальцемъ, точно такъ же, какъ за минуту передъ тѣмъ манилъ къ себѣ дѣтей. Въ

(*) Верстахъ въ 30 отъ Калуги, въ Медынскомъ уѣздѣ, есть село «Полотняный заводъ», жители котораго не производятъ, однако, ни одного вершка полотна, и, вмѣсто того, занимаются разведеніемъ нѣвскихъ птицъ, преимущественно канареекъ, которыхъ и развозятъ отсюда почти по всей Россіи.

это время мнѣ казалось, что едва ли кто нибудь можетъ такъ хорошо олицетворить собою идиллію и отдаться ей съ такимъ увлеченіемъ, какъ Шамиль, — это грозное олицетвореніе мюридизма и всѣхъ ужасовъ казавата. Какъ совмѣстить эти крайности? Какъ допустить возможность того, чтобы человекъ, играющій съ дѣтьми, какъ добрый нѣмецкій Grosspapa, а съ птичками, какъ играетъ только что выпущенная институтка, еще недавно имѣвшая съ ними великое сходство, — чтобы этотъ человекъ лишалъ жизни многихъ подобныхъ себѣ существъ безъ всякой причины, по одной лишь необузданной прихоти, выражающей природную кровожадность, хищные инстинкты!

Изъ всѣхъ, подмѣченныхъ мною до сихъ поръ, особенностей Шамиля, одна развита въ немъ до слабости: это — необычайное пристрастіе къ нищей братіи, къ которой, повидимому, онъ питаетъ какую-то особую любовь. Шамиль, какъ будто, дорожить встрѣчею съ нищимъ и, словно считая ее особой милостью небесъ, спѣшитъ отдать ему все, что есть въ кошелькѣ Хаджію (*); а это все составляло иногда до десяти рублей и болѣе.

Однажды, гуляя гѣшкомъ, мы встрѣтили деревенскаго мальчика, очень бѣдно одѣтаго, по который вовсе не думалъ просить милостыни, а только, при взглядѣ на шапку Шамиля, счелъ нужнымъ снять свою собственную. Шамиль принявъ это за просьбу о подаваніи: бросивъ выразительный взглядъ на Хаджію, онъ получилъ въ отвѣтъ, что у него съ собою нѣтъ денегъ. И смѣшно, и трогательно было смотрѣть въ ту минуту на Шамиля: онъ очень сконфузился и, подойдя къ мальчику, посматривалъ на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто чувствовалъ себя очень виноватымъ передъ нимъ. Наконецъ, погладивъ его по головѣ, сказалъ: «позжалуйста, не проси у меня теперь: теперь у меня меньше, чѣмъ у тебя.... А вотъ ты прійди ко мнѣ, и я съ тобою подѣлюсь....»

Не разъ случалось мнѣ, да и не одному мнѣ, вступать съ Шамилемъ въ разговоръ по поводу этой щедрости, неумѣстной вообще, а еще болѣе оттого, что, по невѣдѣнію милостынераздавателя Хаджію, ею могутъ пользоваться и тѣ, которые не

(*) Самъ Шамиль денегъ у себя никогда не имѣетъ, съ собою никогда ихъ не носитъ, точно такъ же, какъ никогда не беретъ ихъ въ руки. Объ этомъ сказано мною прежде. Дальнѣйшаго подтвержденія сдѣлаетъ искать въ источникахъ болѣе достоверныхъ.

заслуживаютъ сочувствія къ своимъ нуждамъ. На подобныя замѣчанія, Шамиль обыкновенно отвѣчалъ:

— Какое мнѣ дѣло до того, куда бѣдный употребить свои деньги?

— Но нельзя же давать такъ много.

— А сколько же?

— Одну копѣйку, двѣ, три, ну пять.

Шамиль потребовалъ объясненія: что такое одна копѣйка, двѣ, три и пять, и что можно на нихъ купить. Когда ему объяснили это, онъ засмѣялся.

— Если мы даемъ что нибудь бѣдному, сказалъ онъ: — вѣдь то значить, что мы хотимъ помочь ему?

— Конечно.

— Какая же будетъ помощь, если дать ему копѣйку?

— Ты дашь, я дамъ, другой, третій дастъ — вотъ у нищаго и соберется столько денегъ, сколько достаточно для его дневнаго пропитанія.

— Какая мнѣ надобность до другихъ: бѣдный просить помощи у меня — я и долженъ ему помочь. Если я дамъ ему слишкомъ мало, значить, я какъ будто хотѣлъ посмѣяться надъ нимъ; а въ книгахъ написано, что бѣднымъ надо помогать, а не смѣяться надъ ихъ положеніемъ.... Да развѣ въ вашихъ книгахъ не написано это?

Надо признаться, что протпвъ этой логики Шамиль не встрѣчалъ дальнѣйшихъ возраженій.

Во время посѣщенія нами архимандрита ректора семинаріи и семинарской библіотеки, Шамиль увидѣлъ евангеліе на арабскомъ языкѣ, «Инджилъ». Выпросивъ его на нѣкоторое время, онъ закупорился въ своихъ комнатахъ и принялся читать, обложившись при этомъ кучею и собственныхъ правовѣрныхъ книгъ. Черезъ нѣсколько дней, Шамиль прочелъ евангеліе и сказалъ:

— Копѣя хйш! тутъ много хорошаго написано, только многого вы не исполняете.... Тутъ также написано: «надо давать милостыню непременно правою рукою, такъ, чтобы лѣвая этого не видала...» Я этого не зналъ. Это, должно быть, очень хорошо.... Чохъ хйш! Валла хйш! прибавилъ онъ въ заключеніе.

Вскорѣ послѣ того я узналъ, что Хаджіо получилъ привычку ежедневно гулять послѣ обѣда вокругъ нашего дома, причемъ останавливаетъ людей, которые, по его соображенію, дол-

жны быть нищими и даетъ имъ деньги. Впослѣдствіи, онъ мнѣ признавался, что въ три или четыре дня этихъ походовъ чаще всего случалось съ нимъ то, что его «нищіе», къ особенному его удивленію, не только отказывались отъ милостыни, но еще, намѣсто благодарности, смѣялись надъ нимъ же. Благодарительному мюриду, перѣдко, случалось нападать и на такія личности, которыя, получивъ отъ него деньги, безъ зазрѣнія совѣсти, относили ихъ прямо въ кабакъ, тутъ же, въ его глазахъ. Одна изъ такихъ сценъ пособила мнѣ отучить мюрида и Шамиля отъ ихъ перазсчитливаго сердоболія.

Въ тотъ день, когда до меня дошло свѣдѣніе о продѣлкахъ Хаджіо, я вышелъ, по обыкновенію передъ сумерками, прогуляться вокругъ нашего дома. Дойди до угла и взглянувъ налево, я увидалъ мюрида, стоящаго на «панели» съ заложенною за спину лѣвою рукою, а правою достающаго, при помощи зубовъ, какую-то депозитку изъ портмонея. Передъ нимъ стояла фризовая шинель, усердно кланяясь и держа руку на изготовкѣ.

— Тохтѣ, тохтѣ ⁽¹⁾ пожалуйста! говорилъ Хаджіо, вѣроятно, принимая этотъ жестъ за понужденіе: — одну руку моя; другой рукою нѣту, іохтуръ....

— Ты что это, джанымъ ⁽²⁾, дѣлаешь? спросилъ я, подойдя къ нему.

— Ахчѣ ⁽³⁾ даю.... Шамиль велѣлъ, застѣнчиво отвѣчалъ онъ.

— Какъ вамъ не совѣстно, обратился я съ бесполезнымъ увѣщаніемъ къ господину во фризовой шинели, отъ котораго несло лукомъ и водкой: — человекъ не знаетъ русскаго языка, а вы пользуетесь этимъ и берете такъ много денегъ....

— Всякое даиіе благо, пробормотала фризовая шинель, поспѣшно удаляясь отъ насъ на противоположную сторону улицы.

— Смотри, куда онъ идетъ! сказалъ я мюриду, указывая на шинель, скрывавшуюся за парадную дверь одного дома, надъ которою красуется надпись: «питейный домъ».

— Бу ⁽⁴⁾ кабакъ? спросилъ Хаджіо, получившій объ этомъ свѣдѣніи еще прежде: — тамъ аракъ продаютъ?

⁽¹⁾ Подожди, стой.

⁽²⁾ Душа, душенька.

⁽³⁾ Девьи.

⁽⁴⁾ Это.

— Да.

— Ээ! Такъ онъ арака будетъ пить?

— Конечно.

Хаджіо засмѣлся.

— Да я не для того далъ ему деньги, сказалъ онъ, въ видѣ собственнаго оправданія.

— Я вѣрю, что не для того.... Ну, а скажи-ка, пріятель: такъ это Шамиль тебѣ велѣлъ давать деньги?

— Шамиль, отвѣчалъ мюридъ: — Шамиль сказалъ: давай бѣднымъ деньги непременно правою рукою, а лѣвую спрячь, чтобъ она этого никакъ не увидала бы.

— Ну, что жь, хорошо эдакъ давать деньги?

— Валла яхши (*), отвѣчалъ горецъ: — когда я давалъ деньги, я все думалъ про лѣвую руку.... я думалъ, что вотъ теперь она тогда только узнаетъ о томъ, что дѣлала правая рука, когда Аллахъ ей про то скажетъ.... Копъ яхши! валла яхши! прибавилъ онъ въ видѣ заключенія: — у васъ въ «ипджиль» много хорошаго написано.

— А много жь ты дагъ денегъ теперь?

— Юхъ! теперь мало: одинъ монатъ.

— Ну, это еще слава Богу.... А вотъ, ты сказалъ: «теперь». Развѣ и прежде давалъ деньги?

— Давалъ.

— Давно?

— А съ того дня, когда ты принесъ Шамилю много денегъ.

— Хорошо, сказалъ я: — теперь ты видишь, куда идутъ твои деньги?...

— Въ кабакъ? подхватилъ Хаджіо.

— Да, въ кабакъ; а такъ какъ водку пьютъ на твои деньги, то это все равно, что ты самъ ее пьешь.

— Ей-Богу, правда! вскричалъ мюридъ, пораженный этою логикою: — никогда больше не буду давать денегъ!

— Хорошо сдѣлаешь, замѣтилъ я: — ты вотъ и Шамилю разскажи, что теперь видѣлъ.

— Яхши! отвѣчалъ онъ: — непременно скажу.

— Ну, а у васъ, въ горахъ, много нищихъ?

Хаджіо засмѣялся.

(*) Ей-Богу, хорошо.

— Ухъ, сколько! отвѣчалъ онъ: — казначей Хаджіо много имъ роздалъ денегъ; а на общественныя деньги, Шамиль помогать устраиваться такимъ людямъ, которые были раззорены войною.

Весьма интересны были сцены между Шамилемъ и находившимися у него въ плѣну солдатами, которыхъ въ калужскомъ гарнизонѣ состоитъ нѣсколько человекъ. Всѣ они являлись ко мнѣ и очень усиленно упрашивали — представить ихъ Шамилю, «бывшему ихъ хозяину». Я исполнилъ ихъ желаніе тѣмъ охотнѣе, что и Шамиль, узнавъ однажды о пребываніи такихъ солдатъ въ Калугѣ, съ своей стороны, просилъ меня приводить ихъ къ нему непременно. Всѣхъ ихъ онъ спрашивалъ очень подробно о томъ, кто гдѣ жилъ, бывши въ плѣну; какъ звали хозяевъ, которымъ они достались; хорошо ли кормили ихъ. При этомъ оказывалось, что тѣмъ ближе плѣнные жили къ Дарго, тѣмъ легче была ихъ работа, тѣмъ человѣколюбивѣе обращались съ ними владѣльцы и тѣмъ сытнѣе ихъ кормили. Одинъ изъ этихъ солдатъ жилъ у извѣстнаго нанба Талхика, тестя покойнаго Джемаладина. Вслѣдствіе этого родства, маленькихъ дѣтей Шамиля приносили иногда въ гости къ дѣтямъ Талхика, жившаго въ «Талхикъ-отѣрѣ», неподалеку отъ Веденя. Кромѣ другихъ своихъ обязанностей, плѣнный солдатъ долженъ былъ относить дѣтей Шамиля обратно домой. При этомъ, онъ ихъ нянчилъ и они очень любили его. Когда Шамиль слушалъ рассказъ объ этомъ бывшаго плѣнника, онъ казался очень разстроганнымъ: обласкавъ солдата и давъ, по своему обыкновению, денегъ, онъ просилъ его приходить къ нему въ то время, когда пріѣдетъ семейство, чтобъ опять поиграть съ дѣтьми.

Но еще интереснѣе была сцена съ другимъ солдатомъ въ 21 артиллерійской бригадѣ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Куркхулю (въ Казикумыхскомъ ханствѣ), находился прежде въ Дагестанѣ, а потомъ, задумавъ бѣжать восвояси, встрѣтился во время бѣгства съ однимъ бѣглымъ солдатомъ, который, не зная дороги къ нашимъ предѣламъ, завелъ его вмѣсто того, въ Ведень, откуда впослѣдствіи онъ и бѣжалъ. При помощи земляковъ дезертировъ, въ Веденѣ ему удалось попасть въ число не плѣнныхъ, а бѣглыхъ, которые жили на свободѣ, пользовались огромными привилегіями сравнительно съ плѣнными, и даже съ самы-

ми туземцами (*); а мастеровые, изъ которыхъ была составлена цѣлая команда, жили просто хорошо. Въ эту-то команду попалъ нашъ плѣнникъ и чрезъ это самое имѣлъ много случаевъ видѣть Шамиля лично, такъ какъ онъ обращалъ большое вниманіе на ихъ работы и очень щедро вознаграждалъ ихъ.

Какъ только солдатъ увидѣлъ Шамиля, тотчасъ бросился къ нему, схватилъ его руку и поцѣловалъ. Это меня удивило, тѣмъ болѣе, что никто изъ другихъ солдатъ этого не дѣлалъ, даже и тотъ, который, по его выраженію, «пичилъ Шамиля». Удивило это, повидимому, и самого Шамиля, привыкшаго къ такому знаку уваженія со стороны однихъ мусульманъ, которые всегда, при встрѣчахъ съ нимъ или являясь къ нему, прежде всего цѣлуютъ его руку.

Распрашивая солдата, Шамиль, между прочимъ, узналъ, что онъ бѣжалъ отъ своего дагестанскаго хозяина, а потомъ бѣжалъ и отъ него, изъ Веденя.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ меня? спросилъ онъ его: — вѣдь тебѣ хорошо было жить въ Веденѣ?

Солдатъ отвѣчалъ фразою, имѣвшею тотъ смыслъ, что «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше», и что присяга дѣла такое, о которомъ и говорить нечего.

— Хорошій человекъ долженъ быть, замѣтилъ на это Шамиль и обласкалъ его еще болѣе, нежели всѣхъ другихъ солдатъ.

— Скажи, пожалуйста, за чѣмъ ты поцѣловалъ у Шамиля руку? спросилъ я солдата, когда онъ выходилъ изъ дома: — вѣдь ужъ онъ не хозяинъ твой.... Въ горахъ, можетъ быть, васъ и принуждали къ тому; ну, а здѣсь, для чего ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, отвѣчалъ бывший плѣнникъ: — насъ не принуждали цѣловать у «Шмелі» руку; а я это сдѣлалъ такъ, по душѣ.

— Какже это «по душѣ»?

— Да такъ, ваше благородіе, что человекъ-то онъ стояшій: только тѣмъ плѣннымъ и бывало хорошо, гдѣ Шамель жилъ, али гдѣ проѣзжалъ онъ.... Забиждали насъ не приказывалъ нашимъ хозяевамъ; а чуть, бывало, дойдетъ до него жалоба, сейчасъ отниметъ плѣннаго и возьметъ къ себѣ, да еще, какъ ни на есть, и накажетъ обидчика. Я это самъ видалъ сколько разъ.

(*) Объ этомъ будетъ положено болѣе подробно впоследствии.

— Такъ онъ хорошъ бытъ для васъ, для плѣнныхъ?

— Хорошъ, ваше благородіе, одно слово — душа! И дѣрма, что во Христа онъ не вѣруеть, одначе, стоящій человѣкъ!

Нѣкоторыя изъ визитныхъ своихъ знакомствъ Шамилъ скрѣпилъ вечерними посѣщеніями. Последніе два раза сопровождались танцами. Несмотря на скромныя условія этихъ баловъ, гдѣ подъ фортепьяно танцовали только одни короткіе знакомые нашихъ любезныхъ хозяевъ, Шамилъ положительно объявлялъ, что эти танцы несравненно больше ему нравятся, нежели танцы балетныя, о которыхъ, до сихъ поръ, онъ не можетъ равнодушно вспомнить, особливо о танцующемъ султанѣ, въ балетѣ «Пери». Говоря о немъ, Шамилъ смѣется самымъ искреннимъ смѣхомъ, подтрунивая, въ то же время, надъ простодушною до вѣрчивостію публики къ такимъ несбыточнымъ вещамъ. То ли дѣло домашніе танцы! Здѣсь видно въ ногахъ только одно очень естественное желаніе — потанцовать, а не покушаться на невозможное дѣло выразить ногами какое нибудь разумное чувство, для чего, какъ извѣстно, Аллахъ снабдилъ человѣка языкомъ, губами, наконецъ глазами.... Однимъ словомъ, Шамилъ остался такъ доволенъ домашними танцами, что, возвращаясь послѣ перваго бала домой, спрашивалъ: «не будемъ ли мы еще когда нибудь на танцевальныхъ вечерахъ?» Случай этотъ представился очень скоро. Шамилъ поѣхалъ на вечеръ съ большимъ удовольствіемъ и въ продолженіе всего бала находился, повидимому, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, такъ что, просидѣвъ до ужина, а потомъ и поужинавъ во второмъ часу ночи, онъ ни разу не пожаловался на усталость или на скуку, а, напротивъ, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы сказать, что ему очень весело, и что, въ особенности, онъ тронутъ гостепріимствомъ хозяевъ, любезность которыхъ простиралась до того, что даже всякія недоразумѣнія, по поводу ужина, были совершенно устранены; а Шамилю подавались одни рыбныя блюда, которыя онъ очень любитъ и которыя, къ тому же, не могли возбудить въ немъ сомнѣній, порождаемыхъ блюдами мясными.

Однако, какъ ни велико было удовольствіе, доставленное Шамилю этими вечерами, по послѣ втораго же онъ признался, что для него тяжело сидѣть такъ долго. Независимо того, баль-

ные костюмы дамъ и дѣвицъ, о которыхъ въ книгахъ написано такъ много нехорошаго, сильно смущали цѣломудреннаго Шамиля, и были для него едва ли не тягостнѣе долгаго бдѣнія.

— Ты такой же человѣкъ, какъ и я, говорилъ онъ мнѣ однажды за обѣдомъ: — скажи по правдѣ, что ты чувствуешь, когда смотришь на открытыя плечи дамъ и дѣвицъ и на ихъ красивыя лица?

Я отвѣчалъ, что въ это время мнѣ бываетъ немножко какъ будто не по себѣ, но, впрочемъ, чувствую себя въ очень благополучномъ состояніи.

— Вотъ и я то же чувствую, продолжалъ Шамиль: — а мнѣ это не годится: въ книгахъ написано....

И онъ принимался объяснять, что написано въ его книгахъ.

Я считалъ за лучшее похвалить то, что написано въ его книгахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы вызвать его на тѣ разговоры, которые составляютъ предметъ моихъ давнишнихъ желаній и которые должны были касаться главнѣйшихъ событій кавказской войны, средствъ для веденія ея, а также и тѣхъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для упроченія своей власти; правовъ, обычаевъ, торговли и образа правленія племенъ, признававшихъ его власть.

Къ моему величайшему удовольствію и даже къ немалому удивленію, Шамиль охотно поддерживалъ разговоры обо всѣхъ этихъ предметахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда онъ разсказывалъ обстоятельства, гдѣ ему самому приходилось быть дѣйствующимъ лицомъ, онъ былъ необыкновенно интересенъ. Ничего нѣтъ легче, какъ вызвать его на подобный разговоръ: рисунокъ, книга, инструментъ, — все подстрекало его любознательность и, порождая распросы съ его стороны, представляло эту же возможность и мнѣ. Разказы Шамиля заключаютъ въ себѣ такъ много интереса, что мнѣ остается только употребить стараніе передать, какъ можно вѣрнѣе, выражаемые ими факты. Предметъ, о которомъ прежде всего мы начали говорить, была женщина. Разговоръ о ней завязался по поводу послѣдняго бала.

Разсказавъ мнѣ о томъ, что написано въ книгахъ о красивыхъ, но открытыхъ женскихъ лицахъ, и о впечатлѣніи, которое онѣ, совокупно съ открытыми же плечами, производятъ на человѣка, Шамиль выразилъ слегка и собственное предположеніе, что костюмы нашихъ женщинъ, а нѣкоторые и мужскіе

(онъ сдѣлалъ очень неблагопріятный отзывъ о фракахъ), должны бы, «кажется» вредить общественной нравственности.

Я замѣтилъ на это, что нравственность, «кажется», есть дѣло такого рода, которое не очень нуждается въ излишнихъ покровяхъ. Подумавъ немного, Шамиль сказалъ: «да, это можетъ быть». Потомъ, подумавъ еще, онъ началъ излагать другое предположеніе: не вредить ли общественной нравственности, вообще, свобода, которою пользуются у насъ женщины? Потому что, по его мнѣнію, трудно и даже почти невозможно для чловѣка удержаться отъ соблазна тамъ, гдѣ онъ окруженъ соблазномъ со всѣхъ сторонъ, а тѣмъ болѣе трудно это для женщины, существа, столь не совершеннаго въ сравненіи съ мужчиною.

Говоря это, Шамиль произнесилъ слова съ разстановкою, какъ бы опасаясь вставить такое слово, которое могло бы слыхкомъ рѣзко обозначить невыгодное его мнѣніе о нашихъ женщинахъ.

На его вопросъ, я отвѣчалъ вопросомъ же: въ какомъ отношеніи онъ считаетъ женщину менѣе совершенною — въ физическомъ, или въ умственномъ? Шамиль засмѣялся.

— Во всемъ, отвѣчалъ онъ, стараясь обратить свой отвѣтъ въ шутку.

— Отчего это происходитъ? спросилъ я, уклоняясь отъ открытаго спора.

— Оттого, что Аллахъ создалъ ее такою слабою... Поэтому онъ и велѣлъ ей угождать во всемъ мужчинамъ и исполнять все то, что онъ захочетъ... Да развѣ въ вашихъ книгахъ не написано, что Аллахъ создалъ женщину совсѣмъ не такъ, какъ мужчину, и что мужчину онъ сдѣлалъ господиномъ, а женщину подчинилъ ему?

— Итъ, написано, отвѣчалъ я: — но только немножко не такъ: въ нашихъ книгахъ написано, что Аллахъ дѣйствительно создалъ мужчину болѣе сильнымъ, нежели женщину; по, поэтому-то самому, онъ велѣлъ мужчинамъ защищать ее и принять на себя всѣ тяжелыя работы, которыя не по силамъ женщинамъ, а женщинамъ велѣлъ быть помощницею мужчины, другомъ его.

— Что жъ она будетъ работать? спросилъ Шамиль.

— На долю женщины еще много работъ есть, отвѣчалъ я: — воспитывать дѣтей, смотрѣть за домашнимъ хозяйствомъ, любить мужа.... Вотъ этою любовью она и будетъ помогать ему:

она много облегчить его труды и даже самую тяжелую работу сдѣлаетъ пріятною.

Шамиль отрицательно качнулъ головою.

— Поэтому, сказалъ онъ: — она можетъ сдѣлаться равною мужчинамъ?

— Отъ нея зависить стать выше его.

Шамиль устремилъ на меня свои большіе выразительные глаза, въ которыхъ ясно отражался вопросъ: «это какъ?»

Я объяснилъ, какъ умѣлъ, значеніе физической слабости женщины и ту прелесть, какую имѣетъ въ глазахъ мужчины эта слабость, особливо, если женщина сохраняетъ чувство собственного достоинства.

На это Шамиль выразилъ предположеніе, что едва ли можетъ сохранить чувство собственного достоинства та женщина, которая является въ общество съ открытою до половины грудью.

Я отвѣчалъ предположеніемъ съ своей стороны, что «хорошая» женщина сохранить это достоинство даже и тогда, если, вслѣдствіе обстоятельствъ, будетъ ходить въ костюмѣ еще болѣе легкомъ.

— Какія же это обстоятельства? спросилъ Шамиль.

— Адакъ, обычай; бѣдность....

При этомъ я упомянулъ и о ветхозавѣтныхъ женщинахъ, извѣстныхъ Шамилю изъ «*femmes de la bible*».

— Хорошо, сказалъ на это Шамиль: — положимъ, что на вашихъ женщинахъ не имѣетъ дурнаго вліянія легкая одежда, которую онѣ носятъ.... Ну, а мужчинамъ, развѣ не побуждаетъ она къ дурнымъ мыслямъ и къ дурнымъ намѣреніямъ?

Въ отвѣтъ на это я припомнилъ Шамилю его же собственный рассказъ объ одномъ обычаѣ, существующемъ въ нѣкоторыхъ обществахъ Дагестана. Этотъ рассказъ былъ возбужденъ, нѣсколько дней прежде, вопросомъ достовѣрности сказанія Марлинскаго относительно «Богучемоновъ». Оказалось, что племя Богучемоновъ существовало только въ воображеніи Марлинскаго; а что касается до обычая, то подобіе его, какъ слышалъ Шамиль, дѣйствительно существуетъ, но только въ слѣдующихъ размѣрахъ: когда пріѣзжаетъ къ горцу хорошій его пріятель, то, въ заключеніе всякихъ угощеній, хозяйская дочь отправляется спать въ одну комнату съ гостемъ. Это составляетъ знакъ особеннаго уваженія и довѣрія къ нему. Въ это время гость мо-

жетъ говорить съ нею очень свободно и даже ласкать ее. Но лишь только онъ выкажетъ малѣйшее дурное намѣреніе, дѣвушка уходитъ изъ комнаты и, смѣясь надъ нимъ, срамитъ его односложною фразою: «ты не мужчина!» Этимъ и ограничивается возмездіе тому, кто не съумѣлъ порядкомъ владѣть собою.

Слушал мое возраженіе, Шамиль гладилъ бороду и подъ конецъ, прищуривъ одинъ глазъ и улыбаясь съ замѣтною проныею, спросилъ:

— А развѣ у васъ есть этотъ обычай?

— Нѣтъ, обычая этого у насъ нѣтъ; но тѣмъ легче мужчина можетъ управлять собою.

Затѣмъ Шамиль началъ рассказывать подробности постановленій шарріата, относительно преступленій противъ общественной нравственности. Вотъ сущность его разсказа.

Преступленіе противъ общественной нравственности тогда только признается дѣйствительнымъ и подвергается суду, когда оно обнаружено не менѣе, какъ четырьмя свидѣтелями или захвачено на мѣстѣ его дѣйствія. Въ такомъ случаѣ, правила шарріата предписываютъ слѣдующее:

Если въ преступленіи обвиняется замужняя женщина или дѣвушка, обѣщанная кому нибудь въ замужество, то преступницы подвергаются смертной казни.

Этому же подвергаются ихъ обольстители, невзирая на возрастъ и званіе. Мюрядъ Хаджію участвовалъ въ избіеніи бывшаго своего товарища, пятнадцатилѣтняго мальчика.

Мужъ, получившій указанныя шарріатомъ доказательства неувѣрности своей жены, имѣетъ право убить ее и ея любовника безнаказанно. Но если онъ совершилъ убійство по одному только личному подозрѣнію, то подвергается кровомщенію со стороны родственниковъ убитыхъ. Если въ дѣлѣ преступленія жены онъ не захочетъ кровавой развязки, то долженъ простить обоимъ виновныхъ безусловно; въ противномъ же случаѣ, если доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія суда, то преступники все равно будутъ преданы смертной казни.

Если въ преступленіи обвиняется дѣвушка, еще не обѣщанная въ замужество, то ее и ея любовника, если онъ холостъ, наказываютъ публично ста ударами розогъ и выгоняютъ изъ деревни на одинъ годъ, по истеченіи котораго она можетъ возвратиться въ свой домъ и даже выйти замужъ, но въ послѣд-

немъ случаѣ, болѣею частію, за человѣка непорядочнаго. Если же любовникъ женатый, то его убиваютъ.

Всѣ эти постановленія шарріата исполняются немедленно и безъ всякихъ отступленій.

Смертная казнь за прелюбодѣліе состоитъ въ избіеніи камнями.

Казнь совершается съ особою торжественностію: для этого вырываютъ неглубокую яму и сажаютъ въ нее преступника, съ руками, привязанными къ ногамъ. Потомъ бросаютъ въ него кругловатыми, величиною въ кулакъ, камнями до тѣхъ поръ, пока не останется ни малѣйшаго признака жизни. Мужчины побиваютъ мужчинъ, а женщины женщинъ.

— Это очень строгія правила, сказалъ я, выслушавъ разсказъ Шамиля: — вотъ-то, я думаю, ваши горцы спокойно оставляютъ свои дома: ничего ужъ не можетъ случиться въ его отсутствіе; я думаю, и преступленій этихъ никогда у васъ не бываетъ?

— Ихъ! сказалъ Шамиль:—у насъ, я думаю, чаще это случается, чѣмъ у васъ.

— Можетъ ли это быть? спросилъ я съ особымъ удивленіемъ.

— Свидѣтелей очень трудно достать, отвѣчалъ Шамиль: — рѣдко кто захочетъ явиться къ такому обвиненію; а нужно непременно четырехъ человѣкъ: показанія трехъ свидѣтелей недействительны.

Обращаясь къ затрудненіямъ, которыя встрѣчалъ Шамиль для своихъ вечернихъ визитовъ, нельзя не согласиться, что человѣку, привыкшему, въ продолженіе шестидесяти-четырехъ лѣтъ, жить такъ, какъ живетъ природа: засыпать и просыпаться вмѣстѣ съ нею, балы наши и вообще долгіе вечера, въ самомъ дѣлѣ, невыносимы. Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, я нисколько не удивился, когда на другой день послѣ втораго бала Шамиль объявилъ мнѣ, что съ этихъ поръ онъ рѣшительно не намѣренъ показываться по вечерамъ куда либо, а желаетъ возобновить тотъ образъ жизни, который велъ онъ въ Дарго, именно: зимою ложиться спать въ семь часовъ вечера, а лѣтомъ—въ девять. Сказано — сдѣлано, и съ этого же дня жизнь наша потекла вполнѣ согласно требованій природы.

Через нѣсколько времени нашей затворнической жизни, во мнѣ возникло подозрѣніе, что, кромѣ двухъ высказанныхъ Шамилемъ причинъ, препятствующихъ ему проводить вечера въ обществѣ, существуетъ еще и третья. Нѣсколько случаевъ подтверждали дѣйствительность этого факта.

Является, напримѣръ, къ намъ одинъ господинъ съ подпискою на учрежденіе въ Калугѣ театра, для чего принимается очень благоразумная мѣра: сперва абонементъ, а потомъ ужъ рядъ спектаклей. Подписку составлялъ листъ бумаги, въ началѣ котораго прописано воззваніе къ публикѣ, а въ концѣ стояла подпись: «изъ дворянъ, актеръ Соболевъ». Судя по пустымъ клѣткамъ, въ которыхъ должны прописываться фамиліи абонентовъ, подписка явилась прежде всѣхъ къ намъ. Разсчегъ довольно вѣрный, показывающій, что изъ дворянъ актеръ Соболевъ человекъ съ соображеніемъ. Показавъ подписку Шамилю, я спросилъ: не хочетъ ли онъ абонироваться? Шамиль взглянулъ на бумагу и съ минутой не отвѣчалъ мнѣ, какъ будто обдумывая что-то; наконецъ онъ сказалъ:

— Кызларъ булуръ (дѣвицы будутъ?)

— Конечно, будутъ.

— Такъ я не буду.

— Но ты, кажется, такъ любишь театръ.

— Да, люблю; только я туда не поѣду; а вотъ пріѣдутъ мои сыновья, они непременно будутъ въ театрѣ.

Черезъ нѣсколько дней появилась у насъ аѣнша, возвѣщавшая о прибытіи въ Калугу труппы вольтижеровъ и съ ними сорока-пяти лошадей. Зналъ, что Шамиль очень любитъ эти представленія и даже неоднократно спрашивалъ, нѣтъ ли здѣсь вольтижеровъ и не пріѣдутъ ли они, я показалъ ему аѣншу и спросилъ: поѣдетъ ли онъ смотрѣть конское ристаніе?

— Кызларъ булуръ? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Будутъ, отвѣчалъ я.

— Такъ я не поѣду.

Незадолго передъ пріѣздомъ вольтижеровъ, явился въ Калугу «Франсуа Керп, механикъ или восточный кудесникъ, ученикъ Боско», какъ гласила аѣнша. Въ это время гостилъ у насъ г. Богуславскій, пріѣзжавшій навѣстить Шамиля. Мы позвали ученика Боско къ себѣ, надѣясь доставить удовольствіе Шамилю, еще не издавшему чудесъ «черной магіи» и «экспериментальной физики». Успѣхъ превзошелъ наши ожиданія,

Шамиль явился въ комнаты Гази-Магомета, отведенныя для представленія, въ обыкновенномъ своемъ домашнемъ костюмѣ: въ простой горской шапкѣ и въ нагольномъ, пакинутомъ на плечи тулупѣ. Тотъ, кто его не знаетъ, конечно, и не могъ подозрѣвать, чтобы такой костюмъ принадлежалъ грозному повелителю Чечни и Дагестана. Пока шли приготовленія, Шамиль усялся на диванѣ посреди комнаты, оглядѣвъ своимъ проникательнымъ взглядомъ восточнаго кудесника и затѣмъ, до самаго начала представленія, безмолвно слушалъ его разсказъ о томъ, какъ онъ, г. Керн, бывши въ 1857 году въ отрядѣ подъ Бартунаемъ, гдѣ увеселилъ войска своими представленіями, очень усильно просилъ начальника отряда, генералъ-адъютанта князя Орбелиани, пустить его къ Шамилю, въ Ведень, на что, однако, князь не согласился. Окончивъ свой разсказъ, ученикъ Боско просилъ г. Богуславскаго передать Шамилю о томъ, что вотъ онъ чуть-чуть не былъ у него въ гостяхъ. Когда г. Богуславскій исполнилъ его желаніе, Шамиль пресерььзно отвѣчалъ: «пусть благодарить Бога, что князь Орбелиани не пустилъ его: я бы непременно его повѣсилъ». Озадаченный механикъ, совсѣмъ и не подозрѣвавшій, что онъ стоитъ возлѣ Шамиля, на котораго до сихъ поръ онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, сначала немного удивился такому предположенію г. Богуславскаго и сконфуженнымъ голосомъ спросилъ:

— Гдѣ же Шамиль? Удостоитъ ли онъ своимъ присутствіемъ мое представленіе?

— Да вотъ онъ, отвѣчалъ г. Богуславскій, указывая на Шамиля.

Надо было видѣть весь ужасъ восточнаго кудесника: онъ сдѣлалъ такой прыжокъ въ сторону, какого, конечно, не дѣлалъ во время своихъ представленій въ минуту самаго высокаго павоса: цѣлую минуту онъ молчалъ и замѣтно трясся, но потомъ, воспользовавшись разговоромъ г. Богуславскаго съ Шамилемъ и веселостью, возбужденною въ немъ послѣднимъ его прыжкомъ, ученикъ Боско оправился и началъ свое представленіе, въ которомъ, можно сказать, превзошелъ себя, по крайней мѣрѣ, относительно впечатлѣнія, произведеннаго на Шамиля.

Однако, начало вышло у него по пословицѣ «первый блинъ комомъ»: съ перваго же приѣма въ извѣстной всѣмъ наипмъ губерніямъ штукъ съ коробочкою, Шамиль остановилъ фокусника и потребовалъ коробочку для освидѣтельствованія. Кудесникъ

было заупрямился, но, увидя блистающіе глаза и протянутыя руки Шамиля и услышавъ его громкій голосъ: «а! гә! лай! дай!» онъ поспѣшилъ вручить ему коробочку, которую Шамиль осмотрѣлъ самымъ пристальнымъ образомъ и, тотчасъ же открывъ фальшивое дно, показалъ его намъ, съ величайшею радостью повторяя:

— А, онъ обмануть насъ хотѣлъ!...

Оправившись скоро отъ смущенія, въ которое былъ ввергнутъ пронизательностію Шамиля, ученикъ Боско продолжалъ свое дѣло безостановочно, возбуждая постепенно въ Шамилѣ неподдѣльный восторгъ. Только одинъ разъ это чувство было немного отравлено, и то не надолго, сомнѣніемъ по поводу одного серебрянаго рубля, вышедшаго, къ особенному удивленію Хаджію, изъ его собственного носа. Успокоенный увѣреніями, что ни одинъ изъ его членовъ не будетъ оскверненъ, Шамиль продолжалъ смотрѣть на фокусы съ прежнимъ интересомъ. Каждая штука доставляла ему много удовольствія; особенное же удивленіе возбудилъ въ немъ французскій хлѣбъ, изъ котораго были вынуты платки, принадлежащіе нѣкоторымъ зрителямъ. Но верхомъ торжества для Кёри былъ вынутый изъ мюридова носа рубль, который, по предложенію фокусника, Хаджію обернулъ въ большой платокъ и, взявъ его затѣмъ пальцами, поднялъ руку и держалъ ее въ этомъ положеніи съ минутой. По данному знаку, Хаджію откинулъ платокъ и, вмѣсто монеты, увидѣлъ у себя въ рукѣ большой султанъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ. Долго, въ нѣмомъ удивленіи, смотрѣли нанин горцы на этотъ султанъ; наконецъ Шамиль и его мюриды разразились громкимъ, продолжительнымъ хохотомъ, вызвавшимъ даже у нихъ слезы.

Этотъ послѣдній фокусъ Шамиль до сихъ поръ не можетъ забыть: вспоминая о немъ, онъ отъ души смѣется и однажды при этомъ воспоминаніи сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ показали мнѣ это! Теперь не могу Богу молиться: какъ только начну намазъ дѣлать, этотъ султанъ такъ и станетъ у меня передъ глазами....

Однако, несмотря на удовольствіе, доставленное Шамилю ученикомъ Боско, онъ все-таки не забывалъ о немъ своего мнѣнія, и когда, по окончаніи представленія, у него спросили, что, вѣроятно, если бы подобный фокусникъ, обладающій такимъ

даромъ развеселить каждаго, являсь въ станѣ Шамиля, не былъ бы повѣшенъ, Шамиль отвѣчалъ:

— Тѣмъ скорѣе бы повѣсился.

Интересъ, возбужденный въ Шамилѣ фокусами, побудилъ насъ предложить ему отправиться на представленіе въ залу Благороднаго Собранія. Хотя и было замѣтно, что ему самому очень этого хотѣлось, однако, онъ счелъ необходимымъ сначала немножко поцеремониться и потомъ уже согласился ѣхать. Когда же, на другой день послѣ отъѣзда г. Богуславскаго, я спросилъ Шамиля, поѣдетъ ли онъ на представленіе, онъ отвѣчалъ мнѣ вопросомъ же:

— Кызларъ булуръ?

— Безъ сомнѣнія, будутъ.

— Ну, такъ я не поѣду.

Затворничество, котораго такъ добивался Шамиль, совсѣмъ не нравится Хаджію: онъ такъ освоился съ дѣйствующимъ обществомъ, такой интересъ возбудилъ въ дѣвицахъ своимъ добрымъ нравомъ и выразительнымъ лицомъ, что я вполне вхожу въ его положеніе и, вмѣстѣ съ нимъ, готовъ нахмуриться, когда Шамиль произноситъ свой односложный отвѣтъ: «ну, такъ я не поѣду»... Хаджію всегда бываетъ счастливъ, когда является въ общество: обыкновенно, его тогда окружаютъ дѣвицы, уводятъ въ другія комнаты и показываютъ разнымъ бездѣлушкамъ, приводящимъ бывшаго защитника Гунуба въ восторгъ совсѣмъ неодносторонній. Благодаря вниманію дѣвицъ, къ которымъ Хаджію питаетъ самое глубокое чувство, онъ уже выучилъ много русскихъ словъ и даже фразъ и употребляетъ ихъ болѣе или менѣе кстати. Я увѣренъ, что, еслибъ ему пришлось прожить еще два мѣсяца въ Калугѣ, онъ бы окончательно выучился говорить по русски. Да какъ тутъ и не выучиться, когда нѣсколько ручекъ держатъ тарелку съ вареньемъ, а нѣсколько другихъ—кормятъ его. Все это производитъ на статнаго горца чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, и онъ уже выказалъ себя самымъ понятливымъ ученикомъ, отпустивъ на головѣ волосы и щеголяя безъ папахы, даже въ присутствіи Шамиля. Видя такія стремленія, Шамиль нерѣдко говоритъ за обѣдомъ, конечно шутя: «кажется, нашъ Хаджію не хочетъ ѣхать въ Карату»...

Съ горя и досады, Хаджію, уложивъ Шамиля въ семь часовъ спать, приходитъ ко мнѣ, беретъ листъ бумаги и начинаетъ писать русскія фразы на арабскомъ языкѣ для будущей бесѣды.

съ дѣвицами, или же чертитъ разныя фигуры. Однажды, взглянувъ на его работу, я увидѣлъ фигуры весьма опредѣленнаго вида, начерченные имъ очень и очень правильно.

— Чтѣ ты это черпишь, джанымъ? спросилъ я у него.

— Вотъ это ящики, черезъ которые у насъ соль добываютъ, отвѣчалъ онъ, показывая карандашемъ на плоды трудовъ своихъ: — вотъ это футляръ, который мы дѣлали для пушекъ; вотъ это горнъ для плавки мѣди..

Этого было довольно для того, чтобъ у насъ завязался разговоръ объ артиллеріи горцевъ. Кстати, на другой же день, Шамилю представлялись два артиллерійскихъ штабъ-офицера, и по поводу этого онъ самъ, послѣ ухода новыхъ знакомцевъ, началъ меня спрашивать о нашей артиллеріи. Удовлетворивъ, по возможности, его желаніе, я предложилъ ему и съ своей стороны нѣсколько вопросовъ. Прежде всего, я спросилъ, справедливъ ли былъ слухъ, ходившій когда-то по Кавказу, что будто въ то время, когда у горцевъ еще не было артиллеріи, они стрѣляли по насъ изъ деревянныхъ пушекъ.

Шамиль засмѣялся и, обращаясь къ Хаджію, сказалъ:

— Вотъ, сколько я ни старался скрывать глупость Хидатли-Магомъ, однако, Русскіе узнали....

Потомъ онъ началъ пренитересный расказъ о томъ, какъ житель аула Куадали, въ обществѣ того же имени, Хидатли-Магомъ, завѣдывавшій у него производствомъ артиллерійскихъ снарядовъ, предлагалъ ему однажды устроить кожаныя пушки особеннымъ способомъ, который онъ же и изобрѣлъ и который, по объясненію, заключался въ слѣдующемъ:

Изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ полосъ, толщиною въ ладонь, Хидатли-Магомъ хотѣлъ «выковать» орудіе кузнечнымъ способомъ и потомъ обшить крѣпко-на-крѣпко въ нѣсколько слоевъ буйволовою кожею

Запрочность устроенной такимъ манеромъ артиллеріи Хидатли-Магомъ ручался своею головою; но, несмотря на это, Шамиль не согласился осуществить его идею и, желая отклонить дальнѣйшія настоянія, сказалъ ему: «пожалуйста, братъ, не хлопочи о твоей пушкѣ: и голова твоя для меня дорога, да и не хочется мнѣ, чтобы Русскіе надъ нами посмѣялись и называли бы насъ съ тобою дураками».

— Такъ вотъ, въ заключеніе прибавилъ Шамиль:—это самое, вѣрно, и были тѣ деревянные пушки, о которыхъ говорили у васъ.

Продолженіе этого разговора привело къ объясненію всего, что касается до устройства Шамилемъ артиллеріи. На этотъ разъ, ограничусь литьемъ орудій.

Когда я показалъ Шамилю чертежи, сдѣланные Хаджію, онъ разсматривалъ ихъ съ большою любовью, безпрестанно повторяя: «Конъ яхши! валла яхши!» и напослѣдокъ объявилъ окончательно, что чертежи совершенно вѣрны.

Затѣмъ, я начинаю описаніе литья орудій, но прежде считаю обязанностію благодарить г. Богуславскаго, принимавшаго на себя трудъ исправить прежній и сдѣлать новый переводъ рассказовъ Хаджію, въ справедливости которыхъ Шамиль удостоверялъ меня лично.

Литьемъ орудій въ Ведентъ распоряжался унцуккульскій житель Джабранъ Хаджію, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, управлялъ и тамошнимъ пороховымъ заводомъ. Прежде онъ былъ простымъ оружейникомъ, а пороховому и литейному дѣлу выучился въ Аравіи, во время путешествія своего въ Мекку.

Въ продолженіе всего пимамства Шамиля, отлито было отъ 40—50 орудій; но изъ числа ихъ совершенно годными было признано отъ 12—14, которые и находились въ дѣйствіяхъ противъ насъ. Отливка ихъ производилась слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего приготовлялась опока. Она была цилиндрическая, цѣльная, безъ раздѣленій, длиною нѣсколько больше человѣческаго роста, а въ діаметръ отъ 12 — 16 вершковъ. Она составлялась изъ желѣзныхъ жердей, шириною въ два пальца, толщиною въ полпальца. Эти жерди съ одного конца переплетались, образуя собою круглое плоское дно, въ видѣ колеса. Жерди не прилегали плотно одна къ другой, а имѣли между собою промежутки, чрезъ которые, по окончаніи всего процесса, выбивалась глина. Опока оковывалась, въ трехъ, а иногда въ четырехъ мѣстахъ, желѣзными толстыми обручами. Дно опоки плотно укладывали сырою глиною, послѣ чего въ средину опоки опускали форму орудія, выдѣланную изъ простаго деревяннаго бруса; пустое же пространство между стѣнками опоки и формою набивали тою же глиною, которую смачивали еще и плотно утрамбовывали.

Приготовленная такимъ образомъ опока ставилась на землю, обкладывалась со всѣхъ сторонъ до верху дровами, которыя вслѣдъ затѣмъ и зажигались. Опока и глина накаливались и обугливали форму, на которую, для скорѣйшаго тлѣнія, поли-

вали нефть. Когда форма окончательно истлѣвала, образовавшийся изъ нея уголь вытаскивали особымъ черпакомъ, послѣ чего являлась форма для будущаго орудія.

Остывшую опоку переносили къ приготовленной заранее ямѣ, куда и опускали ее такъ, чтобы верхнее ея дно помѣщалось немного ниже уровня земли. Послѣ того, въ средину формы опускали желѣзный цилиндрическій брусъ, оканчивающійся тупымъ концомъ (все орудія отливались камерными). Брусъ этотъ предварительно обмазывали ровно и гладко глиною, перемѣшанной съ золою. Діаметръ бруса зависѣлъ отъ калибра, какой хотѣли дать орудію. Въ верхнемъ концѣ бруса было отверстіе, сквозь которое продѣвалась желѣзная жердь, клавшаяся на землѣ и не допускавшая, такимъ образомъ, конусъ цилиндра до дна формы на такое разстояніе, чтобъ образовать дно и тарель. Затѣмъ оставалось только литье, потому что затравка просверливалась уже въ готовомъ орудіи.

Надъ самую ямой складывали большихъ размѣровъ каменный горнъ конусообразной формы, съ полушарнымъ дномъ. Матеріалами для этой постройки служили камень и огнеупорная глина. На днѣ горна, по направленію оси канала орудія, продѣлывалось отверстіе, которое, на время плавки металла, затыкалось желѣзною пробкою. Въ сводѣ горна, надъ поверхностію металла, продѣлывались три окна для закладки металла и угля и для надзора за плавкою. Дутье было ниже. Когда горнъ былъ готовъ окончательно, въ него клали такое количество мѣди, которое, по соображенію Джабранла Хаджію, признавалось нужнымъ для орудія. Кромѣ мѣди, никакихъ другихъ металловъ не употребляли; но такъ какъ вся она была дѣловая, съ полудою: котлы, тазы и проч., то это условіе въ нѣкоторой степени дѣлало нечувствительнымъ отсутствіе бронзы (*). Послѣ мѣди сыпали въ горнъ уголь, которыхъ выходило для каждаго орудія не менѣе ста пудовъ. Когда металлъ расплавлялся, пзъ дна вытаскивали особыми щипцами пробку: въ отверстіе стекала мѣдь и орудіе было готово. Черезъ нѣсколько дней, изъ ямы вынимали опоку, разбивали глину и вытаскивали изъ опоки орудіе.

Наружный видъ орудія всегда бывалъ болѣе или менѣе шероховатымъ, такъ же, какъ и каналъ его; но каналъ опиливалъ и вы-

(*) Вся эта мѣдь принадлежала прежде частнымъ людямъ, имущество которыхъ, по разнымъ случаямъ, было конфисковано. Въ распоряженіи Шамиля такой мѣди было, по его словамъ, до 10,000 пудовъ.

равнивали ручными средствами, а самое тѣло снаружи обтирали желѣзными брусками и точильнымъ камнемъ, послѣ чего, просверливъ затравку, тотчасъ же дѣлали пробу, зарпая орудіе двойнымъ и тройнымъ зарядомъ.

Немногія орудія выдерживали пробу; а у нѣкоторыхъ, послѣ перваго же выстрѣла, казенная часть такъ сильно раздувалась, что, по словамъ Хаджію, дѣлалась похожею на очень толстаго человѣка. Поэтому, изъ предосторожности, фитиль для пробы употреблялся очень длинный.

Вообще, доморощенная артиллерія Шамиля была недолговѣчна, и, послѣ нѣкотораго времени ея службы, нерѣдко случалось, что, по оплошности третьихъ нумеровъ, первымъ номерамъ отрывало руки, а вторые бывали ранены, какъ это и случилось теперь въ Гунибѣ, гдѣ, кромѣ того, и лафеты были такъ ветхи и вообще дурны, что, при каждомъ выстрѣлѣ, орудія выскакивали изъ своихъ гнѣздъ; оковки и винты разлетались далеко въ разныя стороны, и Казимъ-Магомету, съ моимъ пріятелемъ Хаджію, неоднократно приходилось бѣгать за ними по аулу. Подъемныхъ клиньевъ совсѣмъ не было, а вмѣсто ихъ защитники Гуннба употребляли большей или мѣньшей величины камни, смотря по наклону орудія.

Для работъ въ литейной и на пороховыхъ заводахъ употреблялись одни туземцы.

«Аллахъ, аллахъ!» думалъ я, слушая рассказы Шамиля о его военномъ управленіи: — «съ какими ничтожными средствами этотъ человѣкъ такъ долго противостоялъ нашимъ усиліямъ!...»

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій, я спросилъ Шамиля, есть ли теперь такіе люди, которые могли бы дать Кавказу его прежнее грозное значеніе.

Долгимъ, чудеснымъ взглядомъ отвѣчалъ Шамиль на мой вопросъ. Въ этомъ взглядѣ заключалось все: и прошедшее, которое дѣйствительно было, и будущее, котораго для него никогда не будетъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ: — теперь Кавказъ въ Калугѣ....

А. РУНОВСКІЙ.

СЕМЕЙСТВО ШАМИЛЯ.

(Изъ записокъ пристава.)

Утромъ 5 января, на дворѣ занимаемаго Шамилемъ дома, явилась почтовая тройка съ багажемъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ огромныхъ тюковъ, обшитыхъ персидскими коврами. Эта была библіотека Шамиля, о потерѣ которой онъ получилъ ложное свѣдѣніе, погрузившее его почти въ такую же печаль, какую наводила на него неизвѣстность объ участи его семейства. За то и радость его была велика. Но она казалась ничтожною въ сравненіи съ чувствомъ, вызваннымъ словами ямщика, что онъ ѣхалъ только двумя станціями впереди всего поѣзда.

Хотя плѣнникъ уже и свыкнулся съ мыслию скораго соединенія съ дорогими для него людьми и хотя еще наканунѣ, съ очень довольною улыбкою, жаловался онъ на сильный зудъ въ лѣвой брови—вѣрный признакъ немедленнаго пріѣзда тѣхъ, кого ожидаешь, но, не менѣе того, извѣстіе, что чрезъ нѣсколько часовъ онъ ихъ увидитъ, замѣтно его поразило: въ продолженіе одной минуты лицо его мѣнялось нѣсколько разъ, покрывалось то яркимъ румянцемъ, то мертвою блѣдностію. Голосъ, которо-

му онъ усиливался придать такое же спокойствіе, какъ п лицу, оправдалъ его ожиданія не менѣе дурно: онъ сильно дрожалъ и тѣмъ яснѣе обнаруживалъ ощущенія, которыя слѣдовало скрыть.

А скрыть ощущенія было необходимо: это и въ характерѣ горца и въ его понятіяхъ о законахъ приличія. Сколько нибудь порядочный и мало-мальски серьезный горецъ считаетъ всякое увлеченіе въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей ничѣмъ больше, какъ школьничествомъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть оно доступно Шамилю, очень серьезному, очень умному и еще недавно столь грозному владыкѣ Чечни и Дагестана.

Но, видно, природа человѣка сильнѣе его характера, въ какихъ бы битвахъ его ни закалывали, и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того служить человѣческая природа Шамиля, которая, несмотря на всѣ усилія съ его стороны заглушить ее, одолѣла его самого и порывисто явилась передъ нашими глазами.

Порывы эти обнаруживались въ тотъ день еще нѣсколько разъ. Узнавъ, напримѣръ, что ямщикъ, который доставилъ багажъ, получилъ на водку только 20 копѣекъ, Шамиль не на шутку разсердился на бѣднаго казначея своего Хаджію и, обличая столь великую его скупость, пресерьезно спрашивалъ: развѣ онъ не знаетъ, что человѣка, который привезъ такое «большое» извѣстіе (улла-хабаръ), слѣдуетъ озолотить?... И вслѣдъ затѣмъ онъ таки настоялъ, чтобы ямщикъ былъ розысканъ и позолоченъ.

Часа черезъ два послѣ прибытія библіотеки, Шамиль потребовалъ обѣдать. Это было гораздо ранѣе обыкновеннаго и сдѣлано, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы заблаговременно освободиться отъ всякой житейской суеты и заняться предстоящимъ дѣломъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое ему подобаешь. Однако, несмотря на это стремленіе къ пищѣ и на необычайно веселое расположеніе духа, возбуждавшее мысль о добромъ аппетитѣ, Шамиль почти не дотрогивался до кушанья, и наконецъ оказалось, что ранній обѣдъ былъ имъ устроенъ для удовлетворенія аппетита его сожителей, а что ему самому совсѣмъ было не до ѣды.

Въ срединѣ обѣда, доложили о пріѣздѣ передовыхъ. Это былъ младшій сынъ Шамиля, Магометъ-Шеффі. Не зная еще, о чемъ идетъ докладъ, Шамиль инстинктивно повялъ его сущ-

пость и, быстро вставъ со стула, пошелъ очень скорыми шагами къ лѣстницѣ, навстрѣчу сыну. Но здѣсь онъ одумался и воротился на прежнее мѣсто, искусно выразивъ на своей физиономіи полное равнодушіе. Не менѣе того, заслышавъ шаги пріѣзжаго, поднимавшагося наверхъ, Шамиль не выдержалъ и встрѣтилъ сына у дверей столовой. Тутъ произошла сцена пріема, до того церемоніальная, что способна была напомнить собою пріемъ иноземныхъ пословъ царемъ Иваномъ Грознымъ.

Магометъ-Шеффі, которому, по всему видному, тоже хотѣлось кинуться Шамилю на шею, вмѣсто того, молча подошелъ къ нему, поцѣловалъ его руку и, въ такомъ же молчаніи и съ опущенными въ землю глазами, сталъ по другую сторону двери, ожидая вопросовъ отца. Шамиль тотчасъ же потребовалъ свѣдѣній о здоровьѣ путешественниковъ, о благополучіи путешествія, а главное — о томъ, кто ѣдетъ и кто не ѣдетъ.

Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ онъ уже давно получилъ отъ правительства самыя положительныя свѣдѣнія, вполнѣ его успокоившія, такъ что, въ настоящую минуту, не только все это было очень хорошо ему извѣстно, но онъ даже зналъ, что семья его и путешествуетъ совершенно благополучно. Тѣмъ не менѣе, вопросы эти были для него жизненными вопросами. Но, Боже мой, съ какимъ равнодушіемъ онъ ихъ дѣлалъ!... Но и тутъ Шамиль-человѣкъ выскальзывалъ изъ желѣзныхъ рукъ Шамиля-муршида, хотѣвшаго, во что бы то ни стало, выдержать этотъ характеръ до конца: по правиламъ даргинскаго этикета, разговоръ о женщинѣ между мужчинами, и, притомъ, въ присутствіи другихъ мужчинъ, считается непростительнымъ нарушеніемъ всякихъ приличій, и ужь если настоитъ въ этомъ крайняя необходимость, то можно о женщинѣ, кто бы она ни была, упомянуть въ общей нити разговора, но никакъ не вести рѣчь собственно о ней. Такъ дѣлалъ и Шамиль. Однако, глаза его, опускавшіеся каждый разъ, когда произносилось женское имя, метали искры въ то время, когда Магометъ-Шеффі говорилъ: что лошади во всю дорогу благополучно везли Шуаннатъ; что «суукъ» (холодъ) не такъ былъ силенъ, чтобы здоровье Зейдѣтъ могло пострадать; что одежда у всѣхъ была очень крѣпкая, и потому ни Нафиссатъ, ни Фатиматъ, ни Наджаватъ, ни Софіятъ, ни даже трехлѣтняя Баху-Меседу (сестры разскащика) не простудились и ни разу не болѣли. Называя одну за другою сестеръ, Магометъ-Шеффі не назвалъ, однако, своей жены

Аминнать: этимъ онъ, съ своей стороны, выполнилъ требованіе этикета, запрещающаго мужу говорить о женѣ, хотя бы относительно ея здоровья.

Истощивъ весь запасъ свѣдѣній Магомета-Шеффі, Шамилъ велѣлъ ему, вмѣсто отдыха, совершить намазъ, чтобы поблагодарить Бога за то, что позволилъ ему увидѣться съ отцомъ еще разъ въ жизни. Затѣмъ онъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, безъ всякаго сомнѣнія, съ цѣлью заняться тѣмъ же самымъ дѣломъ, которое предложилъ сейчасъ сыну.

Легкая гримаса, появившаяся на притворно постной физиономіи Магомета Шеффі, какъ нельзя лучше объясняла степень удовольствія, которое доставляетъ ему порученіе отца. Однако, не медля нисколько, онъ зашелъ въ первую комнату, скинулъ у порога теплые сапоги, послѣ чего остался въ красныхъ сафьянныхъ чевякахъ, потомъ бросилъ въ уголъ, выходящій на юго-востокъ бурку и, ставъ на нее, началъ молиться съ такимъ притомъ, усердіемъ, по крайней мѣрѣ наружнымъ, съ какимъ не молятся многіе изъ насъ въ нашихъ благолѣпныхъ храмахъ, заключающихъ въ себѣ такъ много для обращенія къ Богу всѣхъ помысловъ человѣка. Кончивъ, минутъ чрезъ десять, свой намазъ, Магометъ-Шеффі отправился осматривать отведенное ему отцомъ помѣщеніе, которымъ остался вполне доволенъ.

Съ перваго взгляда на круглую, бѣлую, розовую физиономію Магомета-Шеффі и съ первыхъ его словъ, произнесенныхъ женскимъ серебристымъ голосомъ, нельзя было не узнать въ немъ того шалуна-мальчика, о которомъ упоминается въ книгѣ г. Вердеревскаго: «Плѣнницы Шамиля». Несмотря на то, что немного объемистая полнота тѣла портитъ нѣсколько граціозность его фигуры, въ замѣтъ того, дѣтскій огонь въ небольшихъ карихъ и совсѣмъ масляныхъ глазахъ, подвижность и свѣжесть лица, очень пріятная шепелявость языка и, наконецъ, самые жесты, когда ихъ не связываетъ присутствіе отца, — все говорило, что ему еще очень хотѣлось бы поиграть, пошалить и что онъ именно тотъ самый мальчуганъ Магометъ-Шеффі, который, съ отъѣздомъ Шамиля изъ дому, не признавалъ надъ собою никакихъ властей.

Теперь ему двадцать-одинъ годъ, и ужъ онъ семьянинъ: у него былъ сынъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и есть жена, хорошенькая Аминнать, въ которую, несмотря на че-

тыре года женитьбы, онъ до сихъ поръ влюбленъ всѣми силами своего молодого сердца.

Незадолго до наступленія сумерекъ, по ту сторону Оки показался и весь поѣздъ, осторожно спускавшійся къ рѣкѣ. Зная всѣ ужасы, представляемые гористою мѣстностію Калуги во время гололедицы, я выѣхалъ за Оку навстрѣчу экипажамъ, чтобы, въ случаѣ надобности, приготовить помощь заблаговременно.

Экипажи, числомъ шесть, подвигались впередъ медленно и съ величайшимъ трудомъ. Кромѣ одной легкой кибитки, въ которой ѣхалъ впереди всѣхъ старшій сынъ Шамиля, Газій-Магометъ, съ младшимъ зятемъ его, Абдурахимомъ, всѣ остальные экипажи состояли изъ тарантасовъ, поставленныхъ на полозья и болѣе или менѣе тяжелыхъ. Изъ числа ихъ, одинъ являлъ собою великое сходство съ поевымъ ковчегомъ: въ немъ ѣхали всѣ остальные женщины, за исключеніемъ Зейдѣтъ, сидѣвшей съ дочерью своими: Наджаватъ и Баху-Меседу, въ одномъ изъ другихъ тарантасовъ. По причинѣ страшныхъ ухабовъ и происходившей оттого ломки въ экипажахъ, поѣздъ растянулся не менѣе, какъ на версту. Это доставило мнѣ возможность видѣть и рассмотреть каждый экипажъ отдѣльно. Одинъ изъ нихъ, и именно передній, завязъ въ сугробъ въ ту самую минуту, какъ я къ нему подъѣхалъ. Пока вытаскивали изъ снѣга лошадей и направляли ихъ на торный путь, прошла добрая четверть часа. Въ это время, въ одномъ изъ стеколъ тарантаса, появилось милостивое женское лицо; но, замѣтивъ русскіе костюмы людей, окружавшихъ экипажъ, оно тотчасъ же исчезло. Въмѣсто него, къ стеклу прильнуло хорошенькое личико дѣвочки, представлявшей собою миниатюру только что скрывшагося оригинала. Это были: извѣстная читающей публикѣ, жена Шамиля, армянка Шуаннѣтъ, и дочь ея Софілѣтъ. Къ сожалѣнію, красивая дѣвочка сильно страдаетъ глазами, и по этой причинѣ не было возможно снять съ нея портретъ, хотя много усилій было приложено къ тому и съ моей и съ ея стороны.

Пока происходила возня съ тарантасомъ, къ нему подъѣхали остальные экипажи. Всѣ они были болѣе или менѣе изувѣчены, а нѣкоторые невольно возбуждали охоту предложить извѣстный вопросъ: «доѣдутъ ли они до Калуги, или не доѣдутъ?» По словамъ сопровождавшихъ поѣздъ, дорога на всемъ пространствѣ отъ Ставрополя и «по сіе время» такъ была гадка, а ломка эки-

пажей случалась такъ часто, что лица эти даже удивлялись, какимъ манеромъ тарантасы увидѣли Калугу.

Проходя мимо экипажей, я считалъ обязанностію, подобно черзчуръ стыдливой барышнѣ, опустить свой взоръ въ землю, чтобъ не возбудить въ комъ либо подозрѣнія насчетъ анти-мусульманской нескромности. Тѣмъ не менѣе, я позволялъ себѣ взглядывать, впрочемъ, совершенно изподлобья, на окна тарантасовъ, въ чаллѣи увидѣть Зейдѣтъ, на которую больше всего хотѣлось мнѣ взглянуть, по той причинѣ, что личность ея, послѣ личности Шуаниѣтъ, заинтересовала меня преимущественно передъ всѣми остальными личностями, выведенными въ книгѣ г. Вердеревскаго. Мнѣ почему-то казалось, что я непременно узнаю ее, хотя бы рядомъ съ нею были поставлены двадцать другихъ женщинъ. Но — увы! — всѣ окна были занавѣшены, всѣ тарантасы закупорены самымъ герметическимъ образомъ, и я лишился удовольствія увидѣть не только Зейдѣтъ, но даже и Вали-Кызъ, до крайности безобразную старуху, единственную изъ всѣхъ обитательницъ нашего дома, съ которою впоследствии я имѣлъ удовольствіе познакомиться лично. Это событіе совершилось вслѣдствіе печальной встрѣчи съ нею на лѣстницѣ, что называется лицомъ къ лицу, при чемъ она громко вскрикнула и, по свойственной ей стыдливости, тотчасъ же закрыла лицо собственнымъ кулакомъ, за непониманіемъ подъ рукою какой либо другой матеріи. Черезъ полчаса послѣ этой встрѣчи, Вали-Кызъ прислала своего племянника попросить у меня извиненія въ томъ, что не побереглась столкновенія со мною и что этого никогда больше не случится. Въ свою очередь, я также просилъ извиненія въ печальной встрѣчѣ и, чтобъ устранить на будущее время соблазнъ подобныхъ печальностей, послалъ ей платокъ на голову. Это установило между нами самыя розовыя отношенія, и новая пріятельница моя, въ порывѣ своей признательности за сдѣланный ей подарокъ, вызвалась ежедневно варить для меня калмычій чай, что составляетъ исключительную ея профессію.

Итакъ, я не видѣлъ Зейдѣтъ. Къ сожалѣнію, долженъ признаться, что не увижу ея никогда, и что не увидитъ ея никто, исключая тѣхъ дамъ, которыя пожелаютъ сдѣлать Шамилю честь своимъ посѣщеніемъ.

Когда экипажи вѣзхали во дворъ, каждый изъ нихъ, ливившись, по очереди, у подъѣзда, былъ оцѣпляемъ мужчинами, и

затѣмъ начиналась выгрузка, сопровождаемая глубокимъ молчаніемъ, словно хоронили людей, пораженныхъ моровою язвою.

Въ сущности, оно такъ и было, съ тою только разницею, что хоронили не мертвыхъ людей, а живыхъ, цвѣтущихъ молодостью и здоровьемъ женщинъ, пораженныхъ язвою нетерпимости ихъ религіи и невѣжества ихъ мужей, которою, впрочемъ, не такъ давно страдали и мы грѣшные.

Привиллегія сидѣть взаперти и если хочешь, то ничего не дѣлать, принадлежить, въ горахъ, женщинамъ только именитымъ или очень ужъ богатымъ; стало быть, это почти такъ же, какъ было и у насъ до петровскихъ временъ: богатые и именитые барыни сидѣли сложа ручки въ своихъ теремахъ, а женщины, для которыхъ трудъ составлялъ средство къ существованію, преспокойно выходили изъ домовъ, куда указывала надобность, и сознавая, быть можетъ, столь видимое свое ничтожество, едва ли имѣли желаніе промѣнять его на золотую клѣтку и на отвратительную праздность многихъ госпожъ.

Именитыхъ домовъ, гдѣ женщины пользовались столь завидною привиллегіею, во всемъ немирномъ краѣ было немного — по словамъ мюрида Хаджіо, всего только два: домъ Шамиля и домъ Даніаль-султана. Чтò касается до сыновей перваго, то, разговаривая со мною объ этомъ предметѣ, Хаджіо только рукой махнулъ и, въ видѣ отвѣта на предложенный ему вопросъ, сказалъ: «Ужъ на что строго запретилъ у насъ Шамиль музыку: не дешево раздѣлывался за нее тотъ, кто попадался: много мѣсяцевъ приходилось ему сидѣть въ ямѣ, и много абазовъ переходило изъ его кармана въ сундуки казначея Хаджіо (*); но у насъ съ Газі-Магометомъ завсегда была кичікъ-музыка (**) или въ карманахъ, или подъ подушкою. Разъ, чуть-чуть не попались мы съ нею Шамилю, — и хорошо, что не попались, а то, съ кого абазы, а съ насъ головы слетѣли бы долой....»

Какъ бы то ни было, но, въ настоящее время, «завидная привиллегія» досталась и на долю невѣстокъ Шамиля, которыя до сихъ поръ ея не знали и, какъ кажется, совѣмъ были бы не-

(*) Всякій горецъ, подвергавшійся заключенію въ яму, обязанъ былъ, сверхъ того, платить за каждый день своего ареста по 20 к. сер., которые и поступали въ обычный раздѣлъ, составляющій предметъ особаго изложенія.

(**) «Маленькая музыка». Такъ горцы зовутъ табакерки-карильоны.

прочь отказаться отъ этого счастья въ пользу желающихъ. И не мудрено: до сихъ поръ онѣ жили съ мужьями внѣ родительскаго дома и, притомъ, совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ. А эти условія были созданы свѣжимъ и свѣтлымъ умомъ молодыхъ людей и страстной ихъ любовью къ своимъ женамъ. И вотъ Газі-Магометъ съ Магометомъ-Шеффи сначала поняли, что принятый ими отъ Шамиля взглядъ на женщину искаженъ, неправиленъ. Потомъ стали они придумывать свой собственный взглядъ. Въ этомъ дѣлѣ, имѣла на нихъ большое вліяніе семейная жизнь въ горахъ нашихъ ренегатовъ, не измѣнившихъ, вмѣстѣ съ религіею, обычаевъ своей страны. Молодые люди замѣтили въ ихъ бытѣ одну особенность, которая окончательно навела ихъ на умъ: они видѣли, что женщина не играетъ тамъ роли вьючнаго скота, что она не скрываетъ и даже не старается скрывать своего лица отъ посторонняго глаза, что она вовсе не трепещетъ мужа, что мужъ открыто оказываетъ ей свое вниманіе, бываетъ въ ея обществѣ, находитъ въ этомъ не послѣднее удовольствіе, и что, наконецъ, изъ всего этого ничего дурнаго не выходитъ. Убѣжденій этихъ было достаточно, чтобы сыновья Шамиля поняли настоящее значеніе и назначеніе женщины. Имъ оставалось только опредѣлить, хотя приблизительно образомъ, положеніе въ обществѣ женщины «ихъ круга». Но для этого необходимы были болѣе граціозные и, пожалуй, болѣе грандіозные образцы. На ихъ счастье, главная квартира волею судьбы перенесена изъ Гуниба въ Калугу: это предоставило имъ возможность побывать во многихъ мѣстахъ, гдѣ они видѣли женщину и въ общественной и въ домашней ея жизни. Темиръ-Ханъ-Шура, Ставрополь, Харьковъ, Москва, Петербургъ и наконецъ Калуга послужили для нихъ школою, гдѣ окончательно сформировался у нихъ взглядъ на женщину и выработались тѣ идеи о цивилизаціи, которыя теперь они проповѣдуютъ столь открыто.... въ моемъ присутствіи. Я увѣренъ, что Калуга довершитъ остальное: въ ней такъ много есть того, что вызываетъ на размышленіе, а у сыновей бывшего предводителя горцевъ такъ много охоты подвергать анализу все, что проходитъ замѣчательнаго предъ ихъ глазами. Нѣтъ сомнѣнія насчетъ скораго и блистательнаго преобразованія молодыхъ горцевъ: въ этомъ убѣждаютъ меня и сдержанныя, но многозначительныя рѣчи Газі-Магомета, въ которыхъ выражается весь пылъ, вся заду-

шевность стремленія горца къ достиженію предположенной цѣли; убѣждаетъ меня и удовольствіе, съ которымъ вглядывается Магометъ-Шефѣй въ уланскій мундиръ г. Ц*, служившаго въ одномъ полку съ покойнымъ его братомъ Джемалалдиномъ: Магометъ-Шефѣй находитъ, что онъ *долженъ* носить его и по наслѣдству отъ брата и потому, что самый мундиръ почему-то ему очень нравится. Наконецъ, не убѣдятъ ли каждаго ниже-слѣдующія слова мюрида Хаджіо, этой, по выраженію обоихъ братьевъ, «половины Газі-Магомета и половины Магомета-Шефѣй»: въ одномъ интересномъ разговорѣ, происходившемъ между мною и этими тремя горцами и касавшемся различныхъ постановленій Шампля, мюриду пришлось перечислять все, что было запрещено горцамъ и что дозволено. Оканчивая свой перечень, Хаджіо сдѣлалъ восклицаніе, сильно отзывавшееся грустью и досадою:

— Да что тутъ толковать: у насъ было запрещено все хорошее и не запрещено все дурное!...

Однако, я очень невѣжливо оставилъ пріѣзжихъ дамъ у подъѣзда нашего дома. Спѣшу къ нимъ возвратиться и только мимоходомъ упомяну, что домъ нашъ, по случаю чрезвычайно живописнаго мѣстоположенія, открывающагося изъ оконъ двухъ верхнихъ его этажей, названъ горцами очень характеристическимъ именемъ Ахульго.

Яркое освѣщеніе лѣстницъ, запахъ сожженного одеколона, красивый на дворѣ водоемъ, довольно обширный садъ и наконецъ безукоризненная голландская чистота вездѣ произвели на повопріѣзжихъ необыкновенное впечатлѣніе: входя поодиначкѣ въ домъ, всѣ женщины видимо были поражены тѣмъ, что имъ представлялось, и съ перваго же шага останавливались, какъ пораженные электричествомъ. Отрывистыя восклицанія: «Аллахъ, Аллахъ!» какъ нельзя яснѣе обнаруживали ихъ восторгъ и удивленіе, которые, въ свою очередь, служили порукою въ томъ, что ничего подобнаго не видали горняки во всю свою жизнь, да едва ли и воображеніе ихъ рисовало подобныя картины; а если случалось имъ когда нибудь объ этомъ слышать, то, безъ сомнѣнія, онѣ считали разсказицу (разсказниковъ онѣ не слушаютъ, потому что никогда ихъ не видятъ) безсовѣстною лгуньею или, по меньшей мѣрѣ, отличною сказочницею.

Обаяніе, дѣйствию котораго подчинились наши гости, продолжалось не менѣе трехъ минутъ. Замѣтно было, что имъ очень

хотѣлось освободиться отъ него, «осмотрѣться» и ужь потомъ идти въ дальнѣйшій путь; но это имъ не удалось, и онѣ начали всходить по лѣстницѣ, опутивъ безсознательно головы внизъ и видимо находясь подъ вліяніемъ своего перваго впечатлѣнія. Любопытно было бы знать, о чемъ онѣ въ то время думали. Какія идеи переваривались въ хорошенькихъ головкахъ молодыхъ женщинъ и въ растрепанныхъ, чурбановидныхъ головахъ старухъ-каравашей ⁽¹⁾? Расчитывали ль онѣ закончить свое путешествіе магометовымъ раемъ и его утѣхами, или утѣшала ихъ болѣе скромная надежда, что обычная гнусность ихъ затворничества авось либо облегчится и усладится въ этомъ, столь пріятномъ на взглядъ, жилищѣ? Богъ знаетъ! За одно только можно поручиться, что какъ у молодыхъ женщинъ, такъ и у старухъ воображеніе рисовало картины одинаковаго содержанія, потому что болѣе, нежели монастырскій образъ жизни и состояніе невольничества, въ которомъ находятся всѣ мусульманскія женщины вообще, а кавказскія мусульманки въ особенности, даетъ фантазіи ихъ направленіе одностороннее, исполненное одной лишь чувственности; а это послѣднее условіе притупляетъ, какъ извѣстно, умственные способности и очень рано лишаетъ ихъ свойственной имъ игривости, разнообразія.

Дальнѣйшія приключенія моихъ дамъ, въ продолженіе оставшаго времени этого дня, мнѣ лично не извѣстны; но спросимъ то у мюрида Хаджіо, который, безъ сомнѣнія, знаетъ это дѣло гораздо лучше и подробнѣе, нежели я.

— Ну, чтѣ, Хаджіо: вотъ, кюльфать ⁽²⁾ намѣ и пріѣхало!

— Валла ⁽³⁾ пріѣхало! Тамаша ⁽⁴⁾!!...

Мюридъ находился подъ вліяніемъ восторга, возбужденнаго въ немъ свиданіемъ съ сыновьями Шамиля; поэтому все казалось ему удивительнымъ, все было въ розовомъ свѣтѣ.

— Чтѣ жь тутъ удивительнаго: больше ничего, какъ ѣхало-ѣхало, накопецъ и пріѣхало.

— Шамиль никакъ не думалъ, чтобы пріѣхало.

— Вотъ это хорошо! А сколько разъ я читалъ ему бумаги, въ которыхъ было написано, что семейство его готовится къ отъѣзду, что оно выѣхало изъ Шуры, что оно ужь ѣдетъ?

⁽¹⁾ Каравашъ — служанка.

⁽²⁾ Семейство.

⁽³⁾ Ей-Богу.

⁽⁴⁾ Удивительно.

— Это правда; только ему все не вѣрилось.

— Вѣрно, оттого, что крѣпко хотѣлось увидѣться?

— Отъ этого самаго.

— То-то, я думаю, теперь онъ обрадовался.

Мюридъ молчалъ.

— Расскажи, пожалуйста, какая была встрѣча.

— А встрѣча была вотъ какая: когда женщины вышли изъ экипажей, мы пошли вслѣдъ за ними въ домъ; онѣ отправились на самый верхъ, а мы завернули въ ту комнату, гдѣ Шамиль гостей принимаетъ. Тамъ ужъ онъ сидѣлъ на диванѣ, перебиралъ въ рукахъ четки и дожидался пріѣзжихъ. Увидѣвши ихъ, онъ сказалъ: «хоть гляды!» Тогда Гази-Магометъ подошелъ къ нему и поцѣловалъ его руку, а за нимъ сдѣлали то же всѣ остальные мужчины, и стали послѣ этого вокругъ Шамиля. Шамиль спросилъ, какъ была дорога, благополучно ли пріѣхали. Ему отвѣчали, что дорога была скверная, а пріѣхали благополучно. Тогда онъ велѣлъ мнѣ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ. Мы сдѣлали намазъ и пошли въ кунацкую чай пить, а онъ пошелъ наверхъ къ женамъ. Вотъ и все.

— Какъ, только-то!... А жены, а дочери? Какъ ихъ встрѣтилъ Шамиль?

— А я почему знаю! У насъ женщины не показываются при мужчинахъ.

— Ну, скажи, по крайней мѣрѣ, какъ бы ты принялъ свою Фатимату.... Вотъ теперь, напримѣръ, ты скоро поѣдешь на Кавказъ и увидишь ее: какъ же ты съ нею встрѣтишься?

— Я-то встрѣчусь просто: увижу ее и поцѣлую....

— Одинъ разъ?

— О, нѣтъ: много разъ буду цѣловать, и говорить съ нею буду много.

— Значить, и Шамиль также встрѣтилъ своихъ женъ?

— Должно быть, также; только, прежде, чѣмъ поцѣловать, я думаю, онъ велѣлъ имъ намазъ сдѣлать, чтобы кстати и самому помолиться.

— Ну, а какъ тебѣ кажется: со всѣми женщинами увидѣлся онъ въ одно время или сперва съ женами, а послѣ съ дочерьми?

— Нѣтъ: я думаю, онъ и женъ своихъ увидѣлъ порознь: Магометъ-Шеффи показалъ имъ комнаты — онѣ и дожидались каждая на своей половинѣ.... Я былъ тамъ часа ужъ черезъ два

послѣ ихъ прїѣзда: въ это время, къ Шамилю пришли поздороваться старшія дочери.

— Какже онъ съ ними поздоровался?

— А такъ, что когда онѣ вошли въ кабинетъ, Шамиль сперва спросилъ ихъ: «это ты, Нѣфиссатъ? это ты, Фѣтимматъ?...»

— Зачѣмъ же онъ спрашивалъ? Развѣ онѣ такъ переѣзжались, что Шамиль не узналъ ихъ?

— Да какже онъ ихъ узнаетъ подъ покрывалами!

— Какъ, передъ отцомъ, да подъ покрывалами!

— Да вѣдь онѣ замужнія, а, кромѣ того, и я тутъ былъ. Впрочемъ, теперь и Нѣджаватъ стала носить покрывало.

— Эта маленькая дѣвочка?

— Какая она маленькая: ей двѣнадцать лѣтъ; а у насъ иногда закрываются и десятилѣтнія дѣвочки (*).

— Неужели онѣ и передъ отцомъ закрываются?

— Нѣджаватъ передъ отцомъ всегда закрывается; а въ иныхъ этого нѣтъ.

— Какже отецъ встрѣтилъ Нѣфиссатъ и Фѣтимматъ: расцѣловалъ ихъ, я думаю?

— Какъ это можно! Еслибъ и меня не было, такъ онѣ только руку бы у него поцѣловали; а теперь онъ просто спросилъ объ ихъ здоровьи и велѣлъ чаще молиться Богу: больше ничего. Послѣ этого онѣ и вышли.

— Скучно же, братъ, у васъ встрѣчаются: не стоитъ послѣ того и встрѣчаться... Какъ ты думаешь?

— Да я ужъ сказалъ, что у насъ запрещено все хорошее, а позволено только то, что дурно.

— Ну, съ этимъ-то я не вполне согласенъ: кажется, и у васъ есть кой-чего хорошаго.

Мюридъ цокнулъ.

— Іохъ! сказалъ онъ съ видомъ глубокаго убѣжденія:—зѣта іохтуръ (**).

Нѣсколько дней спустя послѣ событія, увеличившаго народонаселеніе Калуги, я началъ понемногу собирать свѣдѣнія, касающіяся прїѣзжихъ дамъ. Свѣдѣнія эти добывались мною такимъ образомъ, что о женѣ Абдуррахима, напримѣръ, я дол-

(*) Это зависитъ отъ физическаго развитія.

(**) Нѣтъ! ничего нѣту!...

женѣ былъ спрашивать у Абдурахмана, о женѣ Абдурахмана у братьевъ ея, и т. д. Наконецъ, о женахъ Шампиля я получилъ свѣдѣнія отъ всѣхъ мужчинъ. Самъ же Шампиль сообщилъ мнѣ давнія о возрастѣ каждой женщины и о значеніи ихъ именъ. Попробовалъ было я, забывши условія горскаго этикета, спросить о женѣ у самого мужа. Этотъ казусъ достался на долю Абдурахмана.

— А что, Абдурахманъ, сказалъ я ему однажды, распивая вдвоемъ съ нимъ чай: — должно быть, ты крѣпко любишь свою Нѣфиссатъ: она такая молоденькая, хорошенькая и, какъ говорятъ, такая добрая?

— А ты, вѣрно, слышалъ о ней что нибудь? ты, вѣрно, слышалъ, что я дурно съ нею живу?.. Скажи, отъ кого ты это слышалъ? кто тебѣ это говорилъ? Я...

И глаза Абдурахмана наливались кровью.

— Богъ съ тобою, джанымъ! Я только слышалъ, что она молода, хороша и добра, поэтому былъ увѣренъ, что такой умный молодецъ, какъ ты, не можетъ не любить эдакой славной жены.

Абдурахманъ успокоился, а я давалъ въ душѣ заклятіе не дѣлать мужу вопросовъ о его женѣ.

Вообще же, кромѣ нарушенія этикета, вопросы эти непременно возбуждаютъ въ недовѣрчивомъ горцѣ какое либо подозрѣніе. Въ сыновьяхъ Шампиля эта струна звучитъ несравненно тише: не совсѣмъ еще освободившись (и очень понятно) изъ-подъ вліянія условій прежней жизни и обычаевъ своей родины, они, при подобномъ вопросѣ, сначала какъ будто нѣсколько конфузились, но тотчасъ же приходили въ нормальное состояніе и говорили со мною о своихъ женахъ довольно свободно; а Газі-Магометъ даже увлекся однажды до того, что говорилъ о Керематъ и о своихъ чувствахъ къ ней съ большимъ одушевленіемъ. Въ его сѣтованіяхъ на разлуку съ нею слышалось такъ много грусти и такъ много страсти, несмотря на то, что онъ женатъ уже девять лѣтъ. А кто изъ нашихъ мужей, черезъ девять лѣтъ женитьбы, сохранить, въ отношеніи своей супруги, весь пылъ, всю нѣжность чувства женпха? Вотъ вамъ и дикая необузданность горскихъ нравовъ!

Приступая къ изложенію свѣдѣній о «нашихъ» дамахъ, я начну со старшей — Зейдатъ. Настоящее ея имя Залидатъ —

отшельница благочестивая; въ разговорѣ же, для краткости, ее зовутъ Зейдѣтъ. Теперь ей тридцать лѣтъ. По словамъ мюрида Хаджіо, съ поручительствомъ Газі-Магомета, Зейдѣтъ «очень, очень умна». Она въ совершенствѣ знаетъ всѣ требованія горскаго этикета, и если могли существовать въ горахъ первыя дамы — званіе, которое, какъ извѣстно, пріобрѣтается *не умомъ и красотою*, а должностію мужа и собственнымъ умѣньемъ держать себя съ особеннымъ шикомъ, то, по всей справедливости, Зейдѣтъ была первою дамою Чечни и Дагестана. Она была бы даже законодательницею дамскихъ модъ, еслибъ всѣ потребности горскихъ щеголихъ не ограничивались обшивкою нижняго края шальваръ тѣмъ или другимъ галуномъ да прибавленіемъ или убавленіемъ количества русскихъ монетъ въ ожерельѣ, составляющемъ для горскихъ женщинъ лучшее украшеніе. Все остальное въ ихъ костюмѣ не пзмѣнялся, я думаю, со временъ Аѣши, Кадіджи, Маріамъ и прочихъ женъ и любимицъ Магомета-Пегомбара (*).

Основательное познаніе требованій корана относительно женщинъ, фанатическая сосредоточенность въ исполненіи ихъ, наконецъ дѣлательное и вполне успѣшное изученіе характера своего мужа, соображаясь съ которымъ она рассчитывала всѣ свои поступки, доставили ей то вліяніе, которое, незамѣтно для посторонняго глаза, скрывалось въ основаніи многихъ рѣшеній по дѣламъ немирнаго края, иногда по дѣламъ первой важности. Въ какой степени благотѣльно или тлетворно было это вліяніе, я до времени сказать не могу, по неимѣнію кой-какихъ данныхъ, способныхъ сдѣлать мои показанія положительно вѣрными. Что касается до наружности Зейдѣтъ, то, по словамъ знакомыхъ мнѣ дамъ, она нехороша и непріятна. Этотъ отзывъ, кажется, совершенно одинаковъ съ отзывомъ плѣнныхъ киягинъ. Теперь обращаюсь къ Шуанинѣтъ.

О ней, такъ же, какъ и о всѣхъ почти членахъ семейства Шамилля, сказано въ книгѣ г. Вердеревскаго такъ подробно, что къ этимъ подробностямъ мнѣ остается прибавить очень немного. Къ тому же, знакомство мое съ ними ведется при посредствѣ

(*) *Пегомбаръ* — пророкъ. Горцы (да, я думаю, и всѣ прочіе мусульмане), говоря о своемъ пророкѣ, всегда прибавляютъ къ имени Магометъ слово *Пегомбаръ*, для отличія его отъ всѣхъ другихъ Магометовъ, прежде жившихъ и нынѣ живущихъ на землѣ.

третьихъ лицъ; а это условіе слишкомъ неблагопріятно для того, чтобы сдѣлать мои показанія сколько нибудь интересными. Впрочемъ, за время трехнедѣльнаго отсутствія Шампля изъ Калуги, когда онъ ѣздилъ въ Москву, чтобы представиться фельд-маршалу князю Барятинскому, сношенія мои съ затворниками были необыкновенно живы, и случалось иногда, что вопросы, просьбы и требованія различнаго рода совѣтовъ, даже по части дамскаго туалета, адресовались ко мнѣ по нѣскольку разъ въ день. Это обстоятельство сблизило меня съ ними на столько, что я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о характеристикѣ большей части моихъ сосѣдокъ, не ручаясь, впрочемъ, за непогрѣшимость моего заключенія.

Основываясь на этихъ данныхъ, а также на показаніяхъ моихъ всегдашнихъ собесѣдниковъ, я составилъ о Шуанпѣтъ слѣдующее немногосложное понятіе: эта женщина сосредоточиваетъ всѣ свои интересы въ одномъ Шамплѣ и затѣмъ уже не интересуется ничѣмъ остальнымъ въ мірѣ, за исключеніемъ развѣ своей дочери да желанія угодить Зейдѣтъ, чтобы легче было жить на свѣтѣ. Справедливость требуетъ упомянуть еще о нѣкоторомъ стремленіи съ ея стороны не отставать ни въ чемъ отъ своей соперницы по брачному ложу, напримѣръ: имѣть такой же, какъ у нея, браслетъ, ахалукъ и тому подобное; и надо признать, что эти мелочи, составляя характеристику всѣхъ женщинъ вообще, въ Шуанпѣтъ проявляются совсѣмъ инымъ образомъ, что сообщаетъ ей личности особый колоритъ, который довольно рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ женщинъ. Эта особенность заключается въ желаніи имѣть то же самое, что имѣетъ Зейдѣтъ, по никакъ не лучше, не дороже. Чему это приписать? Смиренію ли, которое опасается раздражить сплнную соперницу и тѣмъ навлечь лишнее зло на свою голову, или же это своего рода кокетство, скрывающее подъ наружною незлобивостію бойкую увѣренность, что она опередитъ Зейдѣтъ всегда, если шансы ихъ будутъ совершенно одинаковы, и, напротивъ того, спасуетъ передъ нею тотчасъ, какъ только между ними будетъ малѣйшее различіе, хотя бы не въ пользу соперницы?... Шуанпѣтъ — женщина, и потому я позволяю себѣ отнести ея нежеланіе лучшаго къ послѣдней причинѣ.

Довольно хорошо также характеризуется личность Шуанпѣтъ и письмомъ ея къ родственникамъ, въ отвѣтъ на ихъ предложеніе чѣмъ нибудь услужить ей. Вотъ это письмо:

«Любезный братецъ!

«Считаю пріятною обязанностію благодарить васъ и всѣхъ моихъ добрыхъ родныхъ за радушное гостепріимство и родственныя ласки, которыя вы оказали мнѣ въ бытность мою въ Моздокѣ. Шамиль, мужъ мой, тоже отъ всей души благодаритъ васъ за это, и вмѣстѣ со мною свидѣтельствуетъ свое почтеніе вамъ и всѣмъ нашимъ роднымъ. Благодаримъ также васъ и за родственное ваше письмо и за выраженное въ немъ предложеніе услугъ. Великій Государь такъ щедро и такъ прекрасно устроилъ нашу жизнь, что мы терпимъ недостатокъ только въ одномъ предметѣ: въ невозможности достаточно выразить Ему нашу признательность и представить доказательства искренности чувствъ, которыя мы къ нему питаемъ.

«Зная ваше родственное къ намъ расположеніе, я увѣрена, что для васъ интересно будетъ знать объ окончаніи нашего долгаго путешествія и нѣкоторыхъ подробностяхъ жизни нашей въ Калугѣ. Поэтому я съ удовольствіемъ увѣдомляю васъ, что какъ я съ дочерью, такъ и всѣ остальные члены нашего семейства прибыли въ Калугу въ добромъ здоровьи и нашли нашего ямама господина тоже здоровымъ и покойнымъ.

«По милости великаго Государя, мы живемъ въ очень большомъ домѣ просторно, удобно и пріятно: у насъ есть хорошій садъ и есть все, что нужно для покойной и счастливой жизни. Кромѣ того, благодаря Бога, никто изъ насъ и даже нашихъ дѣтей не былъ до сихъ поръ боленъ. Хотя это слѣдуетъ приписать хорошему климату Калуги, очень похожему на климатъ страны, въ которой мы жили прежде, но главный виновникъ нашего благополучія—великій Государь, который такъ хорошо насъ устроилъ. Одно, чѣмъ можемъ мы достойно возблагодарить Его—это молитвою къ Богу о ниспосланіи Ему всѣхъ радостей земныхъ и спокойствія душевнаго. Молитесь за Него такъ же горячо и искренно, какъ молимся мы, и вы окажете намъ услугу, единственную, какую только мы можемъ отъ васъ принять и за которую душевно будемъ вамъ благодарны. Имамъ мужъ мой и я отъ души желаемъ вамъ всего того, чего вы сами себя желаете, и просимъ вѣрить нашему дружески родственному расположенію къ вамъ и ко всѣмъ общимъ нашимъ роднымъ.

«Нуждающаяся въ милости Божіей Шуанпѣтъ, жена бѣднаго странника Шамуля.»

Письмо Шуаннать достаточно знакомить насъ съ личностію этой женщины. Остается объяснить значеніе ея имени. Сначала я думалъ, не есть ли это синонимъ Анны, имени, которое послала Шуаннать въ дѣтствѣ, бывши христіанкою. Но на дняхъ я получилъ отъ нея самой объясненіе, что, во первыхъ, слово это значенія никакого не имѣетъ; а во вторыхъ, что, когда наступило время дать ей имя, Шампиль обложился своими книгами и, розыскавъ въ нихъ дѣянія одной очень богоугодной женщины Шуаннать, далъ это имя своей любимой женѣ, въ чаяніи сдѣлать и изъ нея такую же благочестивую женщину, какою была и та.

Переходя къ младшимъ представителямъ прекраснаго пола въ семействѣ Шампиля, я очень желалъ бы начать свою рѣчь съ «кавказской розы», съ Кéремаъ, интересъ къ которой возбуждали во мнѣ восторженные похвалы мюрида Хаджіо и глубокое идеальное чувство любви къ ней Газі-Магомета. Къ сожалѣнію, я долженъ отложить это удовольствіе на нѣсколько времени.

Жена Магомета—Шеффі, восемнадцатилѣтняя Амминать (*)—дочь бывшаго чохскаго наиба Эньккау-Хаджіо (**), человека, извѣстнаго во всемъ Дагестанѣ по своему богатству и по особенному уваженію, которымъ онъ пользуется въ народѣ. Замужество Амминать могло бы послужить канвою для очень интереснаго и, притомъ, очень длиннаго романа изъ кавказскихъ нравовъ; но на этотъ разъ дѣло обойдется краткимъ описаніемъ одного небольшого приключенія съ Магометомъ—Шеффі.

Года четыре тому назадъ, былъ онъ въ Чохѣ (***) и зашелъ однажды, по какой-то надобности, къ будущему своему тестю. Разговаривая съ Магометомъ Шеффі, Эньккау-Хаджіо вдругъ кликнувъ свою дочь, бывшую въ сосѣдней комнатѣ. Веселая Амминать, очень вѣрно соображавшая, что Шампиль, этотъ грозный врагъ всякаго веселья и вѣхъ, кто въ такое трудное время веселится, теперь далеко отъ Чоха и не услышитъ ея про-

(*) Амминать — внушающая довѣріе, вѣрила.

(**) Эньккау — глухой; Хаджіо — собственное имя.

(***) Чохъ — большой и сильно укрѣпленный природою аулъ въ Дагестанѣ. Кроме своей военной извѣстности, онъ пользуется репутаціею самаго торговаго пункта во всемъ покоренномъ краѣ, гдѣ, по сознанію самого Шампиля, вмѣсто торговли существовала какая-то страшная пародія на нее.

казъ, беззаботно распѣвала себѣ пѣсенки, совсѣмъ не подозрѣвая того, что сынъ этого врага сидитъ въ двухъ шагахъ отъ нея. Услышавъ зовъ отца и думая, что онъ одинъ, Аминнатъ выбѣжала къ нему, по всегдашнему обыкновению, безъ чадры, и въ ту же минуту почти столкнулась лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ ей, но очень красивымъ молодымъ человѣкомъ. Она вскрикнула, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты, при громкомъ смѣхѣ добряка-отца, который отъ всей души забавлялся тѣмъ, что ему удалось сыграть двѣ штуки въ одинъ пріемъ, такъ какъ и Магометъ-Шефѣй при взглядѣ на Аминнатъ, тоже сконфузился, — неизвѣстно только, отъ какихъ причинъ: отъ ужаса или отъ удовольствія.

Былъ ли въ этомъ пріемѣ какойнибудь умыселъ, или, говоря прямо, рассчитывалъ ли старый Эньккау породниться, на всякій случай, съ повелителемъ страны, гдѣ ничего не было вѣрнаго и ни за что нельзя было поручиться, объ этомъ исторія умалчиваетъ; вѣрно только то, что чрезъ самое короткое время шутка Эньккау разыгралась свадьбой его дочери съ Магометомъ-Шефѣй.

Теперь Аминнатъ совершенно счастлива. Она любитъ и любима: чего жъ больше! Всякому человѣку было бы лестно закончить свой романъ на этой страницѣ...

Но вотъ еще любовь.... Любовнику—мужу семнадцать лѣтъ, любовницѣ—женѣ пятнадцать лѣтъ, и они уже три года, какъ женаты. Если вы думаете, что имъ не мѣшало бы прослушать нѣсколько лекцій о любви, то вы ошибаетесь: они могутъ дать нѣсколько уроковъ намъ съ вами. Въ доказательство этого, привожу разговоръ, который неоднократно приходилось мнѣ заводить съ любовникомъ, болтающимъ по русски довольно понятно.

— Чтò это, братъ Абдурахимъ, съ тобою: съ кошками ты дрался, что ли?

— Юхъ; бу, мепымъ Патимматъ (*): булай-булай, булай-булай... (**)

(*) Въ произношеніи собственныхъ именъ, у горцевъ есть одна особенность: букву *ф* они обращаютъ въ *п*: Патимматъ, Написсатъ и проч.

(**) Пѣтъ, это моя Фатимматъ: вотъ такъ, вотъ такъ, вотъ такъ, вотъ

И, растопыривъ на рукахъ пальцы, Абдуррахимъ легонько водилъ погтями по расцарапаннымъ мѣстамъ своего лица.

— Вотъ какъ! А я думалъ, что ты это съ кошками... За чтó жъ она эдакъ отдѣлала тебя: должно быть, провинился въ чемънибудь?

— Юхъ: кирѣпка лубить мине.

— А! вотъ оно чтó!... Ну, а ты жъ ее любишь?

— Я ее лублю кирѣпка ужасна.

— Молодецъ! Какже ты ее любишь: вотъ эдакъ же, какъ и она?

— Юхъ! Я ее лублю булай-булай, булай-булай...

На этотъ разъ, въ его жестахъ не было ничего кошачьяго...

Наконецъ, вотъ еще Нафиссатъ (прекрасная), старшая дочь Шамиля, и жена Абдуррахмана, который спрашивалъ меня, отъ кого я слышалъ, что онъ неладно съ женою живетъ. Нафиссатъ и Фатимматъ (*), вмѣстѣ съ Газі-Магометомъ и Магометомъ-Шеффи, родились отъ одной матери, умершей вскорѣ послѣ сухарной экспедиціи 1845 года. Исторія замужства этихъ молодыхъ женщинъ чуть ли не имѣетъ связи съ исторіею послѣднихъ событій въ Дагестанѣ. Но прежде, чѣмъ объяснить это, слѣдуетъ сказать, что дочери Шамиля находятся въ замужствѣ за двумя родными братьями жены его Зейдѣтъ.

Женитьба Газі-Магомета, а также и Магомета-Шеффи, хотя имѣла въ своемъ основаніи чувство нѣжное, но окончательно устроилась только вслѣдствіе соображеній, по которымъ разсудокъ вполне одобрилъ выборъ сердца. Сознавая необходимость утвердить на болѣе прочныхъ основаніяхъ вліяніе своего отца въ немирномъ краѣ, а кстаті упрочить въ будущемъ и собственное свое значеніе, сыновья Шамиля думали достигнуть этого посредствомъ брачныхъ союзовъ. Въ такихъ мысляхъ, женившись на дочеряхъ людей самыхъ значительныхъ по богатству и по вліянію въ народѣ, они предполагали устроить такимъ же образомъ замужство и сестеръ.

Первоначально они имѣли въ этомъ полный успѣхъ: Шамиль обѣщалъ выдать обѣихъ дочерей за двухъ сыновей извѣстнаго намба Кибитъ-Магома, а впослѣдствіи, по взаимному съ нимъ соглашенію, онъ оставилъ свое слово за одною только дочерью, а другую обѣщалъ сыну уважаемаго въ Дагестанѣ намба

(*) Фатимматъ — отторгнутая отъ материнской груди.

Албазъ-Дебира. Но вслѣдъ затѣмъ, по поводу происшедшихъ между всѣми этими лицами несогласій, а въ особенности вслѣдствіе настояній Зейдѣтъ, желавшей имѣть всегда подлѣ себя надежную поддержку, Шамиль отказалъ Кибитъ-Магома и Албазъ-Дебиду и выдалъ Нѣфиссатъ и Фѣтимматъ за двухъ сыновей своего же собственнаго тестя Джемалалдина: Абдуррахмана и Абдуррахима. Рѣшеніе это изумило всѣхъ и возбудило негодованіе общее и одинаковое какъ въ семействѣ Шаміля, такъ и въ народѣ. Въ одномъ мѣстѣ, его порицали за явную неразсчитливость, которая отпечатывалась и на безцвѣтной личности новыхъ родственниковъ и на отсутствіи малѣйшей къ нимъ симпатіи въ ихъ молодыхъ женахъ. Съ другой стороны, не знали, что подумать о томъ человѣкѣ, который единственно желѣзною волею и непоколебимостію въ своихъ рѣшеніяхъ, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, навелъ ужасъ на всю страну и держалъ въ повиновеніи народъ, признававшій надъ собою одинъ только законъ — своеволие. Независимо того, оскорбленные набы поклялись отмстить свою обиду и, во время послѣднихъ событій на Кавказѣ, честно сдержали эту клятву.

Всѣ эти обстоятельства сложились для семейной жизни молодыхъ женщинъ во что-то цѣлое, грустное, безвыходное.

Мнѣ остается упомянуть еще о трехъ дочеряхъ Шаміля: Нѣджаватъ, Софіятъ и Баху-Меседу. Но двѣ послѣднія такъ малы, что еще не представляютъ особаго интереса, а потому скажу нѣсколько словъ о Нѣджаватъ (*).

Эта будущая красавица очень несчастлива: ноги ея, вслѣдствіе паденія и ушиба въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, вывернуты носками въ средину, такъ что пальцы обѣихъ ногъ, при ходибѣ, сходятся другъ съ другомъ и очень ее затрудняютъ, заставляя ноги переплетаться между собою, что составляетъ очень странную походку. Но Нѣджаватъ уже привыкла къ этому и ходитъ довольно скоро, только не можетъ стоять не опираясь на что нибудь. По словамъ Газі-Магомета, въ бытность ихъ въ Теміръ-Ханъ-Шурѣ, два медика вызывались пособить Нѣджаватъ, посредствомъ операціи но, осмотрѣвъ ея ноги, положительно отказались. Недавно Шамиль снова возбудилъ этотъ вопросъ и выразилъ желаніе отдать все и самого себя на придачу, чтобы только возвратитъ своей дочери здоровье.

(*) *Нѣджаватъ* — доблесть, добродѣтель. *Софіятъ* — чистота.

— Не можешь ли ты ей помочь? спросилъ онъ меня.

— Развѣ тѣмъ только, чтобы написать къ тому, кто можетъ ей помочь. Но для этого нужно осмотрѣть ноги, чтобы опредѣлить состояніе ихъ.

Тотчасъ же позвали Нѣджаватъ, которая явилась къ намъ, по обыкновенію, подъ чадрой. Поправляя ей шальвары, Шамиль сказалъ:

— Пусть ее изрѣжутъ всю, только чтобы исправили ноги.

— А ты, позволишь ли себя рѣзать, Нѣджаватъ? спросилъ я у неѣ: — вѣдь больно будетъ.

— Отецъ приказалъ, значить не будетъ больно, коротко отвѣчала она.

«Да это мюридъ подъ чадрой!» подумая я, принимаясь осматривать ея ноги.

Нѣджаватъ ходить на оконечностяхъ берцовыхъ костей, заросшихъ довольно толстымъ слоемъ мяса. Пятки ногъ не участвуютъ въ процессѣ ходьбы: онѣ тоже вывернуты и только волочатся вслѣдъ за ногами. Берцовыя кости обтянуты довольно грубой кожей, безъ малѣйшихъ признаковъ существованія икорь, такъ что нога кажется высохшею; но это не должно быть такъ, потому что объемъ костей имѣетъ нормальные размѣры.

Бѣдная дѣвочка хорошо понимаетъ свое несчастіе: печальныя его послѣдствія уже довольно живо представляются ея воображенію въ перспективѣ недалекаго будущаго. Это будущее—замужество горской дѣвушки, которая имѣетъ какой нибудь физическій недостатокъ: обыкновенно, она выходитъ или за молодого дурака, или за какую нибудь старую кислятину, который обрадовался бы еще болѣе, еслибъ его жена была со всѣмъ безъ ногъ.

Выходя изъ комнаты, бѣдная Нѣджаватъ говорила мнѣ сквозь слезы: «пожалуйста, нельзя ли помочь? пусть совсѣмъ изрѣжутъ мои ноги, только чтобы этого не было!...» Бѣдная, бѣдная дѣвочка! какъ я тебѣ помогу?

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ пріѣзда семейства Шамиля, домъ нашъ представлялъ собою, въ нѣкоторомъ родѣ, хаосъ: не привыкшіе къ европейскому образу жизни, горцы долго не могли помириться съ условіями нашихъ жилищъ и съ требованіями нашего климата. Сколько мебели переломано ради

испытанія ея прочности и примѣненія къ такому дѣлу, на которое она совсѣмъ не годится! Сколько разнаго рода простудъ и лихорадокъ приобрѣтено въ самое короткое время, и сколько сдѣлано другихъ промаховъ, измѣнившихъ прежній заманчивый видъ комнатъ, а главное — повредившихъ здоровью новопріѣзжихъ!... Наконецъ мало по малу все пришло въ должный порядокъ, и мы, какъ представителю нашихъ обычаевъ въ этомъ возрожденномъ Ахульго, торжественно было объявлено: что сизинъ низамъ-валла когъ яхшідръ»—вашъ порядокъ, ей Богу, очень хорошъ: мы будемъ жить по вашимъ обычаяхъ....

Замѣтивъ, что въ домѣ все устроилось и всѣ пріѣзжіе осмотрѣлись въ своей новой жизни, Шамиль тотчасъ же приступилъ къ исполненію обѣщанія, данного имъ калужскимъ дамамъ еще въ первое время пребыванія нашего въ Калугѣ: познакомить ихъ съ своими женами и дочерьми. И вотъ начались визиты.

Въ одинъ изъ визитныхъ дней, провожая пріѣхавшихъ дамъ по лѣстницѣ въ бель-этажъ, гдѣ устроена пріемная, я увидѣлъ обѣихъ женъ Шамиля, спускавшихся туда же изъ своихъ комнатъ въ третьемъ этажѣ и шедшихъ, такимъ образомъ, прямо къ намъ навстрѣчу. Лѣстница, по которой онѣ спускались, очень узка и едва достаточна для движенія одного человѣка, да и то отнюдь не толстаго; слѣдовательно, еслибъ имъ вздумалось, для избѣжанія предстоявшей встрѣчи, возвратиться назадъ, то не иначе могли бы онѣ это сдѣлать, какъ подражая походкѣ рака, котораго Шамиль такъ не любитъ, при чемъ лица ихъ все-таки были бы намъ видны. Столь тѣсныя обстоятельства побудили женъ Шамиля продолжать свой путь, очень храбро откинувъ назадъ покрывала, потому что, въ противномъ случаѣ, онѣ подвергались явной опасности упасть съ лѣстницы, имѣвшей всѣ нужныя для того условія.

Тѣмъ не менѣе, эта вынужденная храбрость должна была уступить передъ непріателемъ болѣе сильнымъ—передъ необходимою скрыть свои лица отъ приближавшагося мужчины, къ тому же и гура. Для этого, жены Шамиля съ усиленнымъ напряженіемъ опустили головы внизъ и, продолжая, такимъ образомъ, свое шествіе, открыли другой стратегическій пунктъ — свои костюмы, которые можно было разсмотрѣть во всей подробности.

И точно, было чему подивиться: не только пышный кринолинъ, но и ни одна самая простая юбка не украшала бѣдныхъ дикарокъ и не возвышала собою прелестей, дарованныхъ имъ природою. Ахалукъ, сорочка и шальвары—вотъ все, что облакало ихъ брешное тѣло и что постоянно должно служить для нихъ всеоружіемъ. Плохія средства, и трудно съ ними одержать побѣду надъ столь сильнымъ и коварнымъ врагомъ, какъ мужчина! Впрочемъ, каковъ и мужчина; горцы, напримѣръ, до сихъ поръ не могутъ сообразить значенія и достоинства кринолиновъ. Съ любопытствомъ разсматривая тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ болѣе обширные размѣры, они простоудушно спрашиваютъ меня: «неужли *этой* дама такой»? и когда получали отрицательный отвѣтъ, то съ прежнею наивностію спрашивали: «а когда *онъ* помретъ, то надѣнетъ ли *это*, чтобы явиться къ Богу?» Я отвѣчалъ, что въ такомъ только случаѣ надѣнетъ, если мы надѣнемъ наши кинжалы, пистолеты и проч. На возраженіе ихъ, что это вѣдь оружіе, я снова отвѣчалъ, что и *это*, въ своемъ родѣ, оружіе, иногда болѣе даже губительное, нежели все холодное и огнестрѣльное. На этомъ и заканчивались подобные разговоры. Горцы видимо оставались не довольны мною за послѣднее сравненіе: кинжалъ и кринолинъ! кринолинъ и пистолетъ! ничего нѣтъ общаго!...

Кромѣ ахалука, сорочки и шальваръ, костюмъ горскихъ женщинъ дополняется большимъ платкомъ на головѣ и красивыми (изъ краснаго сафьяна) чевьяками (черёкъ) на ногахъ, до того маленькихъ и стройныхъ, что, мнѣ кажется, ихъ слѣдуетъ причислить къ разряду произведеній природы исключительно кавказской. Къ сожалѣнію, сверхъ чевякъ, надѣваются еще особаго рода чоботы (башмакъ, нѣчто въ родѣ туфель), которые скрадываютъ ногу и безобразятъ самую походку. Эти чоботы очень коротки: едва достаютъ до середины пятки, и снабжены отъѣнно высокими и узкими каблуками, которые, будучи окованы желѣзными подковами, производятъ непомѣрно сильный стукъ. Обувь эта употребляется и мужчинами и женщинами только для ходьбы внѣ жилыхъ комнатъ; при входѣ же въ комнату, чоботы снимаются у порога всѣми, исключая людей, облеченныхъ въ очень высокій санъ. Такимъ образомъ, ихъ не снимаютъ Шамиль и его жены; остальные снимаютъ всѣ.

Костюмъ дамъ, переселившихся изъ Гунпба въ Калугу, давно и хорошо мнѣ извѣстенъ: его носитъ весь мирной Кавказъ и всѣ кавказскія казачки, съ тою только разницею, что у мусульманокъ всѣ принадлежности костюма по большей части оборваны, засалены, грязны, у казачекъ же онѣ опрятны, а въ праздничные дни и щеголеваты; но за то въ нихъ есть маленькій недостатокъ: казачки не носятъ шальваръ, что, впрочемъ, отнюдь не портитъ ихъ костюма, а, напротивъ, дѣлаетъ его если не живописнѣе горскаго, то, по меньшей мѣрѣ, интереснѣе.

Соединеніе щегольства казачекъ съ полнотою костюма горянокъ составляетъ костюмъ женщинъ, принадлежащихъ къ семейству Шампль. Въ прежнее время, онѣ были роскошны: блестяли на немъ и драгоценныя каменья, много мѣста занимали и золотыя украшенія. Теперь ничего этого нѣтъ: все разграблено приверженцами эксъ-пмама, и лишь нѣсколько русскихъ золотыхъ монетъ въ ожерельяхъ говорятъ объ «удовольствіи», въ которомъ еще такъ недавно жили жены и дочери нашего плѣнника. Съ стоическимъ равнодушіемъ переносили онѣ свое несчастье, составляющее едва ли не самое большое несчастье въ жизни женщины, и, въ этомъ случаѣ, онѣ показали себя вполне достойными бывшего повелителя горъ, который, въ свою очередь, представляется мнѣ новымъ Цинциннатомъ, который, окончивъ военныя дѣла своей страны, удалился теперь на ферму.... молятся Богу и читать то, что «написано въ книгахъ».

Недолго, однако, продолжался этотъ стоицизмъ: въ тотъ самый визитный день, о которомъ я началъ было говорить, но, увлекшись костюмомъ горскихъ женщинъ, продолжалъ уже о немъ, — въ этотъ день дамы ахульгинскія замѣтили на нѣкоторыхъ калужскихъ дамахъ брилліанты: этого достаточно было, чтобы вслѣдъ затѣмъ я получалъ ежедневно извѣстія въ родѣ слѣдующаго:

— Шуанпѣтъ и Зейдѣтъ очень убиваются: все плачутъ, все плачутъ.

— О чемъ же онѣ плачутъ? спрашивалъ я.

— Брилліантовъ нѣтъ. Когда жили въ горахъ, у нихъ много было брилліантовъ; а потомъ онѣ лишились всего, и теперь только у Зейдѣтъ есть еще немножко: отъ плѣнныхъ княгинь осталось; а Шуанпѣтъ въ то время ничего не хотѣла брать, и теперь ей очень прискорбно.

— Отчего жъ это ей прискорбно: вѣрно, жалѣеть, что, въ то время, не взяла брилліантовъ?

— Нѣтъ, объ этомъ она не жалѣетъ: по ней хоть бы совсѣмъ ихъ не было; а прискорбно то, что Зейдаты надѣнетъ свои брилліанты и все ходитъ и все ходитъ передъ мужемъ, точно будто дѣло какое есть.... А Шуаннаты этого не осмѣливается сдѣлать, потому что у нея нѣтъ того, что есть у Зейдаты: вотъ она сидитъ и смотритъ на нее, а сама все плачетъ, все плачетъ.

По тщательномъ разслѣдованіи, оказалось, что Шуаннаты плачетъ совсѣмъ не о брилліантахъ, а о болѣзни своей дочери, возбуждающей опасенія относительно порчи глазъ и даже потери зрѣнія.

Обращаясь къ визитному дню, имѣвшему столь сильное вліяніе на участь женскихъ портретовъ.

По введенному Шампилемъ этикету, дамы принимаютъ его женами и дочерьми; самъ же онъ при этомъ не бываетъ, а дожидается въ кунацкой столько времени, сколько необходимо для первыхъ привѣтствій и взаимнаго обозрѣнія. Послѣ того, сопровождаемый сыновьями и переводчикомъ, онъ отправляется въ пріемную, приглашая съ собою и меня. Я, конечно, не позволяю себѣ отказаться отъ такого интереснаго дѣла. О нашемъ приходѣ предваряютъ дамъ заблаговременно. Тогда «наши» дамы опускаютъ свои чадры, роль которыхъ играютъ пестрые фулировые платки, подобранные подъ большой головной платокъ. Молоденькія же дамы, которыя иногда позабываютъ захватить съ собою фулиры, употребляютъ, въ этомъ случаѣ, подобно Вали-Кызъ, собственную руку, захватывая при этомъ пальцами отмѣнно длинный рукавъ сорочки, что, впрочемъ, выходитъ у нихъ довольно граціозно, хотя немного и странно (*).

(*) Этотъ способъ скрывать свое лицо отъ нечистаго взора мужчинъ принадлежитъ мнѣ одинъ изъ кавказскихъ анекдотовъ, который я потому рѣшаюсь привести здѣсь, что, по первымъ, онъ кавказскій, а во вторыхъ, нѣсколько характеризуетъ ближайшихъ сосѣдокъ джигинскихъ хозяекъ — греческихъ казачекъ.

«Въ 1842 году, князь *... проѣзжая по Кавказу, остановился на нѣкоторое время въ станицѣ Червленной, штабъ-квартирѣ извѣстнаго своимъ молодечествомъ Гребенскаго казачьяго полка. Должно быть, у храбрыхъ людей дѣти всегда выходятъ хорошіе: сыновья — молодцы-воины, а доче-

При появленіи Шамиля, дамы подъ чадрами встають, отдавая этимъ повелителю своему честь, которою горскія женщины обязаны каждому мужчине (конечно, горцу), во всякое время и на всякомъ мѣстѣ: стоя, сидя или путешествуя, не только по образу пѣшаго хожденія, но и въ экипажѣ (*). Это нѣсколько напо-

ри — красавицы. Такъ, по крайней мѣрѣ, идетъ ото дѣла въ Гребенскомъ полку, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ существуетъ, казаки его славятся своею храбростію, а гребенскіе казачки, и въ особенности червленскія, извѣстны своею красотою. Не знаю, до какой степени эта послѣдняя извѣстность распространена за предѣлами Кавказа; но въ предѣлахъ его красота червленскихъ казачекъ чуть ли не вошла въ пословицу. Слухъ о ней дошелъ и до князя, который до того былъ вѣдѣнъ заинтересованъ, что выразилъ желаніе лично удостовѣриться въ существованіи столь знаменательнаго факта. Тотчасъ же былъ устроенъ праздникъ, на который сошлись всѣ червленскія красавицы, окончательно убѣдившія князя въ справедливости того, что о нихъ говорили.

Проходя мимо многочисленныхъ хороводовъ, князь остановился возлѣ того, который, окончивъ свое занятіе—пѣсни, мимоходомъ сказать, крѣпко настроилъ, предавался кратковременному отдыху, разнообразя его щелканіемъ арбузныхъ сѣмечекъ, шелуха которыхъ, въ ставницахъ Гребенскаго полка, играетъ нѣкоторымъ образомъ роль булжника и торца. Въ этомъ хороводѣ, одна фізіономія показалась князю перломъ всего, что онъ до сихъ поръ видѣлъ. Дѣйствительно, лицо это было замѣчательной красоты, невольно возбуждавшей желаніе услышать голосъ обладательницы ея. Предметъ для разговора сыскать нетрудно: первое, что невольно бросается въ глаза, это—особенное однообразіе въ костюмѣ, которое не дѣлаетъ различія между замужнею женщиною и дѣвушкою. Эту самую тему избралъ князь, чтобы поговорить съ персоною, которая его такъ заинтересовала.

— Ты замужемъ, мнѣнькая? спросилъ онъ, подойдя къ красавицѣ и взявъ ее за подбородокъ.

Красавица стояла точно въ такой позѣ, въ которой нѣрѣдка встрѣчаютъ насъ, въ пріемной Шамиля, молодыя горянки (кромя Аминнаты). Щелкая сѣмечки, она очень ловко выплевывала изъ-за спустившагося рукава рубашки шелуху, повреждая попадавшую въ ту самую фізіономію, которой она желала выказать свое расположеніе.

Въ отвѣтъ на предложенный ей вопросъ, червленская роза ударила свою рукою по рукѣ княжеской и протяжно произнесла:

— А тебѣ на што, дья-а-волъ?...

Это убѣдило князя, что гребенскія казачки не только хороши, какъ женщины, но и храбры, какъ сами казаки.

(*) У горцевъ, только одинъ родъ экипажа—двухколесная арба, везомая двумя быками, никогда не подмazyваемая и потому нестерпимо скрипучая. Сидя въ этомъ «экипажѣ» и завидя мужчине, женщина должна встать и въ такомъ нарядѣ проѣхать мимо его. Та, которая этого не сдѣлаетъ, докажетъ, что не цѣтитъ о приличіяхъ ни малѣйшаго понятія, и вслѣдствіе того подвергается въ своей деревнѣ насмѣшкамъ и даже гоненію.

мипааетъ честь, которую отдають дѣвнцы кофейнаго класса, при встрѣчахъ съ *demoiselles blanches*.... Шамиль пріѣтствуетъ гостей, прикладывая руку къ сердцу, потомъ благодаритъ ихъ за вниманіе къ его семейству и извиняется за бѣдный пріемъ, въ духѣ его страны. Послѣ того онъ снова дѣлаетъ прежній жестъ и, пожелавъ своимъ гостямъ «веселиться», уходитъ изъ пріемной, оставляя дамъ на попеченіе хозлекъ, которыя и бесѣдуютъ съ ними при посредствѣ Шуаннагъ, объясняющей по русски, какъ говорить, довольно свободно.

Въ тотъ день, о которомъ идетъ моя рѣчь, Шамиль былъ веселъ и разговорчивъ болѣе, нежели когда нибудь, что, конечно, слѣдовало приписать удовольствію, которое онъ чувствовалъ, видя въ своемъ домѣ столь многочисленное общество дамъ. Высказывая передъ ними это самое чувство, онъ просилъ извиненія въ томъ, что жены его не могутъ заплатить визитовъ, которыми ихъ удостоили.

— Въ книгахъ написано, говорилъ онъ: — что женщина (онъ позабылъ прибавить: «мусульманка») не должна выходить изъ своего дома ни на одинъ шагъ....

Говоря это, Шамиль чуть замѣтно улыбался; но еще труднѣе было замѣтить въ этой улыбкѣ пронію, впрочемъ, самую добродушную, которая какъ будто говорила: «а вы вотъ бѣдите себѣ куда вздумается!...»

— Я очень жалѣю, продолжалъ онъ: — что за вниманіе, которое оказываетъ здѣшнее общество мнѣ и моему семейству, я долженъ платить невѣжливостію; но я въ этомъ не виноватъ: такъ написано въ книгахъ, а я только исполняю законъ, отъ себя же ничего не прибавляю....

Шамиль видимо сокрушался; но любезность калужскихъ дамъ ободрила его: услышавъ, что на его и на его женъ никто не будетъ въ претензіи, потому что строгость мусульманскаго закона относительно женщинъ извѣстна всѣмъ, Шамиль казался чрезвычайно довольнымъ и въ послѣдствіи, когда мы оставили пріемную, выразилъ одушевлявшее его чувство желаніемъ отправиться самому.... платить визитные долги женѣ. Какъ ни оригинальна подобная идея, но нельзя отказать ей въ смыслѣ, выражающемъ какой-то инстинктъ, чтобы не оказывать тактъ...

Въ то время, когда Шамиль повторялъ дамамъ свою благодарность за ихъ вниманіе и, прощаясь съ ними обычнымъ жестомъ, хотѣлъ уже оставить комнату, гости остановили его общемою просьбою: во первыхъ, позволить имъ навѣстить его женъ еще когда нибудь; а во вторыхъ, позволить снять съ нихъ портреты.

На первый пунктъ, Шамиль объяснилъ, что чѣмъ чаще онѣ будутъ посѣщать его семейство, тѣмъ будетъ для него пріятнѣе, и что каждое посѣщеніе онъ будетъ считать особеннымъ знакомъ расположенія къ нему общества.

Но послѣдняя просьба застала Шамиля врасплохъ: онъ, просто, былъ ошеломленъ ею, никакъ не ожидалъ, чтобы сегодняшняя его любезность была до такой степени употреблена во зло. Замѣтно сконфуженный, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

— Въ книгахъ написано, сказалъ онъ: — что ни одинъ человекъ не долженъ видѣть нашихъ женщинъ. Чтобы снять съ нихъ портреты, нужно, чтобы онѣ открыли свои лица: какже вы хотите, чтобы я нарушилъ законъ?...

Новыя усиленные просьбы привели Шамиля къ тому состоянію полководца на полѣ сраженія, когда, замѣтивъ неминуемость побѣды своего противника, онъ рѣшается сдѣлать одинъ маневръ, который долженъ или спасти честь его арміи, или послужить къ окончательному ея истребленію. Лукавая улыбка, мелькнувшая на умномъ лицѣ бывшаго предводителя горцевъ, ясно говорила, что онъ собирается сдѣлать именно такой маневръ и что даже надѣется не только спасти свою армію, но и въ-пухъ разбить непріятеля.

— Хорошо, сказалъ онъ:—я не могу не исполнить желанія твоихъ, которые такъ много оказали мнѣ дружескаго расположенія: я позволяю снять портреты съ моихъ женъ и дочерей, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы снимала ихъ женщина.

Блеставшее удовольствіемъ лицо и яркій огонь въ глазахъ краснорѣчиво говорили, что онъ вполне убѣжденъ въ дѣйствительности своего маневра. Бѣдный Шамиль! твои теперешніе расчеты такъ же мало оправдали твои ожиданія, какъ и тѣ, которые побудили тебя идти въ Гунибъ.

Дня черезъ два, Шамиль пилъ у меня вечеромъ чай. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, я представилъ ему жену одного

изъ здѣшнихъ фотографовъ, вызвавшуюся снять съ нашихъ дамъ портреты, и просилъ назначить день, въ который можно будетъ приступить къ этому дѣлу.

Шамиль былъ сильно озадаченъ. Съ великимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ онъ на женщину-фотографа, не отвѣчая ничего въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Развѣ это мастеръ (устâ)?

— Мастеръ, отвѣчалъ я.

Онъ посмотрѣлъ на «мастера» еще разъ. Не было сомнѣній, что до сихъ поръ онъ считалъ женщину положительно не способною къ чему нибудь изящному, къ чему нибудь иному, кромѣ домашняго хозяйства и обыкновенныхъ женскихъ работъ, а на этомъ основаніи вполне былъ убѣжденъ, что къ исполненію обѣщанія, даннаго имъ два дня назадъ, не будетъ никакой физической возможности. Теперь пришло время убѣдиться въ противномъ. Съ глубокимъ вздохомъ, облегавшимъ чувство обманутой надежды, Шамиль сказалъ:

— Хорошо: завтра....

И вотъ исторія портретовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Шамиль получилъ съ Кавказа портретъ Шуаннâтъ, которымъ, весьма естественно, думали сдѣлать ему удовольствіе. Первое впечатлѣніе, при взглядѣ на черты любимой женщины, выразилось у него одинаковымъ образомъ, какъ выразилось бы у каждаго изъ насъ; но вслѣдъ за тѣмъ онъ сказалъ: «лучше бъ я увидѣлъ ея голову, спящую съ плечъ!...»

Эти слова и теперешнее рѣшеніе насчетъ «завтрашняго дня» свидѣтельствуютъ о переломѣ, который совершается въ умѣ Шамиля относительно прежнихъ его воззрѣній на свѣтъ и людей: на міръ христіанскій, на Божій міръ и на тотъ миниатюрный, даже не-мусульманскій, въ который онъ добровольно себя заключилъ, толкуя одностороннимъ образомъ тѣ догматы своей религіи и темныя мѣста своихъ книгъ, которыя еще вначалѣ были искажены авторами ихъ.

Переломъ этотъ возбужденъ въ особенности великодушіемъ и симпатіею, которыя Шамиль встрѣтилъ на всемъ пути своемъ отъ Гуниба до Петербурга и отъ Петербурга до Калуги. Нѣтъ сомнѣній, что пріемъ, сдѣланный ему калужскимъ обществомъ,

и полное уваженіе сочувствіе, которымъ оно постоянно его даритъ, сдѣлаютъ все остальное, чего только можно ожидать отъ пребыванія плѣнника въ Калугѣ, именно: пріобрѣтутъ для нашего отечества нѣсколько очень способныхъ и, стало быть, полезныхъ гражданъ. Честь этого дѣла будетъ принадлежать Калугѣ и калужскому обществу.

А. РУНОВСКІЙ.

КАШЛЫ ВЪ НЕМИРНОМЪ КРАѢ.

(Выдержка изъ дневника пристава при Шамиль.)

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, именно въ день пріѣзда въ Калугу семейства Шамиля, между нами происходилъ разговоръ о кавказской вендеттѣ — кровомщеніи. Прибытіе людей, близкихъ сердцу плѣнника, прервало нашу бесѣду, оставивъ въ моей памяти коротенькую легенду, послужившую впоследствии поводомъ къ возобновленію прежняго разговора.

Приступая теперь къ изложенію переданныхъ мнѣ Шамилемъ подробностей относительно кровомщенія въ немирномъ краѣ, я считаю необходимымъ изложить предварительно сущность легенды.

Самое важное въ этой легендѣ — цыфра, изображающая продолжительность мщенія въ горахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующая о томъ, до чего можетъ дойти мстительность горца, или, какъ называетъ ее Шамиль, «глубокое чувство правдивости». За достовѣрность цыфры ручается переводъ извѣстнаго Громова, что, впрочемъ, нетрудно еще разъ провѣрить въ самомъ мѣстѣ описываемаго дѣйствія. А что касается выставленныхъ въ легендѣ подробностей, то онѣ представляютъ собою ничто иное, какъ образчикъ подробностей, обыкновенно, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ дѣло кровомщенія. Поручится въ достовѣрности ихъ, а также и въ дѣйствительности

существованія выведенныхъ здѣсь лицъ довольно трудно, по той простой причинѣ, что описываемое происшествіе случилось триста лѣтъ тому назадъ.

Триста лѣтъ тому назадъ, одинъ житель аула Кадаръ (въ Мехтулинскомъ владѣніи), побуждаемый голодомъ, а можетъ быть и природнымъ инстинктомъ, украсть у своего сосѣда курицу и поплатился за нее бараномъ. Находя, что сосѣдъ взялъ слишкомъ большіе проценты, пріятель нашъ, котораго мы будемъ звать Омаромъ, а его сосѣда Юсуфомъ, отиалъ у него, вѣроятно, для уравниванія счетовъ, двухъ барановъ. Въ свою очередь, и Юсуфъ счелъ нужнымъ соблюсти справедливость и на этомъ основаніи отбилъ у Омара корову. Корова стояла ему пары добрыхъ быковъ. За потерю этого олицетворенія богатства горскихъ народовъ, Юсуфъ подкараулилъ омарова жеребца, на котораго, впрочемъ, давно уже заглядывался, и обратилъ его въ свою собственность. Хорошій конь цѣнится горцами восточнаго Кавказа несравненно дороже, нежели горцы западнаго Кавказа цѣнятъ своихъ хорошенькихъ дочерей, и если дагестанскій горецъ не *продаетъ* своей дочери для того, чтобъ на вырученные деньги купить полюбившагося коня, то въ замѣнъ того онъ, если ужъ такъ придется, выдаетъ ее замужъ за самаго отвратительнаго пѣлюба, хотя бы, къ тому же, онъ былъ собственнымъ его врагомъ.

Послѣ этого можно себѣ представить положеніе Омара, котораго жеребца своего, можетъ быть, не промѣнялъ бы на цѣлый косякъ Юсуфа. Что тутъ дѣлать: потеря невознаградима! А вознаградить ее нужно, непременно нужно: безъ этого Омаръ не будетъ Омаромъ. Но чѣмъ ее вознаградить? Что есть у Юсуфа такого, что равнялось бы съ омаровымъ конемъ? Ничего нѣтъ: ни жена его, ни его красавицы-дочери не стоятъ всѣ вмѣстѣ одного копыта омарова жеребца. Что же, спрашивается, тутъ дѣлать? Ясно, что, для соблюденія справедливости и вознагражденія убытковъ, слѣдуетъ отправить *ad patres* самого Юсуфа.... Омаръ такъ и сдѣлалъ: онъ убилъ Юсуфа, вскочилъ на своего милаго жеребца и, сказавъ родниѣ «прости», отправился искать счастья въ странѣ далекой и чужой. *Далекою* она была для него потому, что на первыхъ порахъ онъ и самъ не зналъ, куда бы ему поѣхать; а это, какъ извѣстно, самая далекая сторона: никогда человѣкъ до нея не доѣдетъ. *Чужою* же она была для него по тѣмъ причинамъ, которыя будутъ изложены ниже. Какъ

можно себя представить, Омаръ отправился въ эту страну совсѣмъ не изъ пристрастія къ путешествіямъ: горы, по словамъ Шамиля, чрезвычайно привязаны къ осѣдлой жизни, у нихъ даже есть на этотъ счетъ пословица (*); но поѣхалъ онъ туда единственно ради спасенія своего живота, которому грозила та же самая участь, которая постигла животъ Юсуфа. И вотъ Омаръ уѣхалъ, оставивъ въ аулѣ Кадаръ свою семью, свою родню и все свое хозяйство. Оно, конечно, плохо жить безъ этихъ земныхъ благъ, еще хуже таскаться Богъ знаетъ гдѣ и покончить съ своимъ дѣломъ Богъ знаетъ чѣмъ; но за то жеребецъ подъ Омаромъ, да и съ Юсуфомъ они расквитались. Чего же больше! А тамъ что Богъ дастъ....

Что далъ Богъ Омару, объ этомъ исторія умалчиваетъ, да и самъ онъ съ этихъ поръ пропадаетъ изъ нашихъ глазъ. Но съ его семьей, съ его родней и съ его домомъ случилось, какъ говоритъ преданіе, вотъ что:

Ближайшіе родственники Юсуфа (какіе именно, по давности времени, тоже неизвѣстно), узнавъ о «своемъ» несчастіи, созвали всю его родню, явились съ нею къ дому Омара и, вслѣдствіе существовавшаго въ то время обычая, общими силами разрушили его. Потомъ, убѣдившись, что хозяинъ дома неизвѣстно куда скрылся, родственники Юсуфа, мучимые жаждою мщенія, напали на какого-то родственника Омара, попавшагося прежде всѣхъ имъ на глаза, и убили его. Родственники этого родственника, находя, что въ убійствѣ Юсуфа онъ былъ «лицомъ совсѣмъ посторонняго вѣдомства», убили одного изъ родственниковъ Юсуфа. Эти послѣдніе убили двухъ родственниковъ Омара, и вотъ кровомщеніе, или, какъ мы привыкли называть его, «каны», разыгралось на славу.... Но это бы еще ничего: каны не рѣдкость въ Дагестанѣ; а сила здѣсь заключается въ томъ, что кровомщеніе за Юсуфа, начавшееся триста лѣтъ тому назадъ, продолжается, если только это правда, и по настоящую минуту. Триста лѣтъ льется кровь людей, и за что же? за курицу!... Это очень интересно. По крайней мѣрѣ, для меня оно казалось такимъ, и я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ случая, чтобы снова вызвать Шамиля на разговоръ о кровомщеніи. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что цѣлые три мѣ-

(*) — Откуда ты родомъ?

— Не знаю: я еще не женатъ.

сяца это мнѣ не удавалось. Наконецъ, уже въ апрѣлѣ, проходя однажды дворомъ въ садъ для прогулки, Шамиль замѣтилъ переводчика Дебиръ-Магома, который рѣзалъ курицу. Это напомнило ему пресловутую ея сестру, возбудившую въ аулѣ Кадаръ трехвѣковое мщеніе, и онъ шутя спросилъ: не украдена ли и эта курица и не воздвигнется ли за нее на насъ канлы?

Вопросъ этотъ, очень естественно, возбудилъ разговоръ о кровомщеніи, возобновлявшійся въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Ниже излагаемая свѣдѣнія пріобрѣтены мною лично отъ Шамиля и только небольшою частію отъ его сыновей и отъ мюрида Хаджію. Впослѣдствіи же вся эта статья, по моей просьбѣ, проверена въ своихъ фактахъ Шамилемъ. Вотъ сущности всего, что сообщено мнѣ о существованіи канлы въ немирномъ краѣ.

Татарское (кумыкское) слово «канлы» состоитъ изъ слова «канъ»—кровь, и частицы «лы», обращающей существительное «кровь» въ прилагательное «кровоый». Это и есть настоящее значеніе слова «канлы», и мы, переводя его «кровомщеніемъ», обращаемъ нѣкоторымъ образомъ въ имя собственное, что, впрочемъ, и необходимо для безошибочнаго пониманія выражаемой въ разговорѣ идеи (*).

По понятіямъ горцевъ и на основаніи правилъ Корана, кровомщеніе есть дѣло вполне законное. Необходимость его въ общественной ихъ жизни признана самимъ Шамилемъ, такъ много хлопотавшимъ объ увеличеніи въ своей странѣ населенія.

Однако, въруая изъ глубины души въ непогрѣшимость этого зла, Шамиль ясно видѣлъ, что произволъ кровомстителей, для которыхъ дебри Чечни и горы Дагестана представляютъ такое раздольное поприще, не только способствуетъ общей неурядицѣ, но и сильно мѣшаетъ осуществленію его любимой мысли — береженію людей, нужныхъ для защиты края. Независимо того, каждое общество имѣло объ этомъ дѣлѣ особыя понятія и въ подробностяхъ руководствовалось своими собственными обычаями, нисколько не похожими на обычаи ближайшихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, въ обществѣ Каратинскомъ, въ случаѣ, возбуждающемъ кровомщеніе, убійца предавался бѣгству, тогда какъ въ Гидатлинскомъ обществѣ онъ оставался дома и спокой-

(*) По аварски, кровомщеніе — *кыссаъ*. Шамиль и всѣ калужскіе горцы, а по ихъ словамъ, всѣ уроженцы Дагестана, говоря о кровомщеніи, употребляютъ слово «кыссаъ», а не «канлы».

но ожидать послѣдствій своего руководья. Разнообразіе это также немало способствовало запутанности дѣла и сложности зла. Желая, по возможности, уменьшить его приведеніемъ въ систему всѣхъ видовъ каплы и подчиненіемъ произвола горцевъ какимъ нибудь основнымъ правиламъ, Шамиль обратилъ вниманіе, между прочимъ, на *дійетъ*, извѣстное предписаніе Корана, предлагающее обиженному взять съ обидчика цѣну обиды, если только онъ не чувствуетъ побужденія простить ее безусловно, что также предлагается Кораномъ, какъ дѣло хорошее и богоугодное, по, впрочемъ, нисколько не обязательное.

Независимо *дійета*, въ Коранѣ изложены общія постановленія относительно всякаго рода взаимныхъ обидъ, начиная отъ мелкой брани и такого же воровства, до похищенія женскаго сердца и до душегубства включительно. Все это, взятое вмѣстѣ, представляетъ собою ничто иное, какъ смѣсь вѣтхозавѣтнаго «око за око», «зубъ за зубъ», съ новозавѣтнымъ «прощайте врагамъ вашимъ, любите вашего ближняго, какъ самого себя». Но климатъ востока, горячая кровь его обитателей, сбивчивыя понятія ихъ о правѣ и собственности, наконецъ, всегдашнія волненія, производимыя сектаторами и муршидами, сдѣлали то, что новозавѣтная истина лишилась въ глазахъ мусульманъ своего высокаго смысла и забыта ими, какъ всякая ненужная вещь; а вмѣсто нея послѣдователи Магомета приняли къ руководству правило вѣтхозавѣтное.

Но и тутъ мусульмане кавказскіе рѣдко слѣдовали этому правилу въ точности: по свойству ихъ характера, столь рѣзко очерченнаго Шамилемъ (*), чаще всего случалось то, что обиженный считалъ своею обязанностію получить за одно собственное око два чужихъ, за свой одинъ зубъ — нѣсколько зубовъ ближняго, и вообще неправильно взятое горцы старались возвращать съ лихвою.

Это самое и было причиною столь продолжительнаго ищенія въ аулѣ Кадаръ. Это самое и побудило Шамиля принять мѣры къ исполненію въ его странѣ вѣтхозавѣтнаго правила буквальныхъ образомъ и къ устраненію на будущее время возможности

(*) «Всякое подобіе несправедливости, всякое ничтожное, но неправильное дѣйствіе — изъ глубины души возмущаетъ горца, который съ качествами хищнаго звѣря питаетъ въ себѣ глубокое чувство правды. Это чувство или даетъ ему возможность узирать безъ ропота и боли, или же подвигаетъ его на самыя кровавыя впадины....»

того, чтобы смерть курицы, искупаясь постепенно жизнью множества всякаго рода птицъ и домашнихъ животныхъ, а потомъ десятками человѣческихъ жизней, не могла бы искупиться въ теченіе трехсотъ лѣтъ.

Но, невзирая на усилѣхъ, котораго до извѣстной степени достигалъ Шамилъ, при помощи жестокихъ мѣръ, горцы только съ большимъ трудомъ могли усвоить себѣ идею удовлетворенія обиды путемъ коммерческимъ. Самъ законодатель не могъ порядкомъ справиться съ этимъ дѣломъ и помирить себя съ возможностью покончить мирнымъ способомъ то, что началось кровью, а тѣмъ менѣе простить обиду «совѣмъ». Сознавая всю благотворность этого послѣдняго дѣйствія и убѣждаясь въ необходимости и пользѣ окончанія кровавыхъ дѣлъ посредствомъ полюбовнаго согласія или судейскаго рѣшенія, Шамилъ хлопоталъ только о прекращеніи произвола кровомстителей; въ необходимости же отмстить обиду тѣмъ или другимъ способомъ онъ убѣжденъ всеми силами своей души и всеми способностями своего ума. Это убѣжденіе отразилось и на его постановленіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «пизама».

До учрежденія въ немирномъ краѣ имамской власти, горцы рѣшали всѣ свои дѣла по адату (по обычаю), то есть по тѣмъ правиламъ, дошедшимъ до нихъ въ преданіяхъ, которыми искони руководствовались ихъ предки. Каждый горецъ, желавшій довѣрить участь своего дѣла отечественной Оемидѣ, приносилъ жалобу суду старшинъ роднаго аула, избравшихся въ это званіе изъ людей почетныхъ и уважаемыхъ въ народѣ. Однако, послѣднее условіе не всегда было ручательствомъ за справедливость рѣшенія, и въ это судилище временъ патріархальныхъ нерѣдко вкрадывалось лицепріятіе нашего времени, имѣвшее своими двигателями родственныя связи, общественное значеніе и другія болѣе или менѣе вещественныя доказательства правоты тяжущихся. Поэтому рѣшенія по адату порождали недовольныхъ, впрочемъ, такъ же точно, какъ и рѣшенія всякимъ другимъ способомъ. Но разница здѣсь состояла въ томъ, что судъ старшинъ, представляя собою первую и послѣднюю инстанцію, противъ рѣшенія которой не могло быть апелляціи по той простой причинѣ, что некуда было ее адресовать, внушалъ недовольнымъ мысль получить удовлетвореніе во что бы то ни стало, не стѣсняясь тѣмъ, что рѣшеніе суда уже объявлено и что оно явно противорѣчитъ задуманному дѣйствію.

Изъ этого возникала невообразимая неурядица, ставившая верхъ дномъ всю страну. Безсиліе власти порождало неуваженіе къ ней, а при этомъ условіи самоуправство считалось самымъ вѣрнымъ средствомъ къ прекращенію всякаго рода взаимныхъ недоразумѣній, и только тотъ, кто былъ сильнѣе, могъ еще жить болѣе покойно, да и то, впрочемъ, до той лишь поры, пока противникъ его не опередилъ и не получалъ возможности наверстать потерянное.

Съ появленіемъ въ Дагестанѣ имамской власти, горцы начали понемногу знакомиться съ шарріатомъ; но строгость его требованій не могла правиться тѣмъ, которые не знали преградъ въ своихъ стремленіяхъ, рѣдко гармонировавшихъ съ требованіями умѣренности и здраваго разсудка. Условія же, которыми былъ окруженъ глава новаго управленія, не позволяли ему устремить на этотъ предметъ слишкомъ пристальнаго вниманія, и онъ, употребляя всѣ свои усилія къ возбужденію газавата, занимался болѣе военными дѣлами края, нежели гражданскимъ его благоустройствомъ. Отъ этого, при имамѣ Гази-Магометѣ (Кази-мулгѣ), исполненіе шарріата было не повсемѣстное, а преимущественно въ селеніяхъ и обществахъ, ближайшихъ къ его резиденціи или къ резиденціи тѣхъ его клевретовъ, которые считались самыми жаркими послѣдователями мюридизма и отъявленными приверженцами имама. Въ другихъ же частяхъ страны, исполненіе шарріата и рѣшеніе по его указаніямъ тяжёбныхъ дѣлъ было только наружное, ради усыпленія бдительности властей. При Гамзатъ-бекѣ, дѣло шарріата находилось еще въ большемъ упадкѣ: послѣ первыхъ же усилій, тѣснимый постоянно и русскими войсками и мирными туземцами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не встрѣчая почти ни въ комъ симпатіи ни къ себѣ, ни къ своимъ политическимъ дѣйствіямъ, особенно послѣ истребленія аварскихъ хановъ, Гамзатъ-бекъ употреблялъ всю свою дѣятельность только на сборы войскъ; при чемъ, не имѣя военныхъ дарованій, онъ оставался по большей части въ бездѣйствіи, довольствуясь сознаніемъ своего могущества и своего высокаго сана. Объ измѣненіяхъ же въ кровавомъ обычаѣ канлы не было и помину: онъ шелъ прежнимъ своимъ порядкомъ, невольно возбуждая предположеніе, что и страна и ея предводители взяли себѣ девизомъ «кровь» и стремились къ достиженію этой цѣли всѣми своими силами, не пренебрегая никакимъ средствомъ.

Кромѣ этихъ причинъ, была еще одна, препятствовавшая шарріату утвердиться на прочныхъ основаніяхъ: и Гази-Магометъ и Гамзатъ-бекъ не пользовались, въ прежнее время, безупречною репутаціею: оба они въ молодости своей были горькими пьяницами; а Гамзатъ-бекъ сохранилъ репутацію разгульнаго человѣка и въ зрѣломъ возрастѣ и только не задолго до «производства» своего въ имамы, пересталъ пить вино. Преданные своеволію, но склонные къ правдивости, горцы не могли, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ принятіе новаго закона, склониться сознательно и охотно на убѣжденія тѣхъ, кто считался въ главѣ нарушителей его, и потому покорились, въ этомъ случаѣ, лишь открытой силѣ. Отъ этого, между прочимъ, и вліяніе первыхъ двухъ имамовъ было не совсемъ прочно, а успѣхи ихъ мало-важны и непродолжительны. Страна дождалась такого человѣка, который съ дарованіями полководца и мудростію администратора соединялъ бы въ себѣ безукоризненную нравственность анахорета, самое высокое безкорыстіе и твердость характера, вполне чуждую лихорадочныхъ движеній, столь свойственныхъ кавказскимъ горцамъ, всегда пламеннымъ и воспріимчивымъ. Только при этихъ условіяхъ, изъ немирнаго края можно было сдѣлать что либо цѣлое, что либо дѣльное. И вотъ явился Шамиль.

Дѣйствія его или, по крайней мѣрѣ, результаты его дѣйствій на пройденномъ имъ пути намъ извѣстны. Мы знаемъ также и то, что первоначально принялся онъ за гражданскую администрацію, не оставляя, притомъ, и военныхъ дѣйствій. Проникнутый убѣжденіемъ, что началомъ премудрости для горцевъ долженъ быть страхъ Божій, Шамиль настойчиво занялся распространеніемъ шарріата и постепенно искоренялъ, въ своей странѣ, адатъ, который, въ подробностяхъ своихъ, нерѣдко блисталъ отсутствіемъ здраваго смысла.

Оставляя въ сторонѣ общія правила шарріата, мы будемъ разсматривать только тѣ изъ нихъ, которыя непосредственно касаются кровомщенія. Но прежде всего слѣдуетъ возникнуть въ нѣкоторыя подробности кровомщенія по адату и въ значеніе тѣхъ слабыхъ его сторонъ, которыя побудили Шамиля энергически преслѣдовать этотъ родъ правосудія.

Для возбужденія «канлы», не было необходимости въ тяжкомъ оскорбленіи, въ кровной обидѣ: и до Шамиля и при Шамилѣ, поводомъ къ убійству и къ прямому его послѣдствію—къ

кровомщенію, могли служить не только безчестіе сестры или жены, или другая подобная же обида, но и самая ничтожная брань, самое малое воровство, хотя бы, напримѣръ, воровство курацы: пылкій горецъ не умѣетъ воздерживать порывовъ своего горячаго, или, какъ онъ выражается, своего «большаго» сердца; онъ не способенъ обсудить, а тѣмъ менѣе обдумать хладнокровно то непріятное обстоятельство, которое бросилось ему въ глаза, коснулось его слуха или вывело его изъ обычнаго *far niente* какимъ нибудь другимъ способомъ: онъ немедленно даетъ на все это подлежащаго свойства отвѣтъ, послѣдствія котораго обдумаетъ уже послѣ того, какъ дѣло будетъ кончено. Къ тому же, горецъ терпѣть не можетъ посторонняго вмѣшательства въ свои частныя дѣла, а любить обдѣлывать ихъ собственноручно. Въ заключеніе, онъ носитъ при себѣ оружіе, съ которымъ никогда не расстаётся и которымъ, подобно Александру Македонскому, открываетъ тайну всякаго мало-мальски сложнаго и затрудняющаго его вниманіе узла.

Лишь только, по поводу какой нибудь ссоры или недоразумѣнію, совершится убійство, начиналось дѣло кровомщенія. Отецъ, сынъ, братъ или другой родственникъ убитаго, имѣющій право отмстить его смерть, немедленно приступали къ исполненію этой «священной» обязанности, и тогда дѣло принимало слѣдующія положенія:

Во первыхъ, убійца могъ, какъ упомянуто выше, спасти себя отъ мщенія бѣгствомъ. Во вторыхъ, онъ оставался дома, на основаніи причинъ, которыя будутъ изложены ниже. Въ третьихъ, могло случиться, что ближайшіе родственники убитаго, по малолѣтству, долгое время не имѣли возможности исполнить лежавшей на нихъ обязанности, и, наконецъ, въ четвертыхъ, всѣ дѣйствія обѣихъ сторонъ обезпечивались въ своемъ успѣхѣ богатствомъ, общественнымъ положеніемъ, родственными связями, ловкостію, настойчивостію и даже физическою силою противниковъ, что, конечно, много разнообразило ходъ дѣла, а слѣдовательно запутывало и отдаляло окончаніе его на десятки, а иногда, какъ это видно, даже на сотни лѣтъ.

Въ первомъ случаѣ, убійца имѣлъ только одно средство спасти свою голову: бѣжать къ Русскимъ и объявить, что онъ желаетъ помириться (*). Но прежде, чѣмъ достигнуть этого, ему

(*) Такихъ «мирныхъ» людей, по словамъ Шамилъ, у насъ было очень много, особливо до вступленія его въ управленіе странюю. Съ этого же

приходилось испытать мною тяжелыхъ ощущений: пока не вѣдеть онъ въ русскіе предѣлы и не явится русскому начальству, ему нельзя было вздохнуть свободно, и ни на одну минуту не могъ онъ считать себя въ безопасности. Все, что встрѣчалось на его дорогѣ: лѣсъ, гора, кустъ, оврагъ, — все грозило ему засадою; вездѣ и во всемъ ожидала его встрѣча съ врагомъ. Немного и въ живыхъ мѣстахъ находилъ онъ такихъ преданныхъ друзей, которые согласились бы дать ему въ своихъ домахъ пристанище, хотя бы для ночлега: въ рѣдкой деревнѣ не было кого нибудь изъ родственниковъ и друзей убитаго или чело-вѣка, которые или немедленно дадутъ знать о прибытіи въ ихъ мѣста убійцы, или сами постараются захватить его, и тогда часть мщенія или хотя одно неудовольствіе можетъ пасть и на гостепріимныхъ хозяевъ, которые очень хорошо знаютъ, что отъ неудовольствія до кинжала менѣе, нежели одинъ шагъ. Извѣстіе же объ убійствѣ облетало страну такъ быстро, что почти всегда опережало въ пути убійцу, который долженъ былъ днемъ скрываться въ лѣсу или въ непроходимыхъ ущельяхъ горъ, а ѣхать могъ только ночью.

Между тѣмъ, какъ онъ, «человѣкъ съ большимъ сердцемъ», странствовалъ, родственники его старались склонить кровомстителя (*) къ примиренію, выставляя ему на видъ ту простую истину, что убитаго воротить ужь нельзя; а, между тѣмъ, если дѣло кончится миролюбиво, то это будетъ и для Бога пріятно, и для него выгодно.

Нерѣдко случалось, что «обиженный» соглашался и объявлялъ свои условія. Тогда родственники обидчика, сдѣлавъ ихъ возможно для него выгодными, давали ему о томъ знать, и онъ, если былъ согласенъ, немедленно возвращался, расплачиваясь съ своимъ мстителемъ и становился большимъ его пріятелемъ, «кровнымъ братомъ», что иногда бываетъ важнѣе званія роднаго брата, потому что налагаетъ на бывшихъ враговъ обязанность быть полезными другъ другу и, въ случаѣ надобности,

времени, дѣйствительность принятыхъ имъ относительно кровомщенія мѣръ значительно ослабила этотъ напавъ, и хотя перебѣжчики продолжали являться къ нимъ попрежнему, а иногда цѣлыми даже обществами, но то были уже не убійцы, спасшіеся отъ мести частнаго чело-вѣка, а преступники, преслѣдуемые закономъ, или же люди, вынужденные оставить свою родину вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, слишкомъ стѣсненные домашніи ихъ бытъ и отпавшихъ способовъ къ существованію.

(*) Если только онъ не отиравался тотчасъ же за убійцею.

умереть другъ за друга. О предметѣ же ссоры не было и поминна, и дѣло это предавалось забвенію на вѣчныя времена.

Но случалось иногда, что или убійца, или кровомстителъ не соглашались помириться, или же послѣдній предлагалъ такія условія, которыхъ, при всемъ желаніи перваго, невозможно было выполнить. Въ такомъ случаѣ, канлы продолжалось до тѣхъ поръ, пока обидчикъ не попадался въ руки обиженнаго или время и размышленія не смягчали требовательности послѣдняго.

Бывали также и такіе примѣры, что убійца оставался дома и спокойно выжидалъ, что съ нимъ будетъ, подобно тому, какъ дѣлалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это составляло обычай. Но здѣсь такой поступокъ былъ ничто иное, какъ самонадѣянность, основанная на сознаніи превосходства своихъ силъ, дѣлавшаго убійцу недоступнымъ для мщенія слабого мстителя. Въ этомъ случаѣ, грубость физической силы, злоупотребленіе матеріальныхъ средствъ и наглое пренебреженіе къ правамъ другаго и ко всему, что отзывается закономъ, обнаруживались во всемъ своемъ развитіи. Противъ этихъ-то «сильныхъ земли» преимущественно были направлены строгія постановленія Шампиля. Впослѣдствіи, можно будетъ убѣдиться, что и дѣйствительно эти люди должны были, болѣе нежели кто нибудь, быть недовольными нововведеніями Шампиля.

Несмотря на благопріятныя условія, окружавшія такого убійцу, жизнь его все-таки была не вполне обезпечена и точно такъ же зависѣла отъ несчастливой встрѣчи съ противникомъ, какъ и жизнь убійцы-бѣдняка. Кромѣ того, и шансы ихъ легко могли измѣниться, потому что если слабый бѣднякъ не могъ сдѣлаться вдругъ сильнымъ богачемъ, то этотъ послѣдній легко могъ обратиться въ самаго бѣднаго голяка, и тогда они мѣнялись ролями.

Но чаще всего случалось то, что родственникъ убитаго обращалъ свое мщеніе на родственниковъ убійцы, если послѣдній успѣвалъ скрыться. Тогда кровомщеніе принимало размѣры широкіе: мститель и его родственники, въ свою очередь, подвергались мщенію, которое потомъ снова обращалось на противниковъ. Въ результатахъ этой игры всегда оказывался излишекъ: каждая сторона считала, что отъ нея пало жертвъ гораздо болѣе, нежели по справедливости слѣдовало, и вражда становилась нескончаемою. Въ подтвержденіе этого, кромѣ кадарской курпцы, приведено еще нѣсколько примѣровъ, между которыми

одна въ особенности отличается своимъ кровавымъ свойствомъ и отсутствіемъ здраваго смысла. Это случилось въ аулѣ Чохъ, въ Казпкумухъ.

Одинъ молодой человѣкъ, желая жениться на любимой имъ дѣвушкѣ, сдѣлалъ предложеніе ея родителямъ. Не стѣсняясь полученнымъ отказомъ, онъ возобновлялъ свое предложеніе еще нѣсколько разъ, но все съ одинаковымъ успѣхомъ. Наконецъ, раздраженный неудачею, онъ является къ отцу своей любезной и требуетъ объясненія, но какой причинѣ онъ не хочетъ отдать за него свою дочь. Отецъ весьма прямодушно отвѣчаетъ, что не хочетъ потому, что не хочетъ. Тогда влюбленный молодой человѣкъ вынимаетъ кинжалъ и всаживаетъ его въ животъ старика. Но старикъ очень хорошо предвидѣлъ, съ какимъ намѣреніемъ задорный горецъ могъ придти къ нему въ домъ, и, въ то самое мгновеніе, какъ тотъ брался за кинжалъ, старикъ выхватилъ пзъ—за пояса пистолетъ и, выстрѣливъ въ грудь будущаго зятя, упалъ вмѣстѣ съ нимъ мертвымъ. На выстрѣлъ и на шумъ, произведенный домашними старика, сбѣжались сосѣди, между которыми были родственники обонхъ убійцъ. Безъ дальнихъ околичностей взялись они за кинжалы и тутъ же отпраздновали тризну по убиеннымъ: произошла рѣзня, въ которой 25 человѣкъ легли въ продолженіе самаго короткаго времени. Не довольствуясь этимъ, оставшіеся въ живыхъ родственники еще долго вели канлы самымъ ожесточеннымъ образомъ. Наконецъ сосѣдямъ и друзьямъ ихъ удалось кой-какъ свести запутавшіеся счеты и склонить враговъ на мировую.

Горскія общества, въ которыхъ существовалъ обычай оставаться убійцѣ въ своемъ домѣ, руководствовались вышеприведенною истинною о несправимости совершеннаго убійства, о безполезности мщенія за него и о выгодѣ полюбовной сдѣлки. Въ этомъ случаѣ, они могли пазваться цивилизованными въ сравненіи съ прочими обществами, гдѣ этого не было, потому что хотя подобное убѣжденіе имѣло въ своемъ основаніи расчетъ корыстолюбія, но посредничествомъ со стороны властей, допускавшимъ въ дѣлѣ кровомщенія, обнаруживалось нѣкоторое стремленіе къ усовершенствованіямъ по части юстиціи. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы посредничество это придавало властямъ какую нибудь самостоятельность: дѣло кровомщенія законъ считалъ для себя дѣломъ совершенно постороннимъ, и до тѣхъ поръ, пока ближайшій родственникъ убитаго не требо-

валъ вмѣшательства властей, власти не смѣли даже заявить о своемъ существованіи, хотя бы населеніе цѣлаго края перерѣзало другъ друга въ глазахъ собственнаго начальства. Поэтому кровомститель, не обязанный заявлять свою обиду въ судъ или начальству, имѣлъ полное право искать себѣ удовлетворенія лично.

Въ послѣднемъ случаѣ, онъ начиналъ свое дѣло тѣмъ, что, при помощи родственниковъ, разрушалъ домъ убійцы до основанія; а если по какимъ нибудь причинамъ нельзя было сдѣлать этого съ домомъ, то разрушенію подвергалась какая нибудь часть его: конюшня, сарай, клѣтъ, или что было изъ недвижимаго имущества, и если попадался при этомъ убійца, то его тутъ же предавали смерти или, смотря по степени кровожадности противника, представляли въ судъ.

Если кровомститель, не желая или не имѣя средствъ управиться съ убійцею самъ, требовалъ посредничества суда старшинъ, то судъ этотъ, выслушавъ жалобу, старался прежде всего склонить обиженнаго на мировую, и если это не удавалось, то домъ убійцы предавался раззоренію уже официальнымъ порядкомъ (*), а самъ онъ изгонялся изъ деревни навсегда. Но и затѣмъ «обиженный» не всегда считалъ себя удовлетвореннымъ вполне: если только не былъ онъ совершенно безсиленъ, то, и по исполненіи судейскаго приговора, онъ находилъ справедливымъ мстить убійцѣ на смерть.

Такія скорыя и дѣйствительныя мѣры могли быть употреблены только противъ такого убійцы, который не имѣлъ никакого значенія. Съ убійцею же богатымъ и сильнымъ дѣло кончалось по большей части мировою, и перѣдко па тѣхъ условіяхъ, какія считалъ достаточными сильный противникъ.

Изъ этого видно, что правительство пользовалось весьма небольшою самостоятельностью и такъ же мало могло служить защитою слабымъ и угнетеннымъ; а потому и между приведенными двумя способами кровомщенія не могло существовать значительной разницы: въ основѣ обонхъ лежало то же своеволие и тотъ же гнетъ сильнаго надъ слабымъ. Въ каратинскомъ способѣ было, по крайней мѣрѣ, то хорошо, что дѣла кровомщенія

(*) На вопросъ мой: съ какою цѣлью это дѣлается, Шамилъ отвѣчалъ, что въ книгахъ преданій (но не въ Коранѣ) причина тому не выставлена, а сказано просто: что «домъ убійцы долженъ быть разрушенъ».

почти наполовину оканчивались мирнымъ образомъ, тогда какъ въ обществахъ не столь цивилизованныхъ, какъ, напримѣръ, въ гадатлинскомъ, не было почти ни одного дома, гдѣ бы не пахло кровью.

Когда право мщенія доставалось малолѣтнимъ, то во всѣхъ обществахъ, какъ въ образованныхъ, такъ и въ невѣжественныхъ, убійца оставался дома, проживая иногда рядомъ съ будущимъ своимъ мстителемъ. Въ ожиданіи его совершеннолѣтія (*), никто не смѣлъ тронуть убійцу или сдѣлать малѣйшій упрекъ, хотя бы преступленіе его было самого вопіющаго свойства. Если это былъ человѣкъ порядочный, то онъ старался, въ это время, сойтись съ малолѣтнимъ и съ его воспитателями, чтобы постепенно пріобрѣсти ихъ расположеніе и впоследствии, къ наступленію совершеннолѣтія, устроить мировую. Чаше всего это удавалось; но случалось и то, что убійца, не расположенный искупить вину свою, устраивалъ домашнія дѣла заблаговременно и, не дожидаясь совершеннолѣтія, бѣжалъ къ Русскимъ, нерѣдко оставляя на память родинѣ еще какой нибудь кровавый знакъ.

Высказавъ эти подробности, слѣдуетъ повторить еще разъ: что всѣ приведенныя положенія очень много разнообразились вышшими условіями, въ которыхъ находились враждующія стороны. Эти условія, парализируя дѣйствія закона и правительства, дѣлали ихъ совершенно безсильными; вѣрнѣе же сказать: ни того, ни другаго не было въ этой классической странѣ своеволія и безпорядка. Только человѣкъ, лишенный ума, да грудной младенецъ не могли замѣтить неестественности и пагубныхъ послѣдствій такого хода дѣлъ. По своему разительному сходству съ тѣмъ и съ другимъ, не замѣчали ее и горцы. Изъ нихъ, можетъ быть, одни только Шамиль смотритъ на это вполне трезвымъ взглядомъ, и вотъ онъ «взялъ въ одну руку шашку, а въ другую Коранъ» и съ помощію этихъ средствъ принялся воспитывать и наставлять на умъ своихъ неразумныхъ дѣтей.

— Я требовалъ только того, что написано въ Коранѣ, неоднократно повторялъ онъ, рассказывая мнѣ подробности канлы: — отъ себя же я ничего не прибавлялъ. Но за неисполненіе предписаній Корана я безпощадно рубилъ головы, потому что въ Коранѣ записано пророкомъ только то, что сказалъ ему самъ

(*) У горцевъ совершеннолѣтіе считается: для мужчинъ съ 15, а для женщинъ съ 13 лѣтъ.

Богъ; а кто не исполняетъ повелѣній Бога, тотъ не долженъ жить ни одной минуты.

Реформы, произведенныя Шамплемя, по части кровомщенія, были немногочисленны, но по результатамъ очень капиталны. Основываясь на постановленіяхъ Корана, онъ объявлялъ: что хотя всякая пролитая кровь непременно требуетъ для своего возмездія крови же, но она должна быть обращена только на того, кто ее пролилъ. Поэтому, строго воспретивъ кровомстителемъ обращать свою месть на родственниковъ убійцы, онъ объявлялъ неисполнителей этого послушниками противъ Корана, а слѣдовательно подлежащими смертной казни. Нѣсколько головъ, снятыхъ вслѣдъ за изданіемъ этого постановленія, доказали справедливость и непреложность его, а вмѣстѣ съ тѣмъ успокоили и большинство населенія, оградивъ слабыхъ отъ слѣпой и безумной ярости ихъ старшихъ братьевъ. Эти послѣдніе убѣдились теперь, что настало наконецъ то время, когда для того, чтобы убить человѣка, нужно, по крайней мѣрѣ, подумать о томъ, какъ бы сдѣлать это удобнѣе и безопаснѣе для себя, потому что, кромѣ живыхъ враговъ—кровомстителей, противникомъ ихъ являлся какой-то злой духъ, отъ котораго не могли они спастись ни въ своемъ, ни въ чужомъ обществѣ и который болѣе, нежели когда нибудь заграждалъ имъ дорогу даже къ Русскимъ. Пропыраясь въ наши предѣлы, убійца непременно долженъ былъ захватить въ какую нибудь деревню, чтобы зачиститься съѣстными припасами или, по крайней мѣрѣ, подкрѣпить свои силы, потому что онъ оставлялъ свою родину всегда внезапно, впопыхахъ, часто не имѣя возможности захватить съ собою куска хлѣба. Но теперь въ каждомъ селеніи, кромѣ родственниковъ и друзей убитаго имъ человѣка, его ожидали: или старшина съ десятскими, или нанбъ съ мюридами. Кромѣ частныхъ свѣдѣній о происшествіи, они получали еще оффиціальное отъ начальства той мѣстности, гдѣ происшествіе случилось. А такъ какъ всякій горецъ, отправляясь изъ своего нанбства въ сосѣднее, долженъ былъ, по заведенному Шамплемя порядку, запастись отъ своего нанба билетомъ, удостовѣряющимъ его личность и срокъ отпуски, то убійца, который вздумалъ бы захватить въ населенныя мѣста безъ этого вида, былъ бы немедленно открытъ и отправленъ за карауломъ въ свое мѣсто.

Эта послѣдняя мѣра и была тѣмъ невиданнымъ до тѣхъ поръ врагомъ, котораго убійца встрѣчалъ вездѣ, гдѣ ни появлялся.

Вторымъ распоряженіемъ Шамиля было запрещеніе разрушать недвижность убійцы. Ослушники дѣлались ослушниками противъ Корана. Основаніемъ этой мѣры послужили двѣ причины: во первыхъ, въ Коранѣ о разрушеніи недвижности ничего не сказано; а во вторыхъ, предлагая настоятельно горцамъ дѣйствовать, Шамиль находилъ свое распоряженіе необходимымъ, между прочимъ, для того, чтобы не отнимать у отиѣтчика средствъ къ уплатѣ за пролитую имъ кровь.

Говоря объ этомъ, Шамиль выразился такимъ образомъ:

— Я думалъ, что домъ убійцы совсѣмъ не виноватъ въ томъ, что сдѣлалъ его хозяинъ; а, между тѣмъ, послѣдній поневолѣ долженъ былъ бѣжать изъ деревни, такъ какъ, заплативъ цѣну крови, онъ часто лишался возможности снова устроить свое хозяйство; а еслибъ и смогъ онъ это сдѣлать, то все-таки, новыя постройки кололи бы глаза многимъ, да и хозяину ихъ было бы не совсѣмъ ловко.

Всѣ прочія постановленія шарріата, введенныя Шамилемъ, заключались въ слѣдующемъ:

Родственникъ убитого могъ, если имѣлъ возможность, управиться съ убійцею самъ, то есть или убить его, или взять цѣну крови, не обращаясь къ посредничеству начальства. Но, въ первомъ случаѣ, онъ обязывался представить доказательство того, что поступилъ основательно. Гораздо было для него выгоднѣе заявить свою обиду начальству: тогда, если убійца не успѣвалъ скрыться, его брали и отдавали въ руки мстителя, предложивъ напередъ послѣднему взять цѣну крови. Если же убійца скрывался, то свѣдѣнія о немъ сообщались во всѣ наибства, съ требованіемъ высылки его въ свое мѣсто тотчасъ, какъ будетъ пойманъ. Кромѣ того, кровомститель имѣлъ право отправиться на розыски самъ, и ему предоставлялись тогда отъ начальства всякія къ тому средства.

Въ отношеніи малолѣтнихъ кровомстителей, постановленія остались тѣ же. Шамиль дополнилъ ихъ только тѣмъ, что вмѣнилъ воспитателямъ въ непремѣнную обязанность впущать своимъ питомцамъ желаніе окончить дѣло миролюбиво; отиѣтчиковъ также обязалъ употреблять къ тому всѣ свои старанія и, кромѣ того, учредилъ за ними бдительный надзоръ, лишившій ихъ возможности уклониться отъ должной отвѣтственности.

Цѣна крови по шарріату обозначалась слѣдующею таксою: за всякаго мусульманина убійца долженъ былъ заплатить сто

верблюдовъ, или деньгами восемьдесятъ тумановъ (800 руб. сер.); за иновѣрца третью часть этой суммы; за плѣннаго (иновѣрца) (*) ответственности совсѣмъ нѣтъ, исключая той платы, которою убійца долженъ былъ удовлетворить хозяина жертвы, по взаимному соглашенію. Плата всегда была ничтожна. Цѣна крови была одинакова для всякаго пола, возраста и званія.

Кровомститель могъ взять цѣну крови и меньше установленной. Еслижъ убійца не соглашался или не въ состояніи былъ заплатить требуемой суммы, а мститель не желалъ оказать ему снисхожденія, то перваго предавали въ руки послѣдняго, который немедленно лишалъ его жизни. Исполнивъ это или же взявъ цѣну крови, кровомститель считался вполне удовлетвореннымъ.

Исключеній изъ этихъ правилъ не было ни для богатого, ни для сильнаго, ни для наиба, ни для самого имама.

Если кровомститель, представивъ рѣшеніе своего дѣла начальству, имѣлъ причины быть недовольнымъ его распоряженіями относительно розысковъ убійцы, медленности или несправедливости приговора, то жаловался начальству высшему и наконецъ имаму, отъ котораго исходили повелѣнія, не допускавшія отлагательства и не встрѣчавшія ни апелляцій, ни ропота на несправедливость рѣшенія.

Замѣтное уменьшеніе процессовъ по дѣламъ кровомщенія и, напротивъ того, увеличеніе числа случаевъ миролюбиваго окончанія ихъ показали, что мѣры, принятыя Шамилемъ, были очень дѣйствительны и что реформаторъ въ совершенствѣ зналъ духъ своего народа и насквозь проникнулъ всѣ особенности его характера.

Одно, въ чемъ можно было бы его упрекнуть, это — равнодушіе, съ которымъ, попрежнему, смотрѣлъ у него законъ на первую пролитую кровь; но, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ принять въ соображеніе: что Шамиль—горецъ и происхожденіе свое заявилъ повтореніемъ правила Корана: «всякая пролитая кровь требуетъ для своего возмездія крови же». Необходимость такого возмездія подтверждалась, повидимому, и собственнымъ его взглядомъ, признававшимъ смертную казнь самую дѣйствительную мѣрою противъ легкомыслія, съ которымъ горцы другъ друга рѣзали. Наконецъ, еслибъ Шамиль и вздумалъ подвергнуть престу-

(*) За плѣннаго мусульманина тѣ же восемьдесятъ тумановъ.

плениа этого рода исключительно преслѣдованію закона, то вѣдь для этого ему необходимы были большія средства: по меньшей мѣрѣ, онъ долженъ былъ бы содержать многочисленную и правильно организованную полицію, что, при условіяхъ, окружавшихъ немирной край въ его время, было невозможно. Сверхъ того (кромѣ невозможности обзавестись подобными средствами), Шамиль находилъ, что самымъ лучшимъ сыщикомъ и самымъ строгимъ судьей въ дѣлахъ подобнаго рода можетъ быть только тотъ, кто въ происшедшемъ случаѣ больше всѣхъ заинтересованъ. Такимъ образомъ, въ дѣлахъ кровомщенія, законъ оставался у него, попрежнему, глухъ и слѣпъ до тѣхъ поръ, пока о совершенномъ преступленіи онъ не узнавалъ отъ прямыхъ наслѣдниковъ убитаго. Но за то тогда энергія его проявлялась съ быстротою и силою, возможными только для тѣхъ народовъ, которые не знакомы еще съ канцелярскимъ порядкомъ и съ формами бумажнаго дѣлопроизводства.

А. РУНОВСКІЙ.

ШАМИЛЬ ВЪ КАЛУГѢ.

(Изъ записокъ пристава при военно-плѣнномъ.)

Еще задолго до прїѣзда своего семейства, Шамиль неоднократно выказывалъ стремленіе отказаться отъ великосвѣтскаго образа жизни, которому мы съ нимъ предались было въ началѣ нашего пребыванія въ Калугѣ; но милое радушіе калужскаго общества не позволило достигнуть этого намѣренія вполне: къ великому удовольствію прїятеля моего Хаджію, на горизонтѣ общественной жизни добраго города Калуги, весьма нерѣдко появлялись любезныя его сердцу знаменія, въ видѣ именинъ, дней рожденія и другихъ болѣе или менѣе торжественныхъ случаевъ, способныхъ, какъ сначала казалось, вызвать Шамиля на свѣтъ Божій изъ его добровольнаго заточенія въ неприступномъ замкѣ *Ахулио* (*). О всѣхъ предстоявшихъ празднествахъ Хаджію какимъ-то чудомъ узнавалъ всегда заблаговременно и тотчасъ же приступалъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ стоическаго спокойствія своего эфенди (**).

(*) Такъ называлъ, если припомилтъ читатели, въ занимаемомъ Шамилемъ домѣ, третій этажъ его, въ которомъ расположили самъ Шамиль съ своими женою.

(**) Этимъ словомъ горцы обозначаютъ ученаго, уважаемаго или, вообще, извѣстнаго своими заслугами человека. Въ другомъ смыслѣ, «эфенди» значитъ, просто, господинъ, и съ этимъ словомъ обращаются, обыкновенно, изъ вѣжливости ко всякому знакомому и незнакомому человѣку.

Обыкновенно, онъ начинать съ меня. Сдѣлавъ предварительное вступленіе, конечно, не имѣвшее ничего общаго съ предметомъ, который занимать его, Хаджіо подвигался къ нему окольными дорогами, какъ ему, казалось, совѣмъ незамѣтно, и ужь потомъ заканчивалъ такимъ или почти такимъ воззваніемъ:

— Какой завтра большой праздникъ у васъ!

— Какой же это праздникъ? спрашивалъ я, вначалѣ съ немалымъ удивленіемъ, зная, что, въ это время года, кромѣ Рождества, нѣтъ большихъ праздниковъ.

Оказывалось, что завтра или день рожденія Софы, Лизаветы, Алескандера, или кого нибудь другаго изъ нашихъ знакомыхъ; или же именинница Варвара, именинникъ Николай, или, наконецъ, что нибудь другое въ этомъ родѣ, но тоже праздникъ, большой праздникъ, «удлу-байрамъ».

Въ скоромъ времени, съ тактикою Хаджіо я хорошо ознакомился, и ужь на вопросъ его о завтрашнемъ праздникѣ, обыкновенно, отвѣчалъ вопросомъ же:

— А что, тебѣ, вѣрно, хочется туда поѣхать?

— Конѣ сюзъ, очень хочу! отвѣчалъ мюридъ, — и умные глаза его блистали вождельніемъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало: поѣзжай!

— Шамилю сказать надо: можетъ быть, и онъ поѣдетъ, отвѣчалъ Хаджіо, показывая видъ, что онъ очень заботится о доставленіи своему имаму подобныхъ удовольствій.

Но это было ничто иное, какъ лицемеріе, потому что Хаджіо никогда не чувствовалъ себя до такой степени стѣсненнымъ, какъ въ то время, когда находился въ обществѣ вмѣстѣ съ Шамилемъ и когда, къ особенному удивленію своихъ знакомыхъ, онъ, обыкновенно, превращался изъ браваго, развязнаго горца въ какую-то мокрую курицу, не смѣвшую ни на шагъ отойти отъ своего величаваго владыки или выразить свои ощущенія болѣе или менѣе громкимъ кудактаніемъ. Въ эти минуты, Хаджіо рѣшительно былъ не узнаваемъ, и его знакомые имѣли полное право приписывать происшедшую съ нимъ метаморфозу какой нибудь черной кошки, пробѣжавшей между ними и симпатичнымъ мюридомъ. Увы! они тогда не знали, что вся эта общительность, разговорчивость и развязность Хаджіо съ прекраснымъ поломъ есть величайшій харамъ, то есть «вредъ», «зло» или

вообще, дѣло, наименѣе удобнымъ образомъ запрещенное шарріатомъ, а слѣдовательно ненавистное и для Шамиля, который отъ всей души убѣжденъ, что вѣгъ шарріата человѣчеству нѣтъ спасенія.

Дипломатическіе переговоры со мною Хаджію заключалъ, обыкновенно, похвалою нашему адату, «обычаю», породившему великое множество праздниковъ, которые доставляютъ человѣку возможность такъ весело жить на свѣтѣ.

Не того мнѣнія о нашихъ праздникахъ придерживается Шамиль. Заслышавъ благовѣстъ ко всенощной, хорошо различимый имъ отъ благовѣста къ вечернѣ, онъ всегда обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «какой завтра праздникъ?»

— Такой-то.

— Это, должно быть, большой праздникъ?

— Большой. А ты почему это думаешь?

— Въ большой колоколъ звонятъ... хорошій у него голосъ: даже слышно, какъ онъ говоритъ — «аллаа-гу акбаръ! аллаа-гу акбаръ (*)!... А что, мужики будутъ завтра работать? продолжалъ онъ, худо скрывая свое нетерпѣніе.

— Нѣтъ, не будутъ.

Шамиль пожималъ плечами и продолжалъ свои распросы, въ первое время, принимавшіе оборотъ въ родѣ слѣдующаго:

— А много у васъ большихъ праздниковъ въ году? допытывался онъ.

— Навѣрное не знаю, а что-то много.

— Мужики во всѣ эти праздники не работаютъ?

— Во всѣ.

— Но вѣдь эдакъ они не кончатъ своей работы.

— Какая работа: если слишкомъ сложная, такъ въ одинъ годъ, разумѣется, не кончатъ.

— А мнѣ кажется, еслибъ они работали «каждый» день, то непремѣнно кончили бы.

— Каждый день нельзя работать: и Богъ работалъ только шесть дней... Есть это въ вашихъ книгахъ?

— Есть: въ пятницу (джума) Онъ не работалъ: отдыхалъ.

— По нашимъ книгамъ, въ воскресенье.

— По нашимъ, въ пятницу...

(*) «Великъ Богъ! великъ Богъ!»

— Я думаю, это все равно: вои́тъ, въ еврейскихъ книгахъ написано, что Онъ въ субботу отдыхалъ...

— Правда. Это больше ничего, какъ въ вашихъ книгахъ и въ еврейскихъ книгахъ ошибка есть.

— Можетъ быть. Въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что еслибъ мужики отдыхали только одинъ день въ недѣлю, то садили бы дѣла гораздо больше, чѣмъ теперь, и денегъ больше бъ у нихъ было.

— Это правда; только нельзя же работать въ большіе праздники: это все равно, что работать въ воскресенье, или, по нашему, въ пятницу.

Доводъ мой, повидимому, мало убѣждаетъ Шамиля: возражать на него онъ не возражалъ; но по лицу и по глазамъ его, отражавшимъ легкую иронию, весьма можно было замѣтить, что въ головѣ его бродила мысль, которую слѣдовало перевести не иначе, какъ этой фразой: «эхъ вы, празднoлюбцы! только и думаете о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ работы да предаться вашимъ пляскамъ и другимъ богопротивнымъ увеселеніямъ»...

«Хороши и вы, друзья мои!» думалъ я, любуясь его одушевленною физиономіею: «вы и безъ праздниковъ работаете только шашкой да ружьемъ; работы трудныя — не ваше дѣло: вы возложили ихъ на вашихъ скотовъ да на вашихъ женъ-рабынь, а сами, въ это время, на солнышкѣ грѣтесь...»

Эта нѣмая полемика прекращалась новыми распросами, обнаруживавшими въ Шамилѣ необыкновенную любознательность, но любознательность сдержанную, сосредоточенную, точно какъ будто онъ стыдится ея или опасается доставить своему собесѣднику возможность употребить ее во зло. Впослѣдствіи обнаружилось, что шарріатъ, просто, воспрещаетъ всякаго рода научныя знанія, выходящія изъ предѣловъ религіи.

Дни именинъ возбуждаютъ въ Шамилѣ особенное недоумѣніе. Для него понятно празднoваніе дня рожденія, потому что самъ онъ и всѣ правовѣрные празднуютъ день рожденія своего пророка; но празднoваніе тезоименитства «простыхъ» людей для него рѣшительно непонятно.

— Скажи, пожалуйста, что такое значитъ «именины?» спрашивать онъ у меня.

— Это — день ангела, или святаго человѣка, имя котораго я ношу.

— Что же, этотъ святой человѣкъ родился въ этотъ день?

— Нѣтъ, онъ умеръ въ этотъ день.

— Такъ какъ же вы празднуете его: тутъ надо бы печалиться, что земля лишилась эдакаго хорошаго человѣка.

— Нѣтъ, мы радуемся, что душа этого человѣка соединилась въ этотъ день съ Богомъ: поэтому мы и празднуемъ его.

Шамиль задумался. Думалъ онъ довольно долго, но переварить этой идеи, повидимому, не могъ.

— Вотъ если праздновать именины одного Государя, сказалъ онъ, наконецъ, и потомъ, вдругъ остановился.

Я спросилъ, отчего онъ допускаетъ одинъ этотъ случай.

— Оттого, что имя святаго, подвизавшагося въ прежнія времена, напоминаетъ еще имя великаго человѣка (улау-киши), который дѣлаетъ много добра для многихъ людей; а эти люди должны, мнѣ кажется, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы прославить его и тѣмъ выразить къ нему любовь свою...

Нельзя не согласиться, что Шамиль очень вѣрно понимаетъ отношенія подданныхъ къ своему государю. Но, взглянувъ съ тѣмъ, взглядъ этотъ, въ совокупности съ почтомъ, которымъ всегда пользовались у него люди аристократическаго происхожденія, какъ, напримѣръ, ханы и беки, явно противорѣчитъ началамъ, которыя проповѣдывалъ онъ въ Дагестанѣ и которыя пріобрѣли ему столько популярности, нисколько не уменьшавшейся отъ предпочтенія къ породѣ. Впрочемъ, противорѣчье это составляетъ такую же принадлежность характера Шамиля, какъ и характера народа, въ главѣ котораго онъ стоялъ. Оно можетъ быть объяснено не иначе, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проявлялась его дѣятельность, и при томъ еще условіи, чтобы съ знаніемъ личности Шамиля соединено было знаніе характера и обычая народа. Пока я могу сказать только то, что подобныхъ противорѣчій въ Шамилѣ много и что все они, какъ мнѣ кажется, ничто иное, какъ порожденіе сложныхъ и разнорѣчивыхъ догматовъ религіи и показаній мусульманскихъ книгъ, о которыхъ Шамиль выразился въ такомъ родѣ, что «чѣмъ больше ихъ читаешь, тѣмъ больше читать хочется»... Мимоходомъ сказать, подать о нихъ свое мнѣніе и одинъ изъ членовъ его семейства; только оно выразилось у него нѣсколько иначе: «чѣмъ больше читаешь наши книги — говоритъ онъ — тѣмъ больше мысли путаются и тѣмъ

больше спать хочется». Которое изъ двухъ мнѣній слѣдуетъ назвать болѣе безошибочнымъ, про то Аллахъ вѣдаетъ.

Но возвратимся къ нашему Хаджію, который, узнавъ отъ меня, что, по «нашимъ» обычаямъ (о своихъ онъ не хлопоталъ), ѣхать туда-то весьма можно, если только есть на то охота, отправляясь послѣ того обдѣлывать свои дѣлишки «на верхъ» къ Шамилю. Не разъ случалось мнѣ присутствовать при этихъ переговорахъ; но еще чаще Хаджію передавалъ мнѣ ихъ самъ, находя удовольствіе подѣлиться со мною своею радостію въ случаѣ успѣха, а при неудачѣ — попросить содѣйствія или сошѣта.

Задача, которую мюридъ долженъ былъ разрѣшить, заключалась не въ томъ, чтобы убѣдить Шамиля ѣхать къ однимъ или къ другимъ знакомымъ: онъ навѣрное зналъ, что вечеромъ Шамиль ни за что и никуда не поѣдетъ, за однимъ только исключеніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Что касается утреннихъ или обѣденныхъ визитовъ, отъ которыхъ онъ никогда не отказывается, то тягость эту, по ея кратковременности, Хаджію всегда готовъ былъ перенести съ большимъ самоотверженіемъ. Дѣло же его состояло въ томъ, чтобы устроить себѣ поѣздку на вечеръ, безъ Шамиля, вмѣстѣ съ Грамовымъ, всегдашнимъ товарищемъ его балыныхъ походовъ. Для этого необходимо было получить отъ высшей духовной власти разрѣшеніе, безъ котораго ему казалось, особливо въ первое время, невозможнымъ понасть туда, гдѣ лимонъ хотя и не зрѣютъ, но гдѣ ему было отменно хорошо.

Несмотря на всю простоту этой задачи, разрѣшить ее не такъ было легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Шамиль — глава мюридизма, Хаджію — мюридъ, значитъ оба должны быть первыми и слѣплыми исполнителями указаній шарріата, положительно и строго воспрещающаго, между прочимъ, музыку, танцы и другія бѣсовскія потѣхи, составляющія принадлежность собраній, гдѣ присутствуютъ женщины. Шарріатъ воспрещаетъ мужчинамъ даже быть тамъ, гдѣ есть женщина, а тѣмъ болѣе, если лицо ея не закрыто покрываломъ. За неисполненіе этого, кромѣ лишенія райскихъ удовольствій на томъ свѣтѣ, кромѣ мученій загробной жизни, онъ грозитъ еще бѣдою и въ этомъ мірѣ: «своды зданія, гдѣ происходятъ гакія богопротивныя увеселенія, должны обрушиться и задавить его вмѣстѣ съ

товарищами его непристойныхъ дѣлъ» (*). Если жь этого, положимъ, и не случится, то, во всякомъ случаѣ, ему не миновать ямы или какого либо другаго наказанія.

Отправляясь къ Шамилю толковать о дѣлахъ этого міра, Хаджію всегда готовился выслушать болѣе или менѣе длинную проповѣдь, на тему, образчикъ которой приведенъ выше. Онъ зналъ, что простота и ясность этой логики не требуетъ и не терпитъ возраженій; слѣдовательно, ему цѣлѣбно было запастись доводами совсѣмъ другаго свойства, которыми можно было бы доказывать неизбѣжность предстоящей поѣздки. Это было трудно. Но праздничная натура мюрида, или, вѣрнѣе, развившеся въ немъ пристрастіе къ нашимъ обычаямъ и самая искренняя задушевная симпатія къ Русскимъ, сильно изощрили его изобрѣтательность, и онъ, до нѣкотораго времени, не зналъ отказа въ своихъ представленіяхъ.

Большею частію, онъ дѣйствовалъ на Шамиля оружіемъ, противъ котораго въ шарріатѣ ничего худаго не сказано: онъ говорилъ о дружески-безкорыстномъ расположеніи къ нимъ всей Калуги вообще и ихъ знакомыхъ въ особенности, потомъ упоминалъ о существующемъ у Русскихъ обычѣ, правда, довольно странномъ, но, какъ ему кажется, совсѣмъ безвредномъ — посѣщать знакомыхъ вечеромъ, а особливо въ дни торжественные, подобные именинамъ, безъ чего, по его словамъ, легко можно возбудить въ знакомыхъ подозрѣніе въ неудовольствіи, которое «мы», по какому либо случаю, къ нимъ питаемъ.

Шамиль этимъ убѣждался и только сѣтовалъ на то, что, сверхъ всякаго желанія съ своей стороны, онъ можетъ возбудить противъ себя неудовольствіе въ людяхъ, которые выказали ему такъ много симпатіи. Но хитрый мюридъ, который только и дожидался этого сѣтованія, спѣшилъ успокоивать его увѣреніями, что въ этомъ русскомъ обычѣ есть два исключенія: въ пользу старыхъ людей вообще и въ пользу его, Шамиля, въ особенности, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ — потому, что знакомые «наши» вполне убѣдились, до какой степени обременительны вечернія собранія для него, который, въ продолженіе

(*) Шарріатъ предоставляет въ пользу танцевъ одно исключеніе — свадьбу. Но Шамиль своею имамскою властью отвергнулъ и это исключеніе.

своей жизни, привыкъ ложиться спать вмѣстѣ съ природою, а вставать даже и раньше ея.

Наконецъ доводы Хаджіо увѣчивались блистательнымъ успѣхомъ: онъ получалъ приказаніе ѣхать на вечеръ, передать хозяину саламъ—«поклоны»—отъ Шамиля и принести извиненіе въ томъ, что, по случаю болѣзни и немощей, онъ не могъ воспользоваться полученнымъ приглашеніемъ.

Съ сіяющимъ лицомъ возвращался Хаджіо отъ Шамиля ко мнѣ.

— Вѣрь-дуръ (*), «естъ!» говорилъ онъ, чуть не прыгалъ отъ радости: — Шамиль фурманъ бѣрды! (**). Вечеромъ мнѣ очень весело будетъ!...

— А Шамиль поѣдетъ? спрашивалъ я.

— Іохъ, имамъ старѣйшій человѣкъ, съ комическою важностію отвѣчалъ онъ: — затѣмъ онъ поѣдетъ? Я велѣлъ ему остаться дома.

— Скажи, пожалуйста, Хаджіо, говорилъ я ему: — отчего тебя такъ тянетъ въ наши собранія? Ты вотъ мюридъ, стало быть долженъ смотрѣть на нихъ какъ на дѣло нехорошее, потому что оно запрещено шарріатомъ. Потомъ—ты не привыкъ ни къ такому многолюдству, ни къ присутствію женщинъ, ни ко всѣмъ прочимъ условіямъ нашей общественной жизни: тебѣ, по моему расчету, должно быть очень неловко въ нашихъ собраніяхъ.

— Валла (***), съ увѣченіемъ отвѣчалъ Хаджіо:—въ вашихъ собраніяхъ мнѣ гораздо ловче, чѣмъ было въ Гунибѣ.... Ваши мужчины такъ обходительны, ваши дамы и дѣвицы такъ добры и привѣтливы, что даже глупый человѣкъ въ ихъ обществѣ поумнѣетъ, а всякому другому не захочется разстаться съ ними ни на минуту: такой хорошій народъ!.... А насчетъ шарріата я тебѣ скажу то, что прежде говорилъ: онъ запрещаетъ все хонное и позволяетъ все дурное...

(*) «Есть», по кумыски, «варъ» (нѣкоторые племена на Кавказѣ выговариваютъ «варъ»). Слово дуръ, произнесенное отдѣльно, выражаетъ подтвержденіе чинихъ нибудь словъ: «да», «такъ» и т. п. Приставленное же къ другому слову, оно получаетъ значеніе французскаго вспомогательнаго глагола *est*: «лхши-дуръ»—хорошо; «лманъ-дуръ»—дурно, и т. д. Иногда дуръ обращается въ туръ: «Абадзехъ-туръ» — Абадзехъ; іохъ-туръ — итъ, и т. п.

(**) «Имамъ позволеніе далъ».

(***) «Ей-Богу».

Мюридъ говорилъ эти въ ужасъ приводящія слова безъ всякаго жеманства, безъ всякаго желанія поцѣголять своимъ невѣріемъ: онъ говорилъ ихъ просто, съ видомъ глубокаго убѣжденія, ясно отражавшагося на его выразительномъ лицѣ и въ его умныхъ глазахъ. Миѣ кажется, еслибъ можно было услышать такой же задушевный отзывъ еще отъ нѣсколькихъ человѣкъ, подобныхъ нашему Хаджію, то нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія зарождающагося общества возстановленія христіанства на Кавказѣ не встрѣтятъ на своемъ пути препятствій неодолимыхъ, а, напротивъ, можно смѣло ожидать, что успѣхи его будутъ скоры и удовлетворительны. Ибо шарріата, двадцать-семь лѣтъ давившее своею тяжестью горцевъ, двадцать-семь лѣтъ отнимавшее у нихъ средства къ самосознанію и притуплявшее всякія человѣческія чувства, теперь кончилось. Оно до такой степени опротивѣло имъ, что больше, конечно, не повторится. Изъ-подъ этой-то эгиды и выйдетъ множество людей, подобныхъ нашему Хаджію. Въ ней-то и заключается главнѣйшимъ образомъ залогъ будущихъ успѣховъ нашихъ духовныхъ миссій на Кавказѣ...

— Такъ хорошимъ народомъ кажутся тебѣ Русскіе? спрашивалъ я Хаджію, въ заключеніе разговора о предстоявшемъ ему наслажденіи.

Мюридъ долго не могъ отвѣтить на мой вопросъ: ему и хотѣлось сказать что-то, но видно было, что отъ внутренняго волненія онъ совсѣмъ захлебывался.

— Валла!... заговорилъ онъ наконецъ, довольно безсвязно: — что за народъ!.... гамисэ (*) хорошій народъ!.... Аллахъ, Аллахъ! зачѣмъ въ горахъ говорили, что Русскіе пехорошій народъ!...

Однимъ словомъ, Хаджію былъ совершенно счастливъ тѣмъ, что имѣлъ возможность безъ особеннаго труда удовлетворять потребностямъ своей переродившейся, почти совсѣмъ обрусѣвшей натуры. Но... «на счастье прочно всякъ надежду кинь»... Слишкомъ легкіе успѣхи усыпили обычную осторожность мюрида: въ доводахъ своихъ, которыми слѣдовало убѣдить Шамиля относительно того или другаго предмета, онъ сдѣлался однообразенъ; а, между тѣмъ, волосы на его головѣ росли не по днямъ,

(*) «Гамисэ» — «все до одного», «безъ исключенія».

а по часамъ, и съ каждымъ днемъ становились все длиннѣе и длиннѣе; отъ этихъ волосъ разносился какой-то запахъ, дѣйствительно, пріятный, но, тѣмъ не менѣе, никогда не разносившійся въ жилищѣ Шамиля и никогда не поражавшій его обонянія прежде. Подобный же запахъ исходилъ и отъ мюридова платка, который изъ маленькой дырявой и никуда не годной ветошки, завезенной имъ съ Гуниба, въ одинъ прекрасный день, превратился въ большой кусокъ чудеснаго батиста. Такая же метаморфоза ежедневно происходила и съ его часовой цѣпочкою: мѣдная, черная за обѣдомъ, къ вечеру она превращалась въ блестящую массивную цѣпь, сдѣланную изъ настоящаго золота «галунъ», а не изъ того, которое называется «самоваръ - золото». Стройная фигура Хаджіо, повидимому, была облечена, совершенно во вкусъ шарріата, въ заплатанный, затасканный, изодраный ахалукъ; но, какъ ни старался владѣлецъ его подбирать въ виду Шамиля свои лохмотья, сквозь дырявыя мѣста этого отрезья довольно ясно просвѣчивался другой ахалукъ, темно-краснаго цвѣта, густо обшитый золотымъ галуномъ, атласный, великолѣпный. Въ довершеніе всего, обѣ руки Хаджіо украсились браслетами, а на одномъ изъ его пальцевъ появилось «колечко съ сердечкомъ, прозеннымъ стрѣлой».

Столь радикальное преобразованіе въ наружности Хаджіо дѣлало его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Превращенія этого могъ не замѣтить только слѣпой, да еще Шамиль, занятый дѣлами совсѣмъ иного міра. Но и онъ, сидя за обѣдомъ, перѣдко начиналъ водить носомъ по воздуху, замѣчая въ немъ какую-то особенность, не имѣвшую ничего общаго съ запахомъ подаваемыхъ блюдъ. Вначалѣ онъ обратился съ своимъ недоумѣніемъ къ Хаджіо, который для перваго раза разрѣшилъ его довольно неудачно, сославшись на какой-то, впрочемъ, превкусный, соусъ. Подозрительный взглядъ и легкое покачиванье головою показали ему, что онъ хватилъ ужъ слишкомъ далеко: бѣдный мюридъ покраснѣлъ до ушей и до того потерялся, что чуть-чуть не выдалъ себя головою. Дѣло было плохо: харамъ, «зло», обуявшее его съ головы до ногъ, совсѣмъ готово было обнаружиться, а при томъ не замедлили бы обнаружиться и послѣдствія столь ужаснаго открытія. Богъ знаетъ, какую форму приняли бы они въ Калугѣ; но достоверно то, что еслибъ открытіе это было сдѣлано годъ тому назадъ, въ Веденѣ, то глава благообразнаго

Хаджію неотвѣнно подлежала бы утѣшительная. Да и теперь положеніе его требовало поспѣшной помощи. Встрѣтивъ влажный умоляющій его взглядъ, я обратился къ Шамилю и тотчасъ же объяснилъ, что замѣченный имъ харамъ исходитъ не отъ соуса, а отъ моего платка. Собесѣдникъ мой успокоился и только спросилъ, изъ чего «это» дѣлается, а потомъ, узнавъ, изъ чего, выразилъ искреннее сожалѣніе, что такой хорошій народъ, какъ Русскіе, оскверняютъ себя такими вредными веществами, каковы, напримѣръ, спиртъ.

Выраженію благодарности Хаджію не было конца. Тѣмъ не менѣе, этотъ и многіе другіе случаи не обратили его къ прежней осторожности.

Однажды всѣ мы трое были на именинномъ вечерѣ у предводителя калужскаго дворянства, г. Щукина, представляющаго собою именно то исключеніе, о которомъ было сказано выше, по разъясненіе котораго послѣдуетъ все-таки ниже. Въ продолженіе всего вечера, Шамиль находился подъ вліяніемъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, которыхъ не могли отравить ни продолжительность непривычнаго бѣднѣ, ни музыка и танцы, ни присутствіе множества прекрасныхъ враговъ его, одѣтыхъ *décolté*. Онъ сидѣлъ въ переднемъ концѣ танцевальной залы, съ маленькимъ сыномъ хозяина на колѣняхъ, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что передъ нимъ происходило. Всмотриваясь тогда въ его физіономію и слушая, съ какою искренностію хвалилъ онъ наши общественныя развлечения, я серьезно начиналъ раздумывать о возможности акклиматизаціи этого дѣвственнаго кавказскаго растенія въ нашемъ суровомъ климатѣ, на нашей отоцавшей почвѣ. Нелѣпость такого предположенія теряла до нѣкоторой степени этотъ характеръ въ то время, когда, возвращаясь, въ два часа почи домой, я услышалъ новую похвалу нашей общественной жизни и потомъ вопросъ: будутъ ли такіе вечера и впослѣдствіи? Утвердительный отвѣтъ, повидимому, былъ очень пріятенъ Шамилю; но вдругъ Хаджію, озаренный счастливою мыслью обратить настроеніе это въ свою пользу, а можетъ быть, просто, желая выразить собственныя впечатлѣнія этого вечера, обратился къ нему съ замѣчаніемъ на счетъ нѣкоторой невѣрности въ «нашихъ» книгахъ, обещающихъ кучу неприятностей мусульманину, который только явится въ домъ нечестія, не говоря уже объ участіи его въ забавахъ.

— А вотъ, слава Аллаху, заключилъ Хаджіо:—потолки на насъ не обрушились, и мы до сихъ поръ здоровы и невредимы.

Шамиль ни слова на это не отвѣтилъ. Онъ только метнулъ своимъ взглядомъ, и блескъ свѣтившей впереди насъ луны сообщилъ ему еще больше выразительности. Мюриду сдѣлалось какъ будто очень неловко; но, сообразивъ, вѣроятно, что это было въ Калугѣ, а не въ Дарго, онъ скоро успокоился.

Однако, съ этихъ поръ Хаджіо пересталъ уже помышлять о «фурманѣ». Въѣсто того, онъ съ особеннымъ усердіемъ принялся за книги: читалъ ихъ самъ, слушалъ чтеніе и толкованія Шамиля или помогать ему дѣлать нужныя въ нихъ справки. Конечно, ничѣмъ другимъ не могъ онъ угодить ему такъ, какъ подобнымъ стремленіемъ. Но Хаджіо этимъ не ограничивался: выказывая симпатію къ дѣлу, на которомъ сосредоточивалась вся жизнь Шамиля, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, окружилъ его самыми нѣжными, сыновними попеченіями. Результаты этихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться въ весьма непродолжительномъ времени: Шамиль не только позабылъ о вольнодумствѣ мюрида и о поднесенной имъ пиллѣ, но и въ обращеніи своемъ началъ выказывать ему еще больше довѣрія, еще болѣе ласки.

Такой оборотъ дѣла въ особенности былъ пріятенъ для меня: добрыя отношенія между бывшимъ имамомъ и его мюридомъ необходимы были, между прочимъ, для того, чтобъ устранить изъ нашихъ бесѣдъ принужденность, конечно, въ первое время, почти неизбѣжную, но, во всякомъ случаѣ, обременительную для обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, при условіи противоположномъ, бесѣды наши должны быть не только разнообразны, но и пріятны для главнаго и самаго интереснаго изъ собесѣдниковъ. Такъ, дѣйствительно, это было съ самаго начала нашихъ сношеній, такъ оно ведется и теперь, когда время разъяснило Шамилю наши взаимныя отношенія и тѣмъ самымъ сдѣлало отъѣздъ мюрида на Кавказъ не столь ощутительнымъ собственно для меня. Во всякомъ случаѣ, Хаджіо былъ главнымъ дѣятелемъ въ достиженіи указанной правительствомъ цѣли: «удалить отъ Шамиля всякое, самое ничтожное стѣсненіе».

Не менѣе дѣятельное участіе принималъ мюридъ и въ нашихъ бесѣдахъ: искусно сдѣланный имъ оборотъ въ разговорѣ, иногда самымъ обыкновеннымъ, наводилъ Шамиля на воспоминанія о дѣлахъ давно или недавно минувшихъ дней, и онъ съ видимымъ

удовольствіемъ передавалъ намъ все, что хранилось въ его необыкновенной памяти. Избѣгалъ онъ только разсказовъ о собственныхъ подвигахъ и если ужъ непременно приходилось говорить о нихъ, тогда онъ возлагалъ эту обязанность на Хаджію (внослѣдствіи на сыновей), а самъ только подтверждать или отрицать сообщенные ими факты. Интересно было смотрѣть, въ это время, на него, смущеннаго, словно юноша на первомъ свиданіи: каждый свой подвигъ, каждый фактъ, выставившій его личность въ выгодномъ свѣтѣ, онъ старался ослабить въ значеніи, истолковать самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, или сложить съ себя главную заслугу и приписать ее кому нибудь другому. И сколько наивной, чисто-дѣтской скромности заключается въ словахъ, которыми почти всегда сопровождаются подобныя отговорки!

— Нѣтъ, возражалъ онъ, съ замѣтною несвязностію: — это такъ.... Богу было угодно — оно такъ и случилось.... Но я не знаю, зачѣмъ объ этомъ говорить: это такое мелкое дѣло, что не стоитъ и поминать о немъ....

Скромность эта много мѣшала мнѣ выслѣдить надлежащимъ образомъ подробности прежней жизни Шамиля, которыми она, должно быть, очень богата. Къ сожалѣнію, недостатокъ этотъ долженъ отразиться и на будущей біографіи знаменитаго горца.

Другое дѣло—его политическая дѣятельность: здѣсь онъ былъ, какъ это, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, вполне откровененъ. Подкрѣпляя достовѣрность однихъ фактовъ болѣе или менѣе убѣдительными доводами, онъ предоставлялъ подтвержденіе другихъ, способныхъ показаться голословными, населенію покореннаго края, гдѣ еще такъ много есть людей, хорошо знакомыхъ и съ личностію Шамиля и со всѣми его дѣйствіями.

Все это заключаетъ въ себѣ очень много интереса, и я приведу теперь подробности нашихъ бесѣдъ, до времени пріѣзда въ Калугу семейства плѣнника. Начну съ военныхъ средствъ, способствовавшихъ Шамилю къ защитѣ края. Статья, помѣщенная во 2 № «Сборника», была закончена литьемъ артиллерійскихъ орудій; теперь мы будемъ говорить о производствѣ пороха.

Во всѣхъ обществахъ Дагестана, признававшихъ власть Шамиля, не было деревни, въ которой не выдѣлывали бы пороха сами жители для собственнаго употребленія и очень рѣдко для продажи своимъ болѣе лѣнливымъ односельцамъ.

Чеченцы, за весьма немногими исключеніями, не умѣли выдѣлывать пороха; поэтому они вымѣнивали его у Дагестанцевъ, отдавая за одинъ патронъ пороха двѣ пули.

Употребляемый въ Дагестанѣ способъ выдѣлки пороха можно назвать первобытнымъ: въ каждомъ аулѣ, на площади, служащей жителямъ сборнымъ пунктомъ для торга, мѣны и джигитовки, всегда есть подлѣ мечети огромный камень, съ выдолбленною въ срединѣ его довольно глубокою ямою, такъ что онъ представляетъ собою грубо сдѣланную ступку. Каждый горецъ, нуждаясь въ порохѣ, беретъ нужные для того матеріалы, кладетъ ихъ въ общественную ступку, придвигаетъ къ ней другой камень и, укрѣпивъ на немъ рычагъ, приводитъ его, съ помощію товарищей, въ движеніе.

Рычагъ этотъ есть длинный деревянный брусъ, къ верхнему концу котораго придѣланъ деревянный же пестъ. При дѣйствіи рычага, этотъ пестъ раздробляетъ селитру, сѣру и уголь и обрабатываетъ ихъ наконецъ въ порошокъ. Чрезъ впрыскиванія водою, порошокъ обращается въ тѣсто, которое перекладываютъ въ мѣшокъ, сшитый изъ невыдѣланной кожи. Усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, мѣшокъ этотъ приводится въ быстрое движеніе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока изъ тѣста не образуются зерна. Тогда ихъ пересыпаютъ въ рѣшето и просѣиваютъ; послѣ чего они обращаются въ зерна болѣе мелкія, которыя и составляютъ порохъ, окончательно готовый. Остающееся въ рѣшетѣ тѣсто выкладывается обратно въ мѣшокъ и снова подвергается трясенію.

Приготовленный посредствомъ такого процесса порохъ имѣетъ форму чрезвычайно разнообразную и цвѣтъ буро-зеленый, при небольшой сырости подвергается порчѣ, а при сжигеніи оставляетъ послѣ себя много копоти. Полировка пороха горцамъ не извѣстна; составныя его части не всегда кладутся въ надлежащей пропорціи. Отъ этого выдѣлываемый ими порохъ не имѣетъ ни опредѣленной формы, ни должной прочности и вообще рѣдко бываетъ хорошаго качества.

Выдѣлка пороха, въ большихъ размѣрахъ, производилась, въ послѣднее время, на трехъ заводахъ: въ Гүнибѣ, Унцукулѣ и въ Веденѣ. Четвертый заводъ находился въ прежней резиденціи Шамиля — Дарго; но заводъ этотъ, вмѣстѣ съ ауломъ, разоренъ княземъ Воронцовымъ, въ 1845 году.

Веденскимъ пороховымъ заводомъ управлялъ тотъ же Джаб-

рантъ-Хаджію, который распоряжался и литьемъ орудій. Устройство и выдѣлка пороха производились подѣ его личнымъ надзоромъ и руководствомъ.

Веденскій пороховой заводъ былъ ничто иное, какъ длинный деревянный двухъ-этажный сарай, верхній этажъ котораго составляла мельница съ деревянными жерновами, приводимыми въ движеніе водою, изъ нарочно проведенной чрезъ заводъ канавы. На протяженіи двухъ длинныхъ фасовъ нижняго этажа были установлены 24 каменные ступы, по 12 съ каждаго фаса. При этихъ ступахъ были устроены рычаги съ тяжелыми деревянными пестами, обитыми листовою мѣдью. Рычаги приводились въ движеніе тоже посредствомъ водяныхъ приводовъ.

Сѣра, селитра и уголь, истерты мельничными жерновами, перенеслись внизъ, въ каменные ступы, гдѣ, посредствомъ рычаговъ, окончательно обращались въ мякоть. Тогда ее вынимали изъ ступъ, вспрыскивали водою и клали въ длинные большіе деревянные бочки, которыя послѣ этого катали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Мякоть разбивалась на зерна; зерна пересыпали въ рѣшета, устроенныя въ особыхъ каморкахъ, здѣсь же, внутри сарая. Просѣянные зерна составляли готовый порохъ, а оставшіеся въ рѣшетахъ обращались въ бочки и снова подвергались катанію.

Приготовлявшійся на заводахъ порохъ очень немногимъ отличался отъ того, который выдѣлывается частными людьми, и въ качествѣ своемъ нѣрѣдко бывалъ ниже его.

Заводскій порохъ отпускался только мюридамъ, окружавшимъ Шамиля, и жителямъ собственно Веденскаго аула. Кромѣ того, Шамиль разсылалъ порохъ къ своимъ панбамъ, для раздачи состоявшимъ при нихъ мюридамъ.

Весь процессъ выдѣлки пороха продолжался пять дней, въ теченіе которыхъ приготовлялось пять сабу пороха (*).

Вокругъ здаціи завода было нѣсколько отдѣльных построекъ меньшихъ размѣровъ, служившихъ для сылада пороха и сырыхъ матеріаловъ, а также для жительства заводскимъ надзирателямъ и сторожамъ.

(*) Единницею мѣры вѣстимости, въ Аваріи, принимается пригоршня—«мудъ». Четыре муда составляютъ «сахъ», пять сахъ—«калц» (по аварски), или «сабу» (по кумыскин). Разсчитывая эту мѣру на вѣсъ и принимая пригоршню за одинъ фунтъ, окажется, что веденскій заводъ давалъ ежегодно около 190 пудовъ пороха.

Невдалекѣ отъ заводскихъ строеній стояла казарма для рабочихъ; немного дальше—кварталъ бѣглыхъ солдатъ холостыхъ. Семейные, принявшіе исламъ, жили своими домами отдѣльно. Самый заводъ отстоялъ только на пистолетный выстрѣлъ отъ жилища Шамиля и отдѣлялся отъ него глубокою балкою (оврагомъ).

Богатые мѣсторожденія сѣры находятся въ окрестностяхъ Черката, Шубута и Киккуна, а также и въ горахъ хребта Арактау. Каждый желающій могъ брать ее сколько угодно. Для пороховыхъ заводовъ она добывалась и доставлялась жителями названныхъ мѣстъ. Обязанность эту Шамиль возложилъ на нихъ вмѣсто военной повинности.

Потребная для производства пороха селитра доставлялась на заводы жителями пяти деревень: Т'лохъ и Муно-Хиндалальскаго общества; Гунибъ, Оточъ и Хиндакъ—Андаляльскаго общества. Всѣ эти люди — лучшіе во всемъ Дагестанѣ работники для тяжелыхъ земляныхъ работъ, но совершенно не способны къ военному дѣлу. Съ незапамятныхъ временъ занимаются они производствомъ селитры, довольствуя ею весь немирной край и получая чрезъ то средства къ жизни. Условія, на которыхъ доставляли они селитру Шамилю, были очень выгодны: кромѣ освобожденія отъ военной повинности, они еще получали изъ общественной казны по полтора рубля въ годъ на каждое семейство. Если жъ обязательнаго количества селитры оказывалось недостаточнымъ, то имъ выдавалась изъ той же казны особенная плата по условію. Но въ случаѣ противоположномъ, то есть, когда селитры на заводахъ было такъ много, что недостатка въ ней не предвидѣлось на долгое время, тогда производителей ся требовали на войну, въ качествѣ землекопавъ. Въ послѣднее время, они были собраны въ Гунибъ, гдѣ произвели всѣ работы по укрѣпленію его.

Изъ артиллерійскихъ снарядовъ у Шамиля отливались ядра и гранаты (въ Веденѣ, Чохѣ и Сугратѣ). Послѣднія имѣли только форму гранаты; снаряжались онѣ рѣдко, а снаряженные—еще рѣже разрывались. Поэтому производство ихъ впоследствии оставлено.

Столь же неудачно готовились ракеты. Все это происходило, конечно, отъ неумѣнья горцевъ обращаться съ дѣломъ, которое они изучали нагляднымъ образомъ отъ нашихъ бѣгле-

цовъ, и потомъ, приглядѣвшись мало-малыски къ ихъ пріемамъ, обыкновенно, свѣшили удалить своихъ учителей.

Отливкою, или, вѣрнѣе, переливкою ядеръ занималось нѣсколько мастеровъ и между ними знакомецъ нашъ, пресловутый Хидатлі-Магома, предложившій Шамилю обзавестись кожанною артиллерією. Потребнаго для ядеръ металла горы у себя не имѣли, а употребляли для этого наши ядра и гранатныя осколки, которыми поля и лѣса немирнаго края весьма изобиловали. Собираніемъ ихъ горы занимались съ большою охотою, находя въ этомъ и пользу и удовольствіе. Обыкновенно, собранныя ядра доставлялись мѣстному наибу, который выдавалъ за нихъ или деньги (если ядра доставлены были въ большомъ количествѣ), или порохъ. Последній способъ уплаты горы (преимущественно Чеченцы) предпочитали первому. Сборомъ ядеръ горы занимались не только по окончаніи сраженія, но и во время его: замѣтивъ катящееся ядро, они бросались на него иногда цѣлою толпою. Каждый изъ нихъ, желая овладѣть этою добычею раньше другаго, старался всѣми силами остановить ядро. Нерѣдко случалось, что ядро оказывалось гранатою, которую тутъ же разрывало, и смѣлые охотники приплачивались иногда за свою охоту жизнью. Но это несколько не останавливало другихъ любителей этой неизвѣстной еще Европейцамъ охоты.

Переливка ядеръ производилась посредствомъ формъ совершенно такъ, какъ льются пули. На одной сторонѣ ядра клалось клеймо съ именемъ Шамиля (Шамуиль), а на другой — съ изреченіемъ: «да возвеличитъ Господь славу его (Шамиля) на многія лѣта».

Выроставшія на поляхъ горцевъ ядра имѣли, кромѣ описаннаго, еще другое примѣненіе: изъ нихъ выдѣлывались для лошадей подковы. Этимъ досужествомъ занимались преимущественно жители Куяды, усвоившіе себѣ еще производство принадлежностей для фабрикаціи фальшивой монеты (золотой). Подковы Куядищовъ (*) славятся такою же добротою, какъ и монета, выходящая изъ-подъ ихъ аппаратовъ: сынъ Шамиля, Магометъ-Шеффи, проѣзжая изъ аула Анди въ Т'лохъ (около ше-

(*) По произношенію Шамиля, выходитъ не «Куядищовъ», а «Куѣдлаппиновъ», отъ слова «Куадалл» — Куадаллнскій (Куядинскій). Собственное же имя селенія онъ выговариваетъ «Куяда», какъ оно значится и на нашихъ картахъ.

стидесяти верстѣ), перемѣнилъ на этомъ пространствѣ пять подковъ, которыя всѣ оказались чугунными. Промышленность эта весьма прибыльна, потому что за четыре подковы и двадцать-четыре гвоздя (по шести на каждую ногу), составляющихъ полный приборъ для горскойковки, обыкновенно, платится отъ 20 — 60 к. сер., тогда какъ за ядро платятъ не свыше десяти копѣекъ.

Ручное холодное оружіе изготовлялось, по мѣрѣ надобности, частными людьми. Отдѣльных же, сколько нибудь замѣчательныхъ заведеній этого рода совсѣмъ не было; а болѣею частію горы дѣйствовали противъ насъ тѣмъ оружіемъ, которое переходило изъ рода въ родъ. Мастера Базалай-отца, искусству котораго мы приписываемъ самое лучшее въ горахъ оружіе, давно нѣтъ; но за то есть цѣлая деревня Базалаевъ. Ихъ много есть и въ другихъ обществахъ. Всѣ они выставляютъ на своихъ издѣліяхъ одно имя: «Али», т. е. Базалай-отецъ.

Употребляемое горцами ручное оружіе огнестрѣльное болѣею частію крымской или турецкой работы. Но у нихъ есть много и своихъ мастеровъ, между которыми особенною извѣстностію пользуется все тотъ же Хидатли - Магома, дѣлавшій не только превосходные пистолеты, но даже штуцера, и «хотѣвшій» сдѣлать револьверъ по образцу того, который достался по праву войны сыну Шамилъ, Гази-Магомету. Однако, намѣреніе это, за вліятіемъ послѣдняго въ плѣнъ, не состоялось.

Пули собственно горскаго издѣлія, называемыя *аварскими*, отливались изъ мѣди, съ примѣсью олова. Свинцовыя пули переливались изъ русскихъ, добывавшихся такимъ же способомъ, каковымъ добывался чугунъ для ядеръ. Кромѣ того, Шамилъ «разрѣшилъ» покупку свинца у мирныхъ горцевъ, — конечно, тайнымъ образомъ. Но за то онъ запретилъ добывать свинецъ, содержащійся въ одной изъ горъ Укратля. Причину этого онъ объяснилъ мнѣ по поводу предложеннаго мною однажды вопроса: справедливъ ли слухъ, доходившій до меня въ бытность на Кавказѣ, что будто, въ одно время, въ его горахъ нашли серебросвинцовую руду; но когда ему сказали о ней, то онъ запретилъ не только разрабатывать ее, но даже и говорить объ ея существованіи, изъ опасенія, чтобы слухъ о томъ не дошелъ до Русскихъ и не побудилъ бы ихъ къ какому нибудь энергическому противъ него дѣйствію?

Вотъ отвѣтъ Шамиля:

Слухъ о присутствіи въ горахъ серебра ходилъ въ народѣ давно; но онъ распространился съ большою силою въ то время, когда принесли Шамилю кусокъ свинцовой руды, и онъ, замѣтивъ въ ней присутствіе серебра, велѣлъ привезти къ себѣ нѣсколько выюковъ руды, чтобъ имѣть возможность судить о фактѣ съ большою вѣроятностію. Удостоившись, чрезъ выплавку, въ дѣйствительномъ существованіи этого металла, Шамиль тотчасъ же запретилъ разрабатывать руду,—но не для того, однако, чтобы скрыть ее отъ Русскихъ, а собственно потому, что у горцевъ не было ни средствъ къ обработкѣ, ни умѣнья; а главное—чтобы народъ не употребилъ бы во зло дозволенія свободно разрабатывать руду и, бросившись съ жаромъ на это дѣло, не оставилъ бы для него защиты края и хлѣбопашества. Кромѣ того, къ этой мѣрѣ Шамиль былъ побужденъ еще и такимъ предположеніемъ: что если разработка руды удастся горцамъ вполне, и онъ будетъ имѣть возможность чеканить свою собственную монету (чего ему очень хотѣлось), то, по всей вѣроятности, она не принималась бы Русскими и, въ такомъ случаѣ, составила бы почти мертвый капиталъ. Съ другой стороны, еслибы монета и имѣла бы обращеніе между Русскими, то непременно послужила бы поводомъ къ водворенію въ народѣ роскоши и къ развращенію нравовъ; а этого онъ въ особенности опасался, основывая прочность своей власти на спартанскомъ образѣ жизни горцевъ и считая этотъ послѣдній однимъ изъ главныхъ средствъ къ противодѣйствію Русскимъ. Въ устраненіе всякихъ недоразумѣній по поводу разработки серебра, Шамиль запретилъ брать и свинецъ.

Въ заключеніе, собесѣдникъ мой упомянулъ о безтолковщинѣ, существующей въ Дагестанѣ относительно названій различныхъ мѣстностей. И, дѣйствительно, очень можетъ случиться, что не узнаешь названія нужнаго пункта даже и въ то время, когда дойдешь до него. Такъ, напримѣръ, гора, въ которой содержится серебро-свинцовая руда, называется *Хонотль-дагъ*, по имени деревни *Хонотль*, расположенной съ одной стороны горы, именно со стороны Дарго. Такъ называютъ ее самъ Шамиль и всѣ горцы, живущіе по эту сторону Хонотля. Между тѣмъ, Хаджіо

и сынъ Шамиля Газп-Магометъ зовутъ ее *Кхеды-мееръ* (*), по имени деревни Кхеды, расположенной съ противоположной стороны, отъ Караты.

— Много у насъ такихъ безпорядковъ, говорилъ Шамиль, окончивая этотъ разговоръ: — въ однихъ виноваты горцы и ихъ характеръ, въ другихъ—я самъ, потому что, при всемъ желаніи добра, я не зналъ много такого, что было бы полезно странѣ и народу. Наконецъ виновата была и война, при которой невозможно было заняться чѣмъ либо другимъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ привелъ то обстоятельство, что, при всемъ великомъ изобиліи въ горахъ желѣза, горцы должны были пріобрѣтать его отъ Русскихъ: недостатокъ времени съ одной стороны, а невѣжество населенія и его предводителя съ другой составляли, можно сказать, естественное препятствіе для разработки богатыхъ рудъ въ горахъ—близъ Веденя, около прежней его резиденціи, Дарго и въ другихъ мѣстахъ. На все на это не было обращено ни малѣйшаго вниманія, такъ же точно, какъ и на каменный уголь, богатыхъ мѣсторожденій котораго находятся въ окрестностяхъ Веденя, преимущественно по берегамъ рѣки Хулхулу. Объ этомъ послѣднемъ продуктѣ Шамиль даже отозвался такимъ образомъ, что о существованіи его онъ скорѣе слышалъ, нежели знаетъ навѣрное. Изъ этого можно заключить, что едва ли ему извѣстно и употребленіе каменнаго угля.

Вотъ всѣ матеріальныя средства, которыми могъ располагать Шамиль для защиты края противъ непріятеля несравненно сильнѣйшаго. Теперь послушаемъ, что говоритъ Шамиль о существовавшей въ горахъ торговлѣ, которая имѣетъ столь сильное вліяніе на всѣ дѣла страны, въ какихъ бы условіяхъ послѣдняя ни находилась.

Разговоръ о торговлѣ завязался по поводу посѣщенія казачьскаго градскаго главы. Такъ точно составлялись наши бесѣды и по всѣмъ другимъ предметамъ: пріѣдетъ къ Шамилю артиллерійскій офицеръ—онъ спрашиваетъ о нашей артиллеріи; явится солдатъ или крестьянинъ—онъ говоритъ о ручномъ оружіи, о низамѣ, или о халѣбонашествѣ и о житѣи—быть земле-

(*) «Датъ» и «мееръ» означаютъ одно слово—«гора»; датъ—слово кумыкское, а мееръ—аварское.

дѣльцевъ. Свиданія съ дворянами или съ членами разныхъ административныхъ учреждений вызывали его на разговоры о предметахъ, составляющихъ профессію тѣхъ, съ кѣмъ случалось ему бесѣдовать. Не мудрено, что, при посѣщеніи купца, любознательность его возбуждала разговоръ о торговлѣ.

Однако, въ этотъ разъ нельзя было не замѣтить, что Шамиль какъ-то особенно старается умѣрить свое любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто стѣсняется необходимостію высказать свой взглядъ на предметъ разговора. Онъ-таки и не высказалъ его въ присутствіи гостя, но за то, по окончаніи визита, самъ завелъ объ этомъ рѣчь.

Говоря по совѣсти, собесѣдникъ мой обнаруживалъ младенческія понятія о торговлѣ. Какъ членъ семьи, называемой народомъ воннственнымъ, Шамиль смотритъ на торговлю съ весьма неблагоприятной точки зрѣнія, а на коммерческій процентъ взираетъ, какъ на дѣло чисто противозаконное. Взглядъ этотъ вполнѣ раздѣляется и всѣми горцами. Поэтому можно себя представить, въ какомъ застоѣ находилась у нихъ торговля.

Всѣ касающіяся до нея подробности переданы мнѣ Шамилемъ въ слѣдующемъ видѣ:

Принадлежавшаго торговаго сословія не было во всемъ мирномъ краѣ; правилъ для производства торговли никакихъ не существовало, и гильдейскія повинности или какія либо нныя подати съ лицъ, занимавшихся торговлею, были неизвѣстны. Торговой полиціи тоже не было; а всякій споръ покупателя съ продавцомъ рѣшался по шарріату. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, только при особенной недобросовѣстности продавца; большею же частію все это кончалось полюбовною сдѣлкою: возвращеніемъ денегъ, перемѣною товара или добавленіемъ спорной части. Торговцы хорошо сознавали окружавшія ихъ невыгодныя условія и, вѣроятно по этому самому, и были очень добросовѣстны или, по меньшей мѣрѣ, уступчивы. Тѣмъ болѣе это было для нихъ возможно, что въ горахъ не существовало ничего опредѣленнаго для обозначенія цѣнности товара: на вѣсъ продажи совѣсъ не было, а единицею для подобныхъ предметовъ принималась та же «саба», которою измѣрялись и тѣла сыпучія. Правда, что мѣрою протяженія служилъ собственный локоть продавца, но все-таки цѣнность покупаемыхъ предметовъ не извѣстна была потребителямъ. Обыкновенно, дѣло купли совершалось такимъ

образомъ: покупатель дастъ продавцу рубль или другую монету, и требуетъ нужнаго ему товара на эту сумму, не обозначая количества или мѣры: продавецъ знаетъ, сколько нужно отпустить, а если чего неостанетъ, можно прикупить въ другой разъ, соображаясь съ количествомъ товара, отпущеннаго за прежнія деньги.

Столь нехитрый процессъ торговли требовалъ, однако, отъ купцовъ того соображенія, которое у насъ называется «держать ушки на макушкѣ»: покупатели-горцы, опредѣляя цѣнность товаровъ по прежнимъ покупкамъ, не въ состояніи были разсудить, что цѣнность эта, отъ разныхъ причинъ, легко можетъ измѣняться. Поэтому ничего не было удивительнаго, если они ожидали, что предметы потребленія всегда должны держаться въ одной цѣнѣ. Имѣя это въ виду, торговцы находились въ необходимости, при первомъ же дебютѣ, назначить за свой товаръ такую цѣну, которая не могла бы ввести ихъ въ убытокъ, за всѣми переменами ся въ мѣстахъ, откуда пріобрѣтаются предметы торговли.

При такихъ условіяхъ, продавцу, конечно, ничего не стоило сдѣлать небольшую уступку, прекращавшую споръ и избавлявшую его отъ всѣхъ невыгодъ суда и огласки.

Торговлею въ горахъ занимались одни туземцы. Ни Евреи, ни Армяне въ ней не участвовали: первыхъ въ горахъ совсѣмъ не было; а послѣдніе находились въ самомъ незначительномъ числѣ, и не иначе, какъ перебѣжчики или какъ плѣнные.

Занимавшихся торговлею горцевъ было очень немного, и они производили ее въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: отъ 30 — 150 р. сер. годоваго оборота. Весьма немногіе изъ нихъ торговали на 1,000 р. сер. Эти считались миллионерами и были извѣстны въ цѣломъ краѣ; наконецъ, одинъ, именно Муса Казикумухскій, тотъ самый, которому Шамиль поручалъ сосчитать деньги, сдѣдовавшій за выкупъ семействъ князей Чавчавадзе и Орбелиани, производилъ торговлю на сумму отъ 3,000 — 4,000 р. въ годъ, и то потому только, что получалъ отъ Шамиля заимообразно почти всю эту сумму, отпускавшуюся ему въ видахъ поощренія торговли.

Горскіе купцы несли повинности наравнѣ со всѣми и если не участвовали иногда въ военныхъ дѣйствіяхъ, то единственно по случаю экстренныхъ торговыхъ обстоятельствъ, требовав-

нихъ присутствія ихъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ сборныхъ пунктовъ. Призываемые каждый разъ къ Шамилю или къ ближайшему наibu для отвѣта о причинахъ небытности въ экспедиціяхъ, они всегда встрѣчали, въ этомъ случаѣ, снисходительность, которую, однако, впоследствии стали употреблять во зло, уклоняясь отъ военныхъ дѣйствій собственно для сохраненія жизни. Шамиль видѣлъ это, но, сознавая необходимость для края въ людяхъ коммерческихъ, смотрѣлъ на всѣ ихъ отступленія сквозь пальцы. Впрочемъ, возмездіе за это они получали непосредственно отъ своихъ одноплеменниковъ, которые особенно къ нимъ уваженія никогда не питали, справедливо считая ихъ эгоистами въ дѣлѣ, интересовавшемъ всю страну. По замѣчанію Шамиля, это самое равнодушіе, или родъ пренебреженія горцевъ къ людямъ, занимающимся торговлею, и было причиною неразвитія ея въ немирномъ краѣ. Изъ всѣхъ торговцевъ, одинъ только Муса Казикумухскій пользовался общимъ уваженіемъ, за свою безупречную честность, которая сдѣлала его извѣстнымъ не только Шамилю и его наibамъ, но даже нѣкоторымъ кавказскимъ нашимъ начальникамъ. Этотъ Муса, торговавшій все время въ Веденѣ, при началѣ осады его, былъ выпровоженъ оттуда Шамилемъ въ совершенной цѣлости, какъ относительно личности, такъ и его имущества. Теперь онъ живетъ въ Казикумухѣ.

Потребные въ горахъ товары купцы пріобрѣтали въ русскихъ крѣпостяхъ и въ мирныхъ аулахъ, черезъ тамошнихъ жителей или же, по особеннымъ случаямъ, черезъ лазутчиковъ и парламентаревъ. Такъ, во время переговоровъ о выкупѣ семействъ князей Чавчавадзе и Орбелиани, Муса Казикумухскій, съ разрѣшенія нашихъ начальствъ, закупилъ въ Хасавъ-Юртѣ товаровъ болѣе, нежели на 3,000 р. Прочіе же торговцы добывали товаръ съ явною опасностію для жизни, пріѣзжая для этого въ мирные аулы и скрываясь въ домахъ своихъ родственниковъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не кончатъ возложенныхъ на нихъ торговыхъ операцій. Другихъ способовъ для закупки товаровъ горцы не имѣли.

Самое значительное развитіе торговли было болѣе замѣтно въ аулахъ, ближайшихъ къ нашимъ владѣніямъ, именно: въ Чохѣ, Буртунаѣ, Сугратлѣ, Араканахъ, Унцукулѣ и другихъ. Внутри же Дагестана и Чечни (за исключеніемъ аула Ведень) постоянной торговли никогда не было, а производилась она черезъ кочевыхъ

торгашей, имѣвшихъ великое сходство съ нашими коробочниками, или офеями: такъ же, какъ и эти послѣдніе, они развѣзжали по ауламъ на арбахъ, перѣдко на выюкахъ, имѣя у себя товара, какъ сказано выше, на сумму отъ 30 — 150 р. Остатывались въ домахъ своихъ знакомыхъ, они проживали въ каждомъ аулѣ не болѣе четырехъ дней и потомъ ѣхали дальше, пока не продавали всего товара.

Предметъ, требовавшій самаго значительнаго оборота капиталовъ, былъ красный товаръ, и именно: ситецъ, бурмезъ, парча и панка. Фабричное сукно, употреблявшееся нѣкоторыми набимами и людьми богатыми, обыкновенно, покупалось, по мѣрѣ надобности, въ нашихъ крѣпостяхъ, черезъ лазутчиковъ.

Желѣзо составляло другой предметъ, находившій въ горахъ обширное примѣненіе. Всѣ выдѣлываемыя изъ него вещи: оружіе, хозяйственные, домашніе и полевые инструменты, выдѣлывались самими горцами, для чего, по большей части, употреблялось желѣзо, отбитое у насъ въ огромномъ количествѣ: въ Кизлярѣ — Гази-Магометомъ (Кази-муллою), въ Ичкеринскомъ лѣсу, въ 1842 г., въ Дагестанѣ въ 1843 г., и потомъ во многихъ другихъ мѣстахъ, при схваткахъ, менѣе извѣстныхъ. Этого желѣза было такъ много, что горцы рѣдко встрѣчали въ немъ недостатокъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, они покупали его въ нашихъ крѣпостяхъ вмѣстѣ со сталью, которой у нихъ совсѣмъ не было. За исключеніемъ топоровъ, подковъ и оружія, все наше дѣловое желѣзо горцы считали ничѣмъ инымъ, какъ сырымъ матеріаломъ, почему и подвергали всѣ достававшіяся имъ вещи передѣлкѣ сообразно своихъ потребностей. Эти потребности, за исключеніемъ оружія, ограничиваются семью предметами: ножъ, таганъ, топоръ, лопата, вертелъ, соха и серпъ: безъ нихъ хозяйство горца никакъ не можетъ обойтись. Всѣ эти предметы выдѣлывались и продавались на мѣстѣ и находили въ горахъ огромный сбытъ.

Вотъ все, что могъ сказать Шамиль о торговлѣ горцевъ: дальнѣйшіе мои распросы, невзирая на разносторонность ихъ, приводили только къ повторенію по частямъ того, что изложено выше, или же вызывали похвалу какимъ нибудь торговымъ мѣстностямъ, торговымъ лицамъ. Въ особенности Шамиль хвалитъ Мусу Казикумухскаго.

Но оставимъ на время наши бесѣды и обратимся къ тому,

чѣмъ разнообразилась жизнь Шамиля, преисполненная пока грустнаго одиночества.

Въ числѣ немногихъ случаевъ, вызывавшихъ это разнообразіе, перѣздъ плѣнника въ приготовленный для него домъ сопровождался подробностями, не лишенными интереса.

Соблюдая обычай святой Руси, почти все знакомые Шамиля, пріѣхавшіе поздравить его съ новосельемъ, привезли съ собою «хлѣбъ-соль», въ видѣ бабъ, тортовъ и сладкихъ пироговъ. У горцевъ есть обычай поздравлять знакомыхъ съ пріобрѣтеніемъ новой одежды, новаго оружія: это требуется правилами горскаго этикета и составляетъ признакъ благовоспитанности. Но относительно новоселья, кажется, обычай этого у нихъ не существуетъ, потому что Шамиль замѣтно былъ удивленъ и поздравительными фразами, и матеріальнымъ проявленіемъ чувствъ посѣтителей. Когда же ему растолковали значеніе нашего обычая, онъ тотчасъ же сообразилъ всю искренность выказанной ему симпатіи. Коротенькая рѣчь представителя калужскаго дворянства, г. Щукина, окончательно объяснила ему все дѣло.

— Мы въ тебѣ чтимъ героя, говорилъ г. Щукинъ: — мы радуемся, видя тебя среди насъ, потому что это дастъ тебѣ возможность узнать и полюбить насъ, несмотря на то, что еще такъ недавно ты видѣлъ въ насъ своихъ враговъ. Мы отъ души желаемъ, чтобы, проживши съ нами, ты призналъ насъ лучшими своими друзьями.

Шамиль видимо былъ тронутъ этими словами. Онъ долго не могъ отвѣчать на нихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что полнота чувствъ была тому причиной. Наконецъ онъ началъ говорить, и, сверхъ ожиданія, говорилъ голосомъ совершенно твердымъ. Вотъ смыслъ его отвѣта:

— У меня нѣтъ словъ, чтобы высказать вамъ то, что я чувствую, говорилъ онъ: — пріязнь и вниманіе пріятны для человека, въ комъ бы онъ ни встрѣтилъ ихъ; но ваша пріязнь, послѣ того, какъ я вамъ сдѣлалъ такъ много зла — совсѣмъ другое дѣло: за это ~~завѣ~~ вы, по справедливости, должны были растерзать меня на части; между тѣмъ, вы поступаете со мною какъ съ другомъ, какъ съ братомъ... Для меня это очень пріятно; но я не ожидалъ этого, и теперь мнѣ стыдно, я не могу смотрѣть на васъ прямо и всей душою былъ бы радъ, еслибы могъ провалиться сквозь землю...

Шамиль былъ очень взволнованъ. Крайнее смущеніе отражалось на его лицѣ и въ глазахъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, не могли выносить взгляда гостей, слѣдившихъ съ понятнымъ любопытствомъ за его рѣчью. Наконецъ слова г. Щукина нѣсколько успокоили его.

Голосомъ уже менѣе твердымъ, онъ выразилъ искреннее сожалѣніе, что не видитъ впереди возможности чѣмъ либо отблагодарить калужское общество за столь дружескій, великодушный пріемъ.

— Я каждый день молюсь за Государя, въ заключеніе сказалъ онъ: — теперь буду молиться и за васъ.

Вслѣдъ затѣмъ, подали чай, кофе и фрукты. Нѣкоторые изъ гостей пошли осматривать жилище Шамиля, а оставшіеся вели съ нимъ разговоръ обыкновеннаго содержанія.

— Довольны ли вы своимъ помѣщеніемъ? спрашивали у него.

— Я думаю, въ раю только такъ хорошо будетъ, отвѣчалъ онъ: — Государь столько оказалъ мнѣ милостей и такъ прекрасно меня устроилъ, что, право, кажется, какъ будто онъ дѣлалъ все это для своего сына, а не для меня.

Потомъ онъ началъ рассказывать о томъ, какой чудесный видъ изъ его квартиры, а особенно изъ верхняго этажа, какъ тепло и сухо въ комнатахъ и какъ удобно для него расположеніе дома. Однимъ словомъ, для полнаго его благополучія, ему недоставало только семейства. Вообще, изъ его словъ было видно, что онъ не воображалъ себѣ ничего подобнаго.

— Еслибъ я зналъ, что здѣсь мнѣ будетъ такъ хорошо, говорилъ онъ: — я бы давно самъ убѣжалъ изъ Дагестана.

Кто-то спросилъ его: «пошелъ ли бы онъ теперь воевать, или нѣтъ?»

Глаза Шамиля сверкнули; но лицо его озарилось самой добродушной улыбкой.

— Пошелъ бы! не запинаясь, отвѣчалъ онъ и потомъ прибавилъ: — только не на Кавказъ.

Спустя нѣсколько дней, Шамилю представился ротмистръ Ямбургскаго уланскаго полка Кардашевъ, проѣзжавшій чрезъ Калугу, въ отпускъ на родину, въ Джаробълоканскій округъ. Послѣ кратковременной бесѣды, г. Кардашевъ спросилъ Шамиля, не дастъ ли онъ ему какого нибудь порученія на Кавказъ.

— На Кавказъ у меня дѣла никакого нѣтъ, отвѣчалъ Ша-

миль:—но если кто обо мнѣ вспомнить или спросить, то скажи тѣмъ изъ нихъ, которые меня любятъ и уважаютъ, чтобъ они обо мнѣ не беспокоились: по милости Государя, я живу здѣсь какъ въ раю; вотъ, смотри на мой домъ и на все, что въ немъ есть: кромѣ того, что ты здѣсь увидишь, Государь устроилъ мою жизнь такъ хорошо, что я считаю себя совершенно счастливымъ, а теперь совѣтую всѣмъ, кто въ горахъ обо мнѣ думаетъ, подумать о себѣ и сдѣлать то, что нужно для ихъ спокойствія и счастья: скажи имъ, что въ войнѣ счастья нѣтъ; а еслибъ я зналъ, что есть такое счастье, какимъ я теперь пользуюсь, то давно бы ушелъ отъ тѣхъ адскихъ мученій, которыя терпѣлъ я въ Дагестанѣ....

Это было почти то же самое, о чемъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, Шамиль говорилъ своимъ гостямъ. Мнѣ кажется, трудно и даже невозможно сомнѣваться въ искренности его словъ. Тѣ, которые ихъ слышали, навѣрное, не имѣютъ этого сомнѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже объ удобствахъ, окружающихъ его калужскую жизнь, не касаясь множества другихъ выраженій Монаршихъ щедротъ, стоитъ только вспомнить о приѣмѣ, сдѣланномъ Шамилю въ Россіи, въ Петербургѣ, наконецъ въ Калугѣ, — и всякое сомнѣніе сдѣлается неосновательнымъ.

Рѣчь Шамиля касается того періода гунибскихъ переговоровъ, когда, на первое предложеніе главнокомандующаго кавказскою арміею о сдачѣ, Шамиль, рѣшившійся умереть въ Гунибѣ, отвѣчалъ, подобно древнему римскому полководцу: «у меня есть еще въ рукахъ шашка — приди и возьми ее». Но я передамъ объясненіе Шамиля подробно, въ томъ видѣ и въ тѣхъ условіяхъ, которыми оно сопровождалось

Извѣстный читателямъ переводчикъ Грамовъ сказалъ, однажды за обѣдомъ, Шамилю о полученіи имъ за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ слѣдующаго чина и шута прибавилъ, что награду эту онъ получилъ, въ нѣкоторомъ родѣ, черезъ него.

Шамиль проздравилъ Грамова и замѣтилъ, что много есть въ Россіи людей, получившихъ награды черезъ него, и что теперь онъ самъ награжденъ, и, притомъ, больше всѣхъ.

— Вы получили свои награды за вашу честную службу, прибавилъ онъ:—а я за что получилъ свои?... Онъ задумался, и по лицу его можно было замѣтить, что онъ какъ будто чувствуетъ себя въ очень неловкомъ положеніи. Немного погодя, онъ опять

заговорилъ. Въ длинной рѣчи, онъ высказалъ взглядъ свой на все, что съ нимъ случилось, начиная отъ паденія Гунибѣ и до настоящей минуты. Изъ всего этого ничто не кажется ему столь удивительнымъ и никакая «награда» столь существенною, какъ великодушіе, оказанное ему съ первой же минуты сношеній его съ нами. Такое дѣйствіе совершенно недоступно для его понятій, сложившихся подъ вліяніемъ ветхозавѣтнаго «око за око, зубъ за зубъ». Онъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ, за дерзкія слова его отвѣта, главнокомандующій не выбранилъ его при первомъ свиданіи и не велѣлъ спясть съ него голову. Вотъ подлинныя слова Шамиля;

— Когда я рѣшился исполнить желаніе моихъ женъ и дѣтей, умолявшихъ меня сдаться, и когда я шелъ на свиданіе съ сардаромъ (съ главнокомандующимъ), я былъ вполне увѣренъ, что услышу отъ него такую рѣчь: «а что, донгузъ (*), гдѣ твоя шашка, которую ты предлагалъ мнѣ взять самому?» Ожиданіе этой встрѣчи тѣмъ болѣе терзало меня, что я вполне сознавалъ себя достойнымъ такого оскорбленія, и потому я рѣшился заколоть себя тотчасъ, какъ услышу его. Но когда мнѣ передали слова сардара, имѣвшія только дружескій смыслъ, я сначала не подтверилъ своимъ ушамъ и, не ожидая ничего подобнаго, долго не могъ дать отвѣта, а когда заговорилъ, то часто путался и, кажется, совсѣмъ не хорошо говорилъ....

Этимъ объясняется замѣченная въ Шамилѣ, при первомъ свиданіи его съ главнокомандующимъ въ Гунибѣ, необыкновенная блѣдность лица и сбивчивость въ выраженіяхъ. Это же первое впечатлѣніе, въ совокупности съ тѣмъ, что онъ видѣлъ и испытать впоследствии и что испытываетъ теперь, кажется, можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ искренности чувствъ, которыя выражаетъ онъ въ разговорахъ съ своими собесѣдниками.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, я былъ встревоженъ извѣстіемъ о болѣзни Шамиля. Мнѣ сказали, что онъ заболѣлъ внезапно и что болѣзнь началась обморокомъ. Это было передъ обѣдомъ. Я ужъ хотѣлъ было идти къ его постели, какъ самъ онъ вошелъ въ столовую, гдѣ я находился, и, на вопросъ мой о состояніи его здоровья, отвѣчалъ, что теперь онъ совершенно здоровъ и что я не долженъ тревожиться его болѣзнію,

(*) Донгузъ — свинья. Это самая обидная брань у горцевъ.

потому что она случается съ нимъ перѣдко, и, притомъ, безъ всякихъ послѣдствій. Садясь за столъ, я спросилъ Шамиля, какая именно болѣзнь посѣщаетъ его. Подумавъ немного, онъ отвѣчалъ: «не знаю», и вслѣдъ затѣмъ занялся обѣдомъ съ такимъ вниманіемъ, которое отвергало всякую мысль о существованіи въ немъ какого либо физическаго разстройства. Между тѣмъ, нельзя было не замѣтить, что, удовлетворяя свой аппетитъ, Шамиль, въ то же время, обдумываетъ какую-то мысль. Это всегда обозначается у него особеннымъ озабоченнымъ выраженіемъ лица. Окончивъ кушать, Шамиль сказалъ: «У меня, дѣйствительно, есть одна болѣзнь; но она совершенно особенная, въ сравненіи съ другими человѣческими болѣзнями, и мнѣ кажется, что никто не повѣритъ ея существованію, а, напротивъ, всякій будетъ думать, что это притворство.» Потомъ, помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ и прибавилъ: — «я думаю, и ты не повѣришь.»

Я отвѣчалъ возраженіемъ, имѣвшимъ тотъ смыслъ, что, по волѣ Провидѣнія, на свѣтѣ есть много такихъ чудесъ, которыхъ до сихъ поръ не могутъ объяснить ни высокій умъ человѣка, ни совершенство его земныхъ знаній; что перстъ Божій отмѣчаетъ этими чудесами по большей части только такихъ людей, которые вышли изъ общаго круга и сдѣлались по чему либо извѣстными всему міру, и что, наконецъ, я лично буду вѣрить болѣзни моего собесѣдника, не потому только, что онъ принадлежитъ именно къ числу этихъ людей, но еще и потому, что всегда зналъ его человѣкомъ правдивымъ, который не захочетъ солгать ни для спасенія души своей.

Монологъ этотъ я высказалъ съ цѣлью вызвать Шамиля на подробное объясненіе того факта, который, какъ мнѣ казалось, извѣстенъ подъ именемъ его шарлатанства, производившаго такое сильное впечатлѣніе на легковѣрные умы горцевъ. Внезапная болѣзнь, начавшаяся обморокомъ и не имѣвшая никакихъ послѣдствій, особенная, нѣсколько тревожащая приготовленія къ излаганію ниже разсказу и предисловіе относительно неправдоподобія болѣзни въ мѣстныхъ людей ясно говорили, что я не ошибаюсь въ своемъ предположеніи и что, дѣйствительно, попалъ на слѣдъ интересной тайны, которая до сихъ поръ извѣстна была намъ только по слуху.

Замѣтивъ, что рѣчь моя ему очень понравилась, я сдѣлалъ

два вопроса: какіе симптомы его болѣзни, и почему онъ думаетъ, что никто не повѣритъ ея существованію?

Отвѣчая на это, Шамиль говорилъ очень долго, сопровождая слова свои выразительными и очень натуральными жестами, окончательно склонявшими довѣріе слушателей на сторону оратора. Сущность его рѣчи заключалась въ слѣдующемъ:

Когда кто нибудь изъ знакомыхъ ему людей имѣетъ до него важную или экстренную надобность, побуждающую его искать съ нимъ свиданія, и онъ отправляется уже для этого изъ своего дома, то, хотя бы онъ былъ за десятки верстъ, Шамиль это чувствуетъ: сердце въ немъ начинаетъ биться сильнѣе, его одолеваетъ тоска, и онъ подвергается головокруженію. Все это усиливается въ высшей степени въ то время, когда посѣтитель входитъ къ нему въ домъ: тогда онъ окончательно впадаетъ въ обморокъ. Въ этомъ послѣднемъ состояніи, онъ находится въ полной безчувственности, такъ что не слышитъ, какъ домашніе вынимаютъ изъ его кармановъ сохраняющіяся въ нихъ вещи, поворачиваютъ его самого и укладываютъ въ болѣе спокойное положеніе.

Болѣзнь эта, по словамъ Шамиля, началась 27 лѣтъ тому назадъ. Въ прежнее время, она посѣщала его чаще, нежели въ послѣднее; къ леченію ея не принималось никогда никакихъ средствъ; даже, во время пароксизмовъ, не подавалось никакихъ экстренныхъ пособій, а проходили они сами собою, черезъ четверть, и много черезъ полчаса. Пароксизмы не сопровождались ни судорогами, ни пѣною, какъ это бываетъ въ эпилепсіи. Теряя сознаніе во время обморока, по окончаніи его, Шамиль ничего не помнитъ, физическихъ страданій во время обморока никакихъ не чувствуетъ; а по окончаніи его, имъ овладѣваетъ слабость, продолжающаяся ипогда нѣсколько дней. О страданіяхъ моральныхъ, а также о пріятныхъ ощущеніяхъ во время обморока, онъ совсѣмъ умолчалъ. Но то, что Шамиль считаетъ въ своей болѣзни *главнымъ* и, притомъ, составляющимъ неизбѣжную ея принадлежность, это—«размягченіе», какъ онъ выражается, большихъ берцовыхъ костей, которыя, при всякомъ давленіи, образуютъ впадины.

Говоря объ этомъ, Шамиль тутъ же обнажилъ одну изъ своихъ ногъ, взявъ мою руку и пальцами ея подавилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по протяженію кости: впадины, дѣйствительно,

образовались почти на столько глубокиѣ, на сколько можно это сдѣлать въ хлѣбѣ трехъ или четырехъ - дневнаго печенія. Предвѣстниками пароксизмовъ служили, какъ я сказалъ выше, бѣшеніе сердца, головокруженіе и безотчетная тоска. Однако, случалось иногда, что болѣзнь ограничивалась одними этими приступами: самого обморока не было; это означало, что люди, имѣвшіе къ Шамилю надобность, встрѣтили въ своемъ желаніи видѣться съ нимъ какія либо препятствія.

Выслушавъ внимательно Шамиля и дополнивъ сообщенныя имъ о своей болѣзни свѣдѣнія другими, самыми мелкими подробностями, я пришелъ къ тому заключенію, что онъ одержимъ болѣзненною раздражительностію нервной системы. Однако, замѣчая, съ какою настойчивостію онъ хочетъ обратить это простое явленіе въ нѣчто сверхъ-естественное, я удержался отъ разъясненія этихъ данныхъ простымъ логическимъ способомъ, а выразилъ только убѣжденіе въ необходимости лечиться.

Въ отвѣтъ на это, Шамиль сказалъ, что и мнѣніе мое и самое названіе болѣзни ему довольно извѣстны, но что все это ничего не имѣетъ общаго съ его болѣзнію, хотя, въ наружныхъ признакахъ, между ними и есть нѣкоторое сходство. Затѣмъ онъ спросилъ меня, упоминается ли «въ нашихъ книгахъ» объ этой болѣзни, или не извѣстна ли она намъ изъ какихъ либо другихъ источниковъ.

Я отвѣчалъ краткимъ объясненіемъ состоянія ясновидѣнія и при этомъ упомянулъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ чудесахъ месмеризма.

Выслушавъ мое объясненіе, Шамиль сказалъ: «нѣтъ, это не то; это совсѣмъ другое». Потомъ онъ обратился уже ко всѣмъ присутствовавшимъ съ вопросомъ (*): отчего, по ихъ мнѣнію, происходитъ его болѣзнь и при какихъ условіяхъ человекъ скорѣе всего можетъ подвергнуться ей? Потомъ, замѣтивъ, что Грамовъ, лично запятый вопросомъ, не передалъ его мнѣ, и потому я не участвую въ общемъ стремленіи добиться рѣшенія предложенной темы, Шамиль потребовалъ, чтобъ она была доведена и до моего свѣдѣнія.

Сообщивъ, что противорѣчіе нимало не измѣнитъ его взгляда

(*) Кромѣ Грамова и Хаджію, у Шамиля, въ это время, обѣдали: поручикъ Колыпинскаго полка (изъ горцевъ) Парамонъ и два горца

на вещи, я убѣдился въ этомъ окончательно, взглянувъ на физиономію Шамиля: необыкновенно оживленное лицо его и яркій блескъ въ глазахъ, отражавшихъ лихорадочное ожиданіе, ясно указывали, какого рода отвѣтъ можетъ скорѣе всего прійтись ему по-сердцу.

Подумавъ немного, я отвѣчалъ, что болѣзнь его, а по моему — даръ предчувствія, предвидѣнія, можетъ быть удѣломъ такого только человѣка, который, будучи выше другихъ во многихъ отношеніяхъ, въ то же время, часто предается молитвѣ и чтенію книгъ духовнаго содержанія: во время этихъ занятій, онъ, нѣкоторымъ образомъ, сближается съ Богомъ, бесѣдуетъ съ Нимъ, созерцаетъ Его, и Богъ, по Своей всесправедливости и особенной любви къ такимъ людямъ, отмѣчаетъ ихъ какимъ либо знаменіемъ, для извѣстности и поученія всемъ другимъ людямъ. И потому я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что и «болѣзнь» Шамиля, какъ онъ ее называетъ, происходитъ именно отъ этихъ причинъ, такъ какъ безошибочно можно сказать, что никто не молится столько Богу и не читаетъ священныхъ книгъ такъ много, какъ это дѣлаетъ одинъ Шамиль.

Нетерпѣливое ожиданіе, въ которомъ находился Шамиль до моего отвѣта, обратилось въ совершенное удовольствіе, которое, однако, онъ старался, по возможности, скрыть. Не менѣе того, посмотрѣвъ съ нѣкоторою сановитостію на присутствующихъ, Шамиль торжественно указалъ на меня пальцемъ и еще торжественнѣе произнесъ: «онъ угадалъ!»

Все, что сказалъ Шамиль о своей болѣзни, подтвердилъ, въ этотъ же вечеръ, и Хаджію, а впоследствии и всѣ члены семейства илѣйника, прибывшіе въ Калугу черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора. Въ словахъ ихъ заключались, между прочимъ, слѣдующія дополнителныя свѣдѣнія о томъ же предметѣ:

О болѣзни Шамиля горцы знали и питали къ ней великое уваженіе, считая присутствіе ея въ человѣкѣ особеннымъ благоволеніемъ къ нему неба. Кромѣ объясненной уже Шамилемъ причины пароксизмовъ, есть еще двѣ: во первыхъ, внезапное сообщеніе ему какого либо непріятнаго извѣстія и, во вторыхъ, нерѣзультатность посѣтителя, имѣющаго къ нему надобность, которую, по какимъ нибудь причинамъ, онъ затрудняется объяснить. Тогда, взглянувъ на такого человѣка, Шамиль тотчасъ же падаетъ въ обморокъ, совсѣмъ и не зная о намѣреніи посетителя.

Изъ всего этого, почти безошибочно можно заключить, что собственно болѣзнь Шамиля не подлежитъ никакому сомнѣнію и не есть притворство; но, вмѣстѣ съ тѣмъ она—какъ, по крайнѣй мѣрѣ, мнѣ кажется—есть нечто иное, какъ каталенсія, въ соединеніи съ началомъ водянки, или же, какъ называетъ это нашъ докторъ, «отекъ нижнихъ конечностей, которымъ страдаетъ Шамиль съ давнихъ поръ, вслѣдствіе расширенія въ этихъ конечностяхъ венъ».

Въ дальнѣйшія заключенія я до времени не могу вдаваться, потому что не имѣлъ еще возможности привести обстоятельство это въ полную ясность.

Послѣ случившагося съ Шамилемъ припадка, встрѣтилось еще одно обстоятельство, показавшееся ему очень интереснымъ и побудившее его сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности, не менѣе интересные.

Прочитавъ въ газетахъ о принятіи подданства Абадзехами и о присягѣ старшинъ ихъ, имѣвшихъ тогда въ главѣ своей Магометъ - Амина, я сообщилъ объ этомъ Шамилю. Извѣстіе мое доставило ему большую радость, повидимому, несприветливую. Онъ похвалилъ бывшаго своего наиба за умное дѣло и замѣтилъ, что событія этого онъ давно ожидалъ и удивляется только, отчего Магометъ-Аминъ такъ долго медлилъ.

— Теперь Кавказъ въ Калугѣ, повторилъ онъ прежнюю свою фразу: — и войны быть не можетъ!...

Обѣдъ нашъ, въ этотъ день, начался разсказомъ Шамиля о томъ, что Магометъ-Амина зовутъ совсѣмъ не Магометъ - Аминомъ, а Магометомъ - Ассіаю, или Ассіаювымъ. Загадку эту онъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ:

Имена поворожденнымъ, обыкновенно, даются у горцевъ ближайшими родственниками родителей, или ихъ короткими пріятелями.

Такимъ образомъ, бывшій предводитель Абадзеховъ получилъ, при рожденіи, имя своего воспріемнаго отца — Магомета, который, по имени своей матери Ассіа, далъ ему прозвище — Ассіаю. Подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ во всемъ Дагестанѣ, гдѣ точно также никто не знаетъ Магометъ-Амина. Самъ Шамиль, въ первое время плѣна, не узнавалъ подъ именемъ Магометъ-Амина своего бывшаго наиба, и только черезъ нѣсколько времени вспомнилъ, что, въ письменныхъ съ нимъ сношеніяхъ,

онъ всегда подписывалъ на своихъ посланіяхъ: «нашему Магомету вѣрному».

Вѣрный, честный, по арабски — *аминъ*. Это самое и было причиною того, что Кабардинцы, Абадзехи, а за ними и Русскіе сдѣлали Магомета-Ассялова Магометъ-Аминомъ.

Послѣ этого, исполняя мою просьбу, Шамиль разсказалъ о томъ, какимъ манеромъ попалъ Магометъ-Аминъ къ Абадзехамъ.

Лѣтъ тринадцать тому назадъ, абадзехскія племена прислали къ нему депутацію для передачи ихъ желанія, обещеннаго въ хорошо знакомую намъ, Русскимъ, формулу: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ»... Однимъ словомъ, Абадзехи просили Шамиля дать имъ предводителя изъ числа его наивовъ.

Не имѣя, въ то время, свободныхъ людей, Шамиль отвѣчалъ депутаціи, что у него нѣтъ ни одного человека, который могъ бы оправдать надежды народа и его собственное довѣріе.

На усиленные просьбы депутатовъ, Шамиль снова отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ принять на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ благосостояніе всей страны.

Послѣдовавшій затѣмъ новыя просьбы депутаціи подкрѣпилъ, съ своей стороны, извѣстный секретарь Шамиля, мирза Амиръ-Ханъ чиркеевскій, управлявшій, подъ личнымъ его руководствомъ, почти всѣми дѣлами страны; онъ сказалъ, что нельзя оставить народъ на произволъ недалководныхъ старшинъ, которые съ давняго времени подвергаютъ страну двойному бѣдствію: со стороны Русскихъ, для которыхъ распри ихъ служатъ самымъ лучшимъ союзникомъ, и со стороны обыкновенныхъ междоусобій, порождаемыхъ мелкимъ самолюбіемъ и безконечными неудовольствіями.

Тогда Шамиль предложилъ ѣхать къ Абадзехамъ этому самому мирзѣ Амиръ-Хану; но тотъ отозвался нежеланіемъ переселиться въ отдаленный край, въ которомъ, къ тому же, нѣтъ ничего общаго съ Дагестаномъ. Такой точно отвѣтъ дали и нѣкоторые другіе приближенные Шамиля, которыхъ онъ считалъ сколько нибудь способными управлять народомъ и военными дѣйствіями. О Магометъ-Аминѣ ему и на умъ не приходило, потому что, зная его за человека храбраго и необыкновенно набожнаго, онъ готовилъ его совѣтъ къ другому дѣлу.

Но, въ это самое время, Магометъ-Аминъ, занимавшійся тутъ же чтеніемъ корана, высказалъ, не совсѣмъ рѣшительнымъ голо-сомъ, желаніе ѣхать къ Абадзехамъ. Депутаты схватились за этотъ вызовъ и, повторяя прежнія свои просьбы, сдѣлали даже Шамилю упрекъ въ нежеланіи, съ его стороны, быть полезнымъ своимъ одновѣрцамъ въ общемъ ихъ дѣлѣ. Это обстоятельство поставило въ затруднительное положеніе не только Шамиля, но и мирзу Амиръ-Хана, который вполне раздѣлялъ его мнѣніе о Магометъ-Аминѣ.

Тогда абадзехскіе депутаты, принявъ задумчивость, въ кото-рую впалъ Шамиль, размышлявшій о средствахъ выйти изъ критическаго положенія, за перѣшительность съ его стороны, сказали ему слѣдующее: «когда на томъ свѣтѣ пророкъ встрѣ-титъ тебя съ отверзтыми объятіями и поведетъ въ рай, то всѣ мы, Абадзехи, ухватимся за полы твоей черкесски, не пустимъ тебя туда и скажемъ пророку, что ты не достоинъ блаженства, потому что отвергнулъ наши просьбы и оставилъ насъ, при жизни, въ такой крайней нуждѣ».

Это окончательно подѣйствовало на Шамиля: склонный къ мистицизму, онъ вообразилъ себѣ, что само Провидѣніе, голо-сомъ Магометъ-Амина, указываетъ на него, какъ на предводи-теля Абадзеховъ. И онъ назначилъ его, разсчитывая, что умъ человѣческій и всѣ дарованія — ничто предъ волей Божіей.

— Я думалъ еще и то, сказалъ, въ заключеніе, Шамиль: — что Магометъ-Аминъ, который такъ много молится Богу и съ такимъ усердіемъ исполняетъ правила корана, непременно обра-титъ на себя Божію помощь и будетъ вести дѣла свои хорошо. Теперь вижу, что это такъ и случилось.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, пріѣхало на-конецъ такъ давно ожидаемое семейство Шамиля. Подробности пріѣзда (*) были изложены прежде; теперь остается продол-жать начатое.

Родственный караванъ увеличилъ населеніе Калуги двадцатью-одной душою, въ томъ числѣ тринадцать женскаго и восемь мужскаго пола, что и составило, вмѣстѣ съ Шамилемъ и Хаджію,

(*) См. «Военный Сборникъ», № 2-й 1860 года. «Шамиль» (изъ записокъ при-става при военно-пѣшинѣ).

иѣлую колонію. Какъ читателямъ «Военнаго Сборника» придется ознакомиться съ каждымъ изъ членовъ ея, то сдѣлаемъ имъ подробный перечень, который впоследствии можетъ устранить какое нибудь недоразумѣніе относительно этихъ личностей.

1 и 2. *Зейдатъ* и *Шуаннатъ* — жены Шамиля.

3 и 4. *Нафиссатъ* и *Фатиматъ* — дочери Шамиля, отъ умершей жены Фатиматъ.

5. *Аминнатъ*, жена Магомета-Шеффи.

6 и 7. *Наджаватъ* и *Баху-Меседу* — дочери Зейдатъ.

8. *Согилатъ* — дочь Шуаннатъ.

9. *Магазатъ* — внука Шамиля отъ Нафиссатъ, шести лѣтъ.

10. *Халумъ* — почтенная женщина лѣтъ пятидесяти, дальняя родственница Шамиля, воспитательница дѣтей его.

11. *Вали-Кызъ*, тоже пятидесяти лѣтъ отъ роду, метрѣдѣтель Шамиля.

12. *Фаризатъ* — служанка, сорока лѣтъ.

13. *Месси* — плѣнная Ингушница Тарской долины, дѣвушка семнадцати лѣтъ.

14 и 15. *Гази-Магометъ* и *Магометъ-Шеффи* — сыновья Шамиля отъ Фатиматъ.

16. *Абдурахманъ* — мужъ Нафиссатъ, двадцати-четыре лѣтъ.

17. *Абдурахимъ* — братъ его, отъ разныхъ матерей, мужъ Фатиматъ.

18. *Хаджѣо* — «напереникъ» Гази-Магомета, тридцати-четыре лѣтъ.

19. *Джесмалэддинъ* — таковой же напереникъ Магомета-Шеффи и покойнаго брата его Джесмалэддина, тридцати-пяти лѣтъ.

20. *Омаръ* — сынъ Халумъ, девятнадцати лѣтъ.

21. *Хайрулла* — плѣнный афганскій дервишъ, прозванный попомъ. Возраста своего не знаетъ; примѣрно же имѣетъ отъ тридцати-шести до сорока лѣтъ.

22. *Дебуръ-Магома*, семнадцати лѣтъ — родомъ изъ Гидатля, откуда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ бѣжалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, спасаясь отъ жестокостей своей мамки. Послѣ того онъ учился въ нашихъ школахъ и теперь прибылъ, съ караваномъ, въ качествѣ переводчика.

Въ предыдущемъ очеркѣ, мы уже говорили о женщинахъ семейства Шампили въ той подробности, на сколько позволили кратковременность моего знакомства и затруднительность сношеній съ ними. Теперь будемъ говорить о мужчинахъ.

Всѣ они, взятые вмѣстѣ, представляютъ собою такое хорошее цѣлое, что невольно исторгнуть восклицаніе, особливо въ первое время знакомства съ ними: «Что за славный народъ! Какой разумный, какой красивый, какой способный народъ! Что за неутомимая въ немъ жажда познаній, что за неудержимое стремленіе передѣлать себя, переродиться!...» Вотъ, напримеръ, Абдуррахимъ: за пять недѣль путешествія изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Калугу, онъ, не зная до того времени русскаго языка, выучился, у сопровождавшаго ихъ офицера фельдгегерскаго корпуса, читать и писать по русски. Вотъ Абдуррахманъ и Омаръ: въ этомъ отношеніи они немногимъ уступаютъ Абдуррахиму; но за то они «ученѣе» и солиднѣе его, особливо Абдуррахманъ. Наконецъ, вотъ Магометъ-Шеффи, который, пріѣхавъ въ Калугу совсѣмъ неграмотнымъ, впоследствии выучился читать по русски не только печатное, но и рукописное, *въ два дня, самъ собою, безъ всякаго руководителя*, присматриваясь только къ чтенію своихъ земляковъ. Это невѣроятно, но это, дѣйствительно, было такъ. Въ первые же дни ихъ пріѣзда, я услышала такія горячія желанія учиться, что во мнѣ уже зарождалась мысль объ учрежденіи, при моей квартирѣ, элементарнаго класса. Какъ образчикъ этого стремленія, привожу письмо одного изъ молодыхъ людей, этого самого Магомета-Шеффи, къ его знакому въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

«Почтенный и уважаемый Николай Петровичъ!

«Съ удовольствіемъ исполню твое желаніе—писать къ тебѣ, и прежде всего долженъ сказать, что мы, по благости Божіей и по милости великаго Государя, окончили наше путешествіе очень благополучно и нашли маму, моего отца, совершенно здоровымъ. До настоящаго времени всѣ мы тоже пользуемся самымъ лучшимъ здоровьемъ. Я желаю его тебѣ и твоей супругѣ, которой свидѣтельствую мое почтеніе, и благодарю ее и тебя за ласки, которыя вы мнѣ оказали и которыхъ я никогда не забуду.

«Калужское общество очень любитъ моего отца, а черезъ него встрѣтило очень радушно и насъ съ братомъ. Мы только

жалѣемъ, что не успѣли еще заслужить это расположеніе сами, потому что, вскорѣ послѣ пріѣзда нашего въ Калугу, мы поѣхали, вмѣстѣ съ имамомъ, въ Москву, для представленія нашему фельдмаршалу. Въ Москвѣ я видѣлъ очень много такихъ удивительныхъ предметовъ, о которыхъ до сихъ поръ или вовсе не слыхалъ, или слышалъ отъ покойнаго брата Джемалэддина, но совѣмъ не вѣрилъ. Я видѣлъ желѣзную дорогу, телеграфъ, балетъ и, наконецъ, видѣлъ Москву. Я бы охотно описалъ тебѣ все это въ подробности, описалъ бы и все остальное, что я видѣлъ и что интересовало меня; но вотъ видишь ли: для этого нужно знать много наукъ, о которыхъ я теперь не имѣю понятія, а безъ этого я буду говорить наобумъ и, стало быть, обману тебя. Если Богу будетъ угодно исполнить мое очень сильное желаніе учиться и Онъ мнѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ, тогда я постараюсь доставить тебѣ удовольствіе описаніемъ того, что, въ настоящее время, представляется какъ во снѣ.

«По возвращеніи изъ Москвы, мы окончательно осмотрѣлись въ нашей новой жизни и нашли, что никакой заботливый отецъ не могъ такъ хорошо устроить своихъ дѣтей, какъ устроилъ насъ Государь. Онъ далъ намъ все, что нужно для спокойствія и благополучія челоуѣка, и если мы можемъ желать еще чего нибудь въ жизни, такъ это возможности представить Государю Императору доказательства того, что мы чувствуемъ всѣ его милости и отъ души желаемъ сдѣлаться достойными ихъ. Я съ братомъ ожидаю этой счастливой минуты съ нетерпѣніемъ.

«Для меня будетъ очень пріятно, если ты не совѣмъ забудешь меня и изрѣдка, когда будешь имѣть свободное время, напишешь ко мнѣ нѣсколько строчекъ. Съ своей стороны, я повторю увѣреніе въ томъ, что никогда не забуду радушія, которое оказали мнѣ ты и твоя супруга. Рабъ Божій Магометъ-Шеффи, сынъ Шамуиля.»

Знакомство горцевъ съ Калугою и съ ея общественною жизнью началось посѣщеніемъ гостившаго, въ то время, здѣсь цирка Слейзака и К°. Мы явились туда на другой же день «нашего» пріѣзда. Впечатлѣніе, произведенное на горцевъ искусствомъ наѣзниковъ и наѣзницъ, выше всякаго описанія: ничего подобнаго не видѣли они во всю свою жизнь, и хотя, въ бытность ихъ въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, имъ и дали нѣкоторое понятіе о вольтижерахъ, но ни рассказы очевидцевъ, ни собственное ихъ

воображеніе не представляли этого дѣла въ такомъ видѣ, какъ оно представилось глазамъ ихъ. Однимъ словомъ, выраженіямъ восторга не было конца и они были такъ сильны, что, сообщенія Шамилю, возбудили и въ немъ рѣшимость побывать въ циркѣ. Впечатаніе, которое вынесъ изъ цирка глава нашей колоніи, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, которое возбудили въ немъ фокусы «восточнаго кудесника» Кери (*): тамъ онъ, дѣйствительно, хохоталъ отъ души и удивлялся всему безотчетно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовольствіе его отравлялось сознаніемъ, что все это было ничто иное, какъ обманъ, котораго онъ ненавидитъ всѣми силами своей души. Здѣсь же, въ циркѣ, всякое дѣло идетъ на чистоту: нѣтъ возможности отвести глаза зрителей ни проворствомъ рукъ, ни коробочкою, ни платкомъ, ни каимъ нибудь другимъ предметомъ: или проскачи молодцомъ, или голову сломай... Циркъ Слейзака, въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ очень порядочныхъ, и Шамиль удивлялся ловкости волтижеровъ искренно и много. Удовольствіе его выражалось безпрестанными восклицаніями «тамаша» — «удивительно!...» Это повторялъ онъ глядя и на штуки проворнаго Кери; но здѣсь къ слову «тамаша» онъ прибавлялъ другое слово: «ялганъ ту-хуль» — «обмана нѣтъ!...»

Недолго томилась прѣзрительная невѣдѣніемъ нашихъ обычаевъ: захвативъ нѣкоторыя познанія по этой части изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, они живо акклиматизировались въ Калугѣ. Извѣстно, что стоитъ только полюбить какой нибудь предметъ или какое нибудь занятіе, и тогда узнаешь его скоро и хорошо. А горцы крѣпко полюбили насъ и наши обычаи. Получивъ нѣкоторое понятіе о нихъ отъ покойнаго Джелалэддина, молодежь, особливо близкая къ дому Шамиля, еще въ горахъ, ждала-не дождалась минуты, когда бы можно познакомиться съ нами покороче, и, въ этомъ случаѣ, едва скрывала гнѣздившіяся въ ней преступныя желанія. Наконецъ Ведень взять, Гунибъ взять, вотъ русскій лагерь, вотъ Темиръ-Ханъ-Шура, вотъ и Калуга!... Навѣрное, никто изъ молодыхъ людей, послѣ долгаго и труднаго похода, не входилъ подъ кровъ родительскій съ такимъ удовольствіемъ, какое одушевляло ихъ при входѣ въ домъ,

(*) См. «Военный Сборникъ», № 2-й, 1860 года, статья: «Шамиль» (изъ записокъ пристава при военно-плѣнномъ).

принадлежащій давнишнимъ непримиримымъ врагамъ, ненависть къ которымъ они, быть можетъ, всосали въ себя съ молокомъ матерей. Внѣшній видъ этого дома и всякія удобства внутри его окончательно утвердили въ сердцахъ надежды на все прекрасное въ будущемъ.

Теперь имъ предстояла забота сблизиться съ тѣми, въ сре-ду которыхъ такъ давно хотѣлось имъ вступить. Сначала, что, впрочемъ, очень естественно, всѣ они нѣсколько дичились и по заламъ благороднаго собранія не иначе ходили, какъ гурьбою, стараясь не отставать отъ старожилъ Хаджіо, который, къ чести его сказать, вовсе не думалъ кичиться почетнымъ званіемъ коновода. Потомъ сближеніе ихъ съ обществомъ пошло быстрѣе и быстрѣе, такъ что, въ одинъ холодный зимній вечеръ, зала калужскаго собранія огласилась, можетъ быть, въ первый разъ со времени своего существованія, звуками лезгинки... Лезгинка и мюридизмъ!... Но, конечно, Шамиль при этомъ не было, и онъ до сихъ поръ ничего не знаетъ; однако, нельзя не согласиться, что, въ глазахъ горцевъ, мюридизмъ потерялъ всю свою прелесть или, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ ся несравненно менѣе, чѣмъ лезгинка.

Первый приступъ знакомства горцевъ съ калужскимъ обществомъ сдѣланъ былъ, какъ водится, посредствомъ визитовъ ко всѣмъ лицамъ, съ которыми познакомился Шамиль. Глава этой экспедиціи, Гази-Магометъ, поручая себя и своихъ спутниковъ вниманію новыхъ знакомцевъ, благодарилъ ихъ за расположеніе, оказанное его отцу, и обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы заслужить его вдвойнѣ: и за себя и за отца.

Возникшее такимъ образомъ сближеніе, вслѣдствіе противо-дѣйствующихъ обстоятельствъ, должно было остаться, въ продолженіе нѣкотораго времени, при одномъ началѣ: во первыхъ, черезъ нѣсколько дней послѣ визитовъ, Шамиль отправился въ Москву, для свиданія съ генералъ-фельдмаршаломъ. Поездка эта продолжалась три недѣли; а въ скоромъ времени по возвращеніи изъ Москвы, насталъ постъ-рамазанъ, въ продолженіе котораго (ровно мѣсяцъ) молодежь, какъ и подобаетъ право-вѣрнымъ мусульманамъ, сидѣла за книгами, не дѣлая шагу изъ дому и стараясь не дѣлать его изъ своей комнаты. Наконецъ постъ кончился, и сношенія возобновились. Трудно передать тотъ восторгъ, который возбуждалъ въ нихъ милый, радушный

пріемъ калужскаго общества. Бесѣдуя со мною о подробностяхъ минувшаго вечера, горцы не находили словъ для выраженія своего удовольствія и все свои ощущенія выражали, подобно Хаджію, восклицаніями: «Какой народъ Русскіе!... Гамисъ хорошій народъ!.... Зачѣмъ намъ говорили, что русскій народъ — нехорошій народъ!...»

Дѣйствительно, велика ихъ симпатія къ Русскимъ; но, по истинѣ говоря, она вызвана высокимъ искреннимъ чувствомъ, сопровождавшимъ гостепріимство и братское вниманіе Калужанъ къ нашимъ новымъ соотечественникамъ. Кто знаетъ, что имъ дастъ судьба: можетъ быть, она разбросаетъ ихъ по лицу земли; можетъ быть, одни изъ нихъ сдѣлаются сильными земли, другіе, просто, полезными гражданами, а для нѣкоторыхъ фортуна обратится въ мачиху... кто это знаетъ!... Но вотъ что можно предсказать навѣрное: гдѣ бы они ни были, чѣмъ бы они ни были, Калуга никогда не истребится изъ ихъ памяти: она была для нихъ другою родиною и сыграла эту роль такъ удачно, что я не поручусь за то, чтобъ она не была имъ милѣе настоящей.

Скоро я ознакомился со всеми горцами вообще и съ каждымъ въ особенности. Въ дальнѣйшихъ моихъ съ ними сношеніяхъ, я имѣлъ множество случаевъ еще сильнѣе убѣдиться въ симпатичности ихъ натуры. Самые недостатки, которыхъ, какъ извѣстно, не могутъ избѣжать ни симпатичныя, ни антипатичныя натуры, въ горахъ имѣютъ какую-то особенную.... не то, чтобы прелесть, а какой-то шикъ, весьма способный поправиться многимъ. Въ этомъ отношеніи, ссоры ихъ между собою, что случается, впрочемъ, очень рѣдко, представляютъ величайшій интересъ, и я съ особеннымъ наслажденіемъ въ это время смотрю на нихъ. Причина ссоры, или предметъ ея, сдѣлать бы честь любой институткѣ, ополчившейся на подругу за учителя россійской словесности; но какъ хорошо выдерживается характеръ враждующими горцами: если вамъ удастся прослѣдить подобный эпизодъ, то вы вынесете убѣжденіе, что изъ этихъ очень молодыхъ людей выйдутъ «не отцы-пустынники и жены непорочны», а мужи твердые во всякаго рода бояхъ.

Знакомясь съ личностію моихъ пріятелей, я знакомился съ правами и обычаями ихъ страны и ихъ дома, что иногда составляетъ совсѣмъ не одно и то же. Много открывалось въ нихъ

забавнаго, много достойнаго сожалѣнія, но еще больше такого, что можетъ навести на размышленіе не одного добродѣтельнаго Европейца. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, склонность къ правдивости, въ обширномъ смыслѣ этого слова, выше всякой похвалы и вполне оправдываетъ, отзывъ о ней Шамиля. По правдѣ сказать, предметъ этотъ можетъ послужить неисчерпаемымъ источникомъ удивленія для насъ, потерявшихъ вѣру въ существованіе не «очень», а просто честныхъ людей, которыхъ мы ищемъ, въ нѣкоторомъ родѣ, à la Діогенъ.

Обращаясь къ моимъ героямъ, съ которыми мнѣ хочется познакомить читателей покороче, потому что они вполне заслуживаютъ этого, я начну, по старшинству, съ *Гази-Магомета*.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Шамиль очень опасно заболѣлъ и, съ цѣлью обезпечить страну на случай своей смерти, отъ внутреннихъ волненій, порождаемыхъ происками, созвалъ свой «государственный» совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ обсуждались мѣры, какія, въ крайнемъ случаѣ, необходимо будетъ принять, и, между прочимъ, определено: наслѣдникомъ имамской власти, согласно предложенія Шамиля, признать Гази-Магомета, имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ отъ роду, а на время его несовершеннолѣтія назначить регентомъ извѣстнаго намба Албазъ-Дебира.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого, Гази-Магометъ достигнулъ совершеннолѣтія и, по этому случаю, снова былъ объявленъ наслѣдникомъ имамскаго званія, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ наибомъ въ Каратъ.

Несмотря на очень молодыя лѣта (онъ былъ назначенъ наибомъ пятнадцати лѣтъ), Гази-Магометъ управлялъ своимъ намествомъ съ такою умѣренностію и тактомъ, что, черезъ нѣсколько лѣтъ, правители шести сосѣднихъ къ Каратѣ намествъ постепенно обращались къ Шамилю съ просьбою дозволить имъ, по причинѣ отдаленности ихъ края отъ Дарго, обращаться, во всемъ касающемся гражданскаго и военнаго управленія, къ Гази-Магомету, совершенно такъ, какъ бы къ самому Шамилю. Просьба эта была признана Шамилемъ основательною, и всѣ шесть намествъ поступили въ полное вѣденіе Гази-Магомета.

Что касается до населенія страны, то все оно поголовно питало къ Гази-Магомету особенную симпатію за его внимательность и пріятельность къ каждому, кто бы онъ ни былъ: бога-

тый или бѣдный, человекъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, или преступникъ, осужденный на смерть. Этому послѣднему сорту людей Гази-Магометъ оказывать, въ противоположность всѣмъ прочимъ предводителямъ горцевъ, особенное свое вниманіе и даже нарочно приходилъ бесѣдовать съ ними, чтобъ уладить послѣднія ихъ минуты. Доброта его сердца вошла въ половицу, а готовность выслушать каждаго, разобрать его дѣло, не стѣнялась временемъ и мѣстомъ, и потому содѣйствовать всѣмъ, что отъ него зависѣло, пріобрѣла ему отъ жителей Дагестана высокое уваженіе, которое скоро перешло и въ Чечню.

Независимо того, личная храбрость, столь высоко цѣнимая воинственными горцами, въ Гази-Магометѣ обращалась въ полную неустрашимость, которая должна даже перейти къ потомству въ видѣ эпической поэмы, сочиненной въ честь его и касающейся набѣга на Кахетію.

Всѣ эти данныя, успокоивая горцевъ на счетъ будущности страны, невольно приводили ихъ къ сравненію характеристики будущаго имама съ характеристикой его отца. Результатъ сравненія былъ очевиденъ и оказывался не совсѣмъ въ пользу послѣдняго, потому что, невзирая на всѣ доблести и заслуги Шамиля, недоступность и нелюдность, окружавшія его, преимущественно въ послѣдніе годы, составляли рѣзкій контрастъ съ доступностію и привѣтливостію Гази-Магомета; а эти условія не могли не произвести впечатлѣнія на воспримчивыхъ горцевъ. И вотъ, въ послѣдніе два года существованія на Кавказѣ имамской власти, дагестанская молодежь начала поговаривать, конечно, шопотомъ, о замѣнѣ стараго имама молодымъ. Оппозиція являлась, въ этомъ случаѣ, со стороны немногихъ отъявленныхъ приверженцевъ Шамиля, да и стариковъ, которые хотя и имѣли голосъ и вліяніе, но были бы не въ состояніи отстоять своихъ убѣжденій силою, еслибъ дѣло приняло серьезные размѣры. Къ чести Гази-Магомета, слѣдуетъ сказать, что онъ не только не пользовался происходившимъ въ умахъ горцевъ броженіемъ, но и всю энергію, которая порождалась такимъ настроеніемъ, обращалъ въ пользу отца и тѣмъ самымъ много способствовалъ къ удержанію недовольныхъ на сторонѣ Шамиля и въ предѣлахъ подвластнаго ему края.

Такое примодушіе окончательно расположило къ нему Шамиля, который и безъ того очень любилъ его за строгость въ

исполненіи предписаній религіи и за безпредѣльное чувство сыновняго почтенія, доходящаго въ Гази-Магометѣ до какого-то смиренія, даже до слабости.

Любовь Гази-Магомета къ женѣ безпредѣльна, и, въ этомъ отношеніи, я могу сказать то, что красота Керематъ совершенно вѣрно характеризовалась бы несвязнымъ описаніемъ Хаджію, еслибъ онъ сказалъ къ тому же, что она прекрасна такъ же точно, какъ умна, добра и благородна. Но онъ этого не сказалъ, и я пополюю пробѣлъ въ его словахъ.

Наружность Гази-Магомета, съ перваго взгляда, покажется непріятною: высокій ростъ и выдавшіяся въ обѣ стороны плечи сильно бросаются въ глаза, при общей, совсѣмъ не пропорціальной худобѣ тѣла. Точно также непріятною можетъ показаться и его безбородая фізіономія, составленная изъ большаго продолговатаго лица и маленькихъ глазъ, которые, по совершенной близорукости, онъ очень часто щурить. Но, взглянувъ-шись изъ него пристальнѣе, вы убѣдитесь, что ростъ и плечи служатъ выраженіемъ необыкновеннаго развитія мускуловъ и присутствія физической силы, что общасть сдѣлать изъ него впоследствии Шамиля, съ которымъ онъ имѣетъ, къ тому же, разительное сходство; а что касается фізіономіи, то, при первомъ мало-мальски интересномъ разговорѣ, она оживится и истребитъ въ васъ всю непріятность перваго впечатлѣнія.

Наружность *Магомета-Шеффи* описана прежде. Письмо въ Темиръ-Ханъ-Шуру характеризуетъ его окончательно. Мнѣ остается сказать о немъ развѣ то, что необыкновенная способность роста и полнѣе общасть въ немъ будущаго Голіафа. Близорукость же его сильнѣе братниной.

Два брата: *Абдуррахманъ* и *Абдуррахимъ*, очень не сходны въ наружности; но оба они представляютъ собою типъ различной красоты, имѣющей, впрочемъ, въ себѣ общаго — смуглый, очень пріятный цвѣтъ лица и черные какъ смоль волосы. Старшій братъ очень приверженъ къ своей религіи и много интереса находитъ въ чудесахъ, описываемыхъ мусульманскими книгами, къ которымъ онъ питаетъ довѣріе неограниченное. За все за это, а также за великую грамотность, Шамиль питаетъ къ нему большое расположеніе. Гүнибская переписка ведена имъ.

Абдуррахимъ такъ же хорошо развитъ, какъ и его братъ; но, по своей молодости, онъ болѣе быстръ въ соображеніи и ода-

ренъ замѣчательною способностію къ рисованію и къ языкознанію. Вотъ письмо, написанное имъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ Калугѣ:

«Милостивый Государь
«Василій Васильевичъ.

«Поблагодарить васъ отъ всего сердца за подарокъ вашъ «сдѣланный мнѣ въ Ростовѣ, считаю пріятнѣйшею для себя обязанностію исполнить данное мною вамъ обѣщаніе — написать «къ вамъ какъ скоро выучусь писать. Теперь, слава Богу, я «довольно порядочно объясняюсь по Русски. Безъ затрудненія «понимаю Русскую рѣчь, а какъ пишу, насчетъ этого немогу «сказать вамъ ни слова. Предоставляю самимъ вамъ судить объ «этомъ, по этому письму. Всѣ мы, слава Богу, здоровы, чего и «вамъ отъ всей души желаемъ. Засвидѣтельствовалъ вамъ глупѣйшее почтеніе, имѣю честь пребыть покорнымъ вашимъ «слугою, искренно уважающій васъ Абдурахимъ.»

Письмо передано съ дипломатическою точностію. Мнѣ остается прибавить, что авторъ его учился «секретно», пользуясь только самыми поверхностными указаніями.

Изъ числа остальныхъ горцевъ, принадлежащихъ къ дому Шамиля, Хаджію уже извѣстенъ, а Джемалэддинъ останавливаетъ мое вниманіе незлобивостію сердца и удивительною преданностію къ Шамилю, — удивительною тѣмъ болѣе, что она разумна; а этого невозможно требовать отъ чувства ужь слишкомъ сильнаго, особливо въ горцѣ, который всякое чувство почти всегда обращаетъ въ страсть, выходящую за предѣлы разсудка. Джемалэддинъ пріѣхалъ въ Калугу на основаніи ходившаго прежде въ Дагестанѣ слуха, что Шамиль подвергается у насъ всевозможнымъ лишеніямъ и даже истязаніямъ. Тогда онъ рѣшился раздѣлить его участь, а если представится возможность, то пожертвовать и жизнью, лишь бы хоть сколько нибудь облегчить страданія своего бывшаго имама (къ тому же, онъ ему родственникъ). Но теперь, удостовѣрившись, что Шамиль живетъ въ Калугѣ гораздо спокойнѣе и счастливѣе, нежели жилъ въ Дарго, Джемалэддинъ, какъ истый горецъ, возвращается на родину, что для него и необходимо, потому что на второй же

мѣсяцъ пребыванія его въ Калугѣ на немъ начали проявляться признаки известной болѣзни — «тоска по родинѣ».

Маленькій, коренастый *Омаръ* только въ Гунибѣ присоединился къ шамилевскимъ мюридамъ. Несмотря на молодые годы, онъ поражаетъ своею солидностію, скромностію и большимъ запасомъ разсудка. Но все это не мѣшаетъ ему питать къ войнѣ большую склонность, и онъ ужъ не одинъ разъ приступалъ ко мнѣ съ вопросами: не ведетъ ли Россія еще съ кѣмъ нибудь войну и нельзя ли ему опредѣлиться на службу въ тѣ мѣста, гдѣ дерутся?

Однажды мы получили свѣдѣніе, что воры, известные въ Калугѣ подъ скромнымъ именемъ «коноводовъ», имѣютъ намѣреніе украсть лошадей, купленныхъ для Шамиля по повелѣнію Государя Императора и потому составляющихъ для него нѣчто священное. Это было зимою, вечеромъ. Извѣстіе о предстоящемъ хищеніи застало горцевъ въ «кунацкой», гдѣ они, по обыкновенію, проводятъ все свое время. Лишь только слухъ объ этомъ дошелъ до Омара, онъ, въ ту же минуту, куда-то исчезъ, но чрезъ десять минутъ снова явился, веселый, радостный, съ блиставшими отъ удовольствія глазами. Онъ былъ одѣтъ по походному—въ полушубкѣ, съ буркой на плечахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія въ рукахъ, чрезъ плечо, за поясомъ.

— Ты это куда, братъ, собрался? спросилъ я у него.

— Въ секретъ, караулить воровъ.

— Ты что жъ съ ними думаешь сдѣлать, если поймашь?

Омаръ сдѣлалъ выразительный артикулъ вигивкой.

— Э, нѣтъ любезный, этого у насъ нельзя.

— Какъ нельзя! харамзадѣ (*) нельзя убить?

— Нельзя: если будетъ нужно, такъ его законъ казнить.

— Да, какъ же онъ его казнить, если не поймаетъ?

— А ты вотъ его поймай, мы тогда и отправимъ его въ полицію.

Омаръ былъ озадаченъ, такъ же, какъ и всѣ остальные горцы, съ недоумѣніемъ покачивавшіе головами и выразившіе свои ощущенія особымъ, имъ однимъ доступнымъ, цоканьемъ.

(*) Харамзада — разбойникъ, а въ другомъ смыслѣ — сынъ нечестія, сынъ позора.

— Яманъ-адатъ! произносили нѣкоторые: — харамзадѣ нельзя убить!... Да послѣ этого ихъ будетъ очень много на свѣтѣ!

— Ну, а вотъ у васъ ихъ убивали, замѣтилъ я:—что же, мало ихъ было въ Дагестанѣ?

— Правду сказать, много было, отвѣчали горцы.

— Ну, вотъ то-то-же и есть...

Но, несмотря на истину, открывшуюся глазамъ Омара, онъ все-таки не сознавалъ ее непреложности и, бросивъ съ явнымъ неудовольствіемъ винтовку, началъ разоблачаться, ворча что-то по аварски.

Не менѣе наивенъ онъ былъ въ другомъ родѣ.

— Омаръ! сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ я его однажды.

— А когда Наджавать родилась, у меня зубъ выпалъ.

Пришлось узнавать, когда Наджавать родилась. Оказалось, что у нея, въ свою очередь, зубъ выпалъ, въ то время, когда родилась Софія. Этой послѣдней пять лѣтъ, зубы выпадаютъ у дѣтей на седьмомъ году; слѣдовательно, Омару девятнадцать лѣтъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ метрическихъ книгъ и не встрѣчается надобности въ метрическихъ свидѣтельствахъ, другой хронологіи и быть не можетъ.

За Омаромъ слѣдуетъ *Хайрулла*. Но эта такая интересная личность, что стоитъ только сказать, что онъ представляетъ собою олицетвореніе гаремной сплетни,—и необходимость осязаемаго, подробнаго описанія обозначается сама собою. Но теперь я откладываю это удовольствіе до другаго раза, а, вмѣсто того, обращаюсь снова къ молодымъ горцамъ.

Въ изученіи русскаго языка, они оказываютъ блестящіе успѣхи. Но, не довольствуясь практическими познаніями, нѣкоторые изъ горцевъ принялись за грамматику, и теперь всѣ они, кромѣ Гази-Магомета, говорятъ по русски весьма порядочно и даже подтруниваютъ надъ Шамилемъ, который, по ихъ словамъ, за все время пребыванія своего въ Россіи, выучился у младшей своей дочери, Баху-Месседу, выговаривать одно слово; «крапо», и одну фразу: «издраска маленка баранчукъ!» (Здравствуй, маленький баранчукъ!) Слово «баранчукъ» употребляютъ наши кавказскіе солдаты, вполнѣ увѣренные, что такъ именно называется по татарски «ребенокъ», «мальчикъ». Въ свою очередь, и горцы вполнѣ убѣждены, что «ребенокъ» по русски—«баран-

чукъ». Въ такомъ смыслѣ они и употребляютъ это слово; такъ точно и Шамиль произноситъ его, здороваясь съ дѣтьми.

Однако, подшучиванья молодыхъ людей надъ лингвистическими способностями своего главы могутъ быть названы ничѣмъ инымъ, какъ кичливостію, верхомъ глупости, потому что и въ ихъ произношеніи перѣдко обнаруживаются презабавные промахи. Такъ, напримѣръ, они долго не могли справиться со словомъ «понюхать»: вѣчно у нихъ выходило, или — «пахунить», или «папохитъ.»

Но вотъ начался «рамазанъ», постъ, о наступленіи котораго удостовѣряла новая луна, появившаяся на калужскомъ горизонтѣ 11 марта. Лишь только она показалась, по всему нашему дому раздались восклицанія: «ураза, ураза!» Съ этого времени у мусульманъ начинается постъ, представляющій собою обстоятельство не безъинтересное, особливо тамъ, гдѣ религіозные обряды соединяются съ ученіемъ юридізма. Представляю описаніе рамазана въ томъ видѣ, какъ исполняется онъ въ домѣ Шамиля, и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія переданы мнѣ имъ самимъ и членами его семейства.

Рамазанъ есть названіе мѣсяца, въ который мусульмане должны держать постъ, установленный пророкомъ Магомедомъ, на основаніи откровенія, сдѣланнаго ему самимъ Богомъ.

Постъ этотъ, на языкѣ Шамиля, то есть на аварскомъ, называется «ка'алькуй»; въ другихъ же мѣстностяхъ Кавказа, его зовутъ «ураза», а потому, говоря о мусульманскомъ постѣ, я тоже буду обозначать его словомъ «ураза».

Подъ этимъ словомъ горцы разумѣютъ не одинъ тотъ постъ, который бываетъ въ мѣсяцѣ рамазанѣ, но и всякій другой, налагаемый на себя мусульманами по обѣщанію, когда встрѣчаются въ своей жизни съ трудными минутами. Такъ, жены Шамиля, по пріѣздѣ въ Калугу, говѣли цѣлый мѣсяцъ, исполняя этотъ обѣщаніе, данное ими при окончаніи осады Гуниба, въ то самое время, когда Шамиль вышелъ къ князю Барятинскому и когда онѣ были убѣждены, что отпускаютъ его на вѣрную смерть.

Постъ мѣсяца рамазана предписывается магометанскою религіею какъ одно изъ тѣхъ ся требованій, которыя въ совокупности называются «фари́зъ». Этихъ требованій пять, именно: полное сознаніе и совершенное убѣжденіе въ томъ, что «нѣтъ

другаго Бога, кромѣ одного Бога, и что Магометъ, дѣйствительно, пророкъ его» (ля иллага или ала-гу, Мухаммедъ ресуль ала-га)—это первое. Второе—пять намазовъ въ сутки. Третье—закатъ, то есть пожертвованіе сороковой части наличнаго капитала, ради очищенія благопріобрѣтеннаго достоянія, такъ какъ живущіе на землѣ не могутъ стяжать его вполне честнымъ, безукоризненнымъ образомъ, какъ бы честны и богобоязненны ни были они сами. Деньги эти идутъ на вспоможеніе бѣднымъ и жертвуются преимущественно во время уразы—въ такое время, когда скорѣ всего можно угодить Богу добрыми дѣлами. Четвертое — «хаджъ», или путешествіе въ Мекку, которое, впрочемъ, влѣблется въ непремѣнную обязанность только людямъ зажиточнымъ, имѣющимъ къ тому возможность; бѣдные же освобождаются отъ этого. Наконецъ, пятое и послѣднее правило фарыза—ураза, «постъ», для котораго назначенъ даже особый мѣсяцъ—рамазанъ.

Человѣкъ, исполняющій эти пять правилъ фарыза, есть мусульманинъ, правотѣрный; не исполняющій—невѣрный. Мусульманинъ, уклоняющійся отъ исполненія всего фарыза или только одного изъ его правилъ, на первый разъ подвергается увѣщанію и нравственному посрамленію, во второй же разъ — безпощадно предается смертной казни, при чемъ дѣлается между осужденными слѣдующее различіе: добровольно повинившагося и выразившаго чистосердечное раскаяніе въ своемъ проступкѣ, по совершеніи надъ нимъ казни, обмываютъ и погребаютъ какъ нестараго мусульманина, со всѣми принадлежащими умершему почестямъ; преступникъ же, который объявитъ, что онъ «не хотѣлъ» исполнить закона, лишается этихъ правъ, и тѣло его выбрасываютъ въ поле, на съѣденіе собакамъ.

«Рамазанъ» значитъ «тощій». Этимъ словомъ характеризуется физическое состояніе человѣка, въ которомъ онъ долженъ находиться въ продолженіе этого времени. Рамазанъ есть также и имя собственное, мужское.

Постъ рамазана продолжается ровно мѣсяцъ, начиная отъ появленія одной луны, предвѣстницы поста, до появленія другой, съ которою ураза прекращается и начинается байрамъ.

Постъ этотъ, такъ же, какъ и нашъ великій постъ, приходитъ не въ одно и то же время; но разница въ наступленіи нашего поста ограничивается лишь нѣсколькими днями, тогда какъ

мусульманскій постъ, или, что все равно, мѣсяцъ рамазанъ, разсчитываемый, вмѣстѣ съ прочимъ временемъ года, по теченію луны, приходится непремѣнно одинадцатью днями раньше предъидущаго года, такъ что ровно чрезъ тридцать лѣтъ онъ придется въ то самое время, въ какое пришелся въ настоящемъ году.

Непремѣнныя обязанности мусульманина, во время уразы, состоятъ въ молитвѣ и воздержаніи. Молитва состоитъ изъ обычныхъ пяти намазовъ и еще «таравеха», или дополнительной молитвы, произносимой только во время поста, вмѣстѣ съ послѣднимъ (ночнымъ) намазомъ. Этимъ собственно и отличаются молитвы уразы отъ молитвъ всенедельныхъ. Впрочемъ, есть еще небольшое различіе: повседневные намазы хотя и предписано совершать въ извѣстные часы дня, но, по случаю могущихъ встрѣтиться препятствій, дозволяется переносить одинъ намазъ къ другому, такъ что съ послѣднимъ намазомъ можно совершить и четыре предъидущихъ. Во время же поста, такое отступленіе не дозволяется и намазы должны совершаться въ опредѣленное время, иначе постъ не будетъ постомъ.

Воздержаніе заключается въ томъ, что говѣющіе должны употребить пищу только послѣ захожденія солнца и слѣдующаго за нимъ предпослѣдняго намаза; съ окончаніемъ же сего, они могутъ ѣсть хотя всю ночь, но съ разсвѣтомъ, въ продолженіе цѣлаго дня, не должны ни пить, ни ѣсть и даже не брать воды въ ротъ. Составъ же пищи совершенно одинаковъ какъ въ постъ, такъ и въ прочее время.

Ураза, какъ одно изъ правилъ фарыза, обязательно для всѣхъ мусульманъ и предписывается, какъ сказано выше, къ неупустительному исполненію. Исключеніе допускается только въ слѣдующихъ случаяхъ: во время тяжелой болѣзни, требующей непремѣннаго употребленія лекарствъ; при продолжительномъ нашествіи непріятеля; во время путешествія, если только оно продолжается далѣе 60 верстъ, и, наконецъ, для женщинъ, при проявленіи особенности, свойственной ихъ полу (послѣднее даже предписывается). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, ураза прерывается на время существованія противодѣйствующихъ причинъ. Съ прекращеніемъ же ихъ, онъ снова вступаетъ въ свои права; но за каждый день вынужденнаго неисполненія предписанія религіи мусульманинъ долженъ поститься въ послѣдующее время,

избирая его по своему усмотрѣнію и считая, въ этомъ случаѣ, день за день. Если же нарушеніе поста произошло отъ какихъ либо другихъ причинъ, а слѣдовательно отъ произвола, съ умысломъ, то, кромѣ увѣщанія и посрамленія, дѣлаемыхъ виновному на первый разъ, онъ обязанъ за каждый потерянный день уразы поститься шестьдесятъ дней (*).

Кромѣ этихъ непрѣмныхъ обязанностей, мусульманамъ предлагаются на время поста, ради успѣшнѣйшаго угожденія Богу, еще нѣкоторыя условія, въ видѣ сунната, то есть правила не обязательнаго, именно: раздача милостыни независимо зяката и чтеніе корана, которое должно наполнять все свободное ихъ время.

Въ заключеніе, говѣющіе вслѣдствіе должны избѣгать сношеній съ людьми и со всякимъ житейскимъ дѣломъ, чтобъ удалить отъ себя все, что только можетъ нарушить спокойствіе душевное. Они не должны даже участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, если только не будутъ къ тому вынуждены нашествіемъ на страну непріятеля. Наступательныя же дѣйствія положительно запрещены.

Въ домѣ Шамиля, уразы идетъ слѣдующимъ порядкомъ: самъ Шамиль удалился на это время въ свой кабинетъ и, тщательно устранивъ отъ себя возможность какого либо сношенія не только съ женщинами, но и съ мужчинами, допускаетъ къ себѣ послѣднихъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ, и, безъ сомнѣнія, онъ исполняетъ все предписаніи и фарыза и сунната, какъ никто. Только въ половинѣ поста онъ потребовалъ къ себѣ Гази-Магомета и, вслѣдствіе особаго къ нему благорасположенія, а можетъ быть вслѣдствіе невыносимой скуки, заставилъ его читать, молиться и обѣдать вмѣстѣ съ собою. Повидимому, это вниманіе подѣйствовало на Гази-Магомета вполне желаемымъ образомъ, потому что съ тѣхъ поръ онъ тоже началъ, подобно Шамилю, постоянно шевелить губами, нашептывая молитвы и стихи изъ корана, чего я прежде не замѣчалъ за нимъ.

Остальные мужчины молятся и обѣдаютъ все вмѣстѣ въ одной комнатѣ (въ кунацкой), коранъ же читаютъ порознь, гдѣ

(*) Для наблюденія за исправнымъ исполненіемъ мусульманами фарыза, учреждены особыя должности надзирателей, которые обязаны представлять къ суду людей, замѣченныхъ ими въ уклоненіи отъ религіозныхъ обязанностей. Въ Дагестанѣ такой надзиратель назывался т'атэль.

кому вздумается, и, судя по усердію, съ которымъ предаются этому занятію люди, повидимому, совѣтъ не склонные къ нему, можно почти безошибочно заключить, что и чтеніе корана Шамиль обратилъ для своего дома изъ сунната въ фарызъ.

Обыкновенно, стихи корана читаются нараспѣвъ, съ повышеніемъ и пониженіемъ голоса, который до окончательнаго чтенія (продолжающагося иногда по два и по три часа) не прерывается, а только повременамъ слабѣетъ и какъ будто замираетъ, но вслѣдъ затѣмъ проявляется съ новою силою, при чемъ читающіе, вѣроятно, для вышшаго уразумѣнія высокаго смысла стиховъ, мѣрно покачиваются туловищемъ изъ одной стороны въ другую, а нѣкоторые, на время чтенія, даже затыкаютъ пальцами свои уши.

Что касается до женщинъ, то жены и дочери Шамиля молятся вмѣстѣ съ нимъ, подъ его началомъ. Это допускается только при самыхъ короткихъ родственныхъ связяхъ, такъ какъ, во время молитвы, лица молящихся должны быть открыты, и они, слѣдя за движеніями сидящаго впереди всѣхъ уставщика, могли бы исполнять все то, что исполнять по уставу онъ. На этомъ же основаніи, женщины лишены права молиться въ мечети (*), а служанки, вообще, предоставлены самимъ себѣ и молятся безъ всякой системы, по собственному вдохновенію, а слѣдовательно кой-какъ; поэтому, мнѣ кажется, сила ихъ молитвы теряетъ очень много процентовъ сравнительно съ молитвою ихъ господокъ, а тѣмъ болѣе съ молитвою мужчинъ. Жены Шамиля обѣдаютъ вдвоемъ, остальные женщины—всѣ вмѣстѣ.

Въ такихъ занятіяхъ прошелъ мѣсяцъ. Не знаю, до какой степени незамѣтно пролетѣло это время для горцевъ, но когда, вечеромъ 11 апрѣля, завидѣли они новую луну, преемницу рамазана, то также точно закричали: «байрамъ, байрамъ!» какъ вечеромъ 11 марта кричали: «ураза, ураза!»

На этотъ разъ, въ ихъ восклицаніяхъ слышалась неподдѣльная радость, тогда какъ въ прежнихъ можно было замѣтить только ту сухую торжественность, какая, обыкновенно, вызывается извѣстіемъ интереснымъ, но отнюдь не веселымъ.

(*) Кроме самыхъ дряхлыхъ старухъ, для которыхъ огораживается въ мечети особое мѣсто,

Радость горцевъ была понятна: уже три вечера сряду всё они, кромѣ Шамиля и Гази-Магомета, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось на западной сторонѣ калужскаго горизонта, но каждый разъ, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, съ неудовольствіемъ расходились спать. Отощавшіе желудки этихъ здоровыхъ людей вызывали ихъ на довольно нелѣпое предположеніе, что неаккуратность луны есть прямое послѣдствіе какой нибудь порчи въ машинѣ, двигающей небесными тѣлами. Одинъ Шамиль радовался невѣрности своихъ расчетовъ, приписывая этотъ фактъ необыкновенному плодородію, котораго, по его мнѣнію, слѣдуетъ ожидать въ нынѣшнемъ году.

Говорить, что люди, живущіе глазъ на глазъ съ природою, самые лучшіе астрономы въ мірѣ. Въ настоящее время, когда результаты нынѣшней жатвы уже извѣстны, предсказаніе Шамиля легко можно повѣрить.

Приготовленія къ наступающему байраму были немаловажны и совершенно походили на наши приготовленія къ празднику Пасхи. Даже самый день байрама горцы называютъ такъ же, какъ мы называемъ первый день святой недѣли: «улла-гунъ» — «великій день». Также точно и послѣднія недѣля рамазана имѣетъ, въ своихъ подробностяхъ, большое сходство съ нашею страшною недѣлею: счетъ намазамъ, въ это время, спутался; раздача милостыни нищимъ, роль которыхъ играли, между прочимъ, двое сосланныхъ на жительство въ Калугу Тавлинцевъ (Дагестанцевъ), замѣтно усилилась; горцы предались затворничеству, и только монотонное, гнусливое пѣніе стиховъ корана раздавалось въ продолженіе цѣлаго дня даже въ моей квартирѣ, гдѣ, по случаю тѣсноты въ большомъ домѣ, помѣщаются мюриды Хаджіо и Джемалэддинъ.

За нѣсколько дней до появленія новой луны, Шамиль просилъ меня приказать розыскать, «во что бы то ни стало», одинъ гарнецъ финиковъ и столько гарнцевъ пшеницы, сколько состоитъ на лицѣ людей всякаго возраста и пола, принадлежащихъ къ его семейству и къ его дому. И пшеница и финики назначались въ раздачу бѣднымъ въ день байрама. Это было необходимо, чтобы завершить постъ должнымъ образомъ, вполне согласно тому, какъ «написано въ книгахъ». Между тѣмъ,

мусульмане другихъ сектъ, какъ, напримѣръ, наши казанскіе Татары, исполняютъ эту обязанность не натурою, а деньгами.

Кромѣ того, бывши у меня въ первый день свѣтлаго праздника и разсмотрѣвъ внимательно всевозможныя принадлежности нашего розговѣнья (кромѣ, конечно, окороковъ и тому подобнаго), что было приготовлено мною съ цѣлью познакомить горцевъ съ нашими обычаями, Шамиль изъявилъ желаніе устроить такимъ же образомъ встрѣчу байрама и у себя, но съ присовокупленіемъ всякаго рода сухихъ и свѣжихъ фруктовъ. Ему въ особенности понравился обычай красить лица и мѣняться ими, а когда я объяснилъ ему значеніе этого обычая, то онъ съ большимъ удовольствіемъ принималъ отъ своихъ знакомыхъ такъ называемыя «писанки». Еще больше понравился этотъ обычай женамъ и дочерямъ Шамиля, которыя получили о немъ понятіе, вѣроятно, еще прежде, отъ Шуаниатъ. Онѣ даже объявили, что крашенныя лица гораздо вкуснѣе обыкновенныхъ, бѣлыхъ.

Лишь только появилась желанная луна, Шамиль прислалъ ко мнѣ Хаджію съ предложеніемъ—присутствовать при богослуженіи, которое завтра, съ разсвѣтомъ, будетъ у нихъ отправлено торжественнымъ образомъ.

Явившись, въ шесть часовъ утра, въ «кунацкую», я нашелъ Шамиля сидящимъ на разостланномъ по полу коврѣ, лицомъ къ углу, обращенному на юго-востокъ. Ковръ этотъ былъ покрытъ кускомъ тонкаго полотна; а прочіе ковры, которыми устлана вся комната, были покрыты обыкновенными бѣлыми простынями. Кромѣ мужчинъ, принадлежащихъ къ дому Шамиля, на богослуженіе явились еще трое казанскихъ Татаръ, проѣзжавшихъ, въ это время, чрезъ Казугу съ товарами, ссыльные горцы и нѣсколько солдатъ, состоящихъ на службѣ въ здѣшнемъ гарнизонномъ багаліонѣ.

Всѣ молебщики, раздѣлившись, сообразно размѣрамъ комнаты, на четыре шеренги, сидѣли скрестивъ ноги, сзади Шамиля. Верхи ихъ шапокъ до половины были обернуты бѣлою матеріею, замѣнившіею чалму. Всѣ они были одѣты въ самыя лучшія свои платья и вмѣстѣ съ ними смотрѣли очень весело, совершенно по праздничному. Что касается Шамиля, то онъ былъ весь въ бѣломъ, что составляетъ самый парадный его костюмъ,

Ношеніе чалмы предписывается всѣмъ мусульманамъ, какъ одно изъ правилъ сунната, поэтому не вездѣ и далеко не вѣсми оно исполняется; но въ нѣкоторые исключительные дни, какъ, напримѣръ, въ день байрама и въ первые дни рамазана, исполненіе этой обязанности требуется настоятельно, почти такъ же, какъ и всякое правило фарыза. Члены здѣшней мусульманской колоніи, кажется, всѣ безъ исключенія проникнуты сознаніемъ этой необходимости, и къ удовлетворенію ея они стремились, повидимому, не разбирая даже средствъ, потому что на ихъ шапкахъ красовались матеріи всевозможныхъ достоинствъ и названій, начиная отъ дорогой кисеи, красиво испещренной мушками, до казеннаго рубашечнаго холста, тутъ же спятаго съ солдатской ноги и обращеннаго, по экстренности случая, въ мусульманскую чалму.

Войдя въ комнату, я прислонился къ ближайшей стѣнѣ и хотѣлъ было, изъ уваженія къ предстоящей молитвѣ, дѣлать свои наблюденія стоя. Но Шамиль, дожидавшійся ужъ нѣсколько минутъ моего прихода, чтобъ начать богослуженіе, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ сѣсть на диванъ; а Хаджію объяснилъ, что всѣ присутствующіе должны, въ это время, непременно сидѣть, и что стоять — неприлично.

Вслѣдъ затѣмъ, окинувъ взглядомъ комнату и удостовѣрившись, что всѣ мусульмане находятся при своихъ мѣстахъ, Шамиль началъ службу. Она состояла въ пѣніи хоромъ извѣстнаго стиха, составляющаго догматъ магометанской религіи: «ля иль аллаа-га иль, аллаа-гу, Мухаммедъ ресуль аллаага». Въ пѣніи стихъ этотъ сокращается слѣдующимъ образомъ: «ля ил-ляга, иль алла». Пѣніе прерывалось нѣсколько разъ чтеніемъ нѣкоторыхъ очистительныхъ и разрѣшительныхъ молитвъ. Последнею была просьба объ оставленіи грѣховъ. Наконецъ, служба завершилась пѣніемъ того же стиха, повтореннаго, по уставу, ровно сто разъ, а затѣмъ послѣдовало краткое, но благоговѣйное размышленіе молившихся, которые, слѣдуя за движеніями Шамиля, обратившагося теперь къ нимъ лицомъ, то воздѣвали руки, то поникали головами, то клали земные поклоны. Вообще, все богослуженіе было проникнуто такимъ искреннимъ и глубокимъ благоговѣніемъ, которое способно было вызвать на размышленія отъявленнаго скептика. Самое пѣніе, невзирая на

всю его монотонность, заключало въ себѣ много гармоніи, правда, дикой, но тѣмъ болѣе возвышавшей интересъ этой сцены...

Наконецъ Шамиль всталъ, и богослуженіе кончилось. Оно было самое продолжительное изъ всѣхъ, предписываемыхъ ему мусульманскою религіею. Тѣмъ не менѣе, оно продолжалось всего сорокъ-шесть минутъ.

Поздравляя Шамиля съ праздникомъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравилъ его и съ новою Монаршею милостію, выразившіеся добавленіемъ къ получаемому имъ содержанію.

Шамиль былъ озадаченъ. Онъ какъ будто не понималъ того, что я ему сказалъ. Наконецъ онъ понялъ.

— Да за что же это? произнесъ онъ съ видимымъ смущеніемъ.

Больше онъ ничего не могъ сказать, и мы молча отправились завтракать. Садясь за столъ, Шамиль вспомнилъ о томъ, какъ, недѣлю тому назадъ, разговаривалъ онъ у меня на Свѣтло-Христово воскресенье.

— Вотъ и для моего праздника Государь мнѣ красное яйцо прислалъ! сказалъ онъ, улыбаясь и намекая на полученную милость.

За завтракомъ, Шамиль спросилъ, какое впечатлѣніе произвело на меня ихъ богослуженіе, при чемъ замѣтилъ, что имъ больше нечѣмъ похвалиться, потому что теперешнее было самое торжественное, самое великолѣпное. Я отвѣчалъ, что, глядя на нихъ, мнѣ и самому хотѣлось помолиться. Это, повидимому, очень польстило религіозной сторонѣ его самолюбія, и онъ, продолжая свою рѣчь, разсказалъ между прочимъ о томъ, съ какимъ великолѣпіемъ праздновался байрамъ въ Веденѣ. Множество наибовъ и всякаго рода старшинъ духовныхъ и свѣтскихъ являлись къ этому дню въ резиденцію имама, чтобы встрѣтить праздникъ вмѣстѣ съ нимъ. Ихъ присутствіе и рабочіе уваженіе, которое они ему оказывали, много возвышали значеніе его въ глазахъ народа. Въ главѣ этой блестящей и многочисленной свиты, отиравався Шамиль въ мечеть, гдѣ, впрочемъ, богослуженіе совершалось точно такъ же, какъ и теперь. Изъ мечети всѣ возвращались, такимъ же порядкомъ, въ имамскій домъ, гдѣ для всѣхъ былъ приготовленъ столъ.

Дорога, по которой шелъ Шамиль въ мечеть и обратно, уставлена была живыми шпалерами изъ мюридовъ. Это была

пародія на церемоніаль, происходящій въ этотъ день въ Константинополѣ. Подробности его, а также подробности нѣкоторыхъ учреждений въ Турціи, сообщилъ Шамилю нѣкто Юсуфъ-Хаджи, жившій очень долго въ столицѣ султана. Съ его разсказовъ, Шамиль учредилъ у себя званіе мудира и ввелъ нѣкоторыя другія турецкія учрежденія.

День байрама былъ единственный день въ году, когда Шамиль обѣдалъ съ своими подчиненными. Въ этотъ день, изъ стада, принадлежавшихъ собственно Шамилю, рѣзались десятки быковъ и сотни барановъ. Мясо ихъ шло для обѣда собственно въ имамскомъ домѣ и на угощеніе бѣдныхъ горцевъ и плѣнныхъ Русскихъ. Тѣ и другіе получали, кромѣ того, щедрую помощь припасами и деньгами.

Слушая этотъ разсказъ, я смотрѣлъ на Шамиля самымъ внимательнымъ взглядомъ. Но ни въ одномъ его словѣ, ни въ одномъ жестѣ не высказывалось ни малѣйшаго сожалѣнія объ уtratѣ власти и прочихъ окружавшихъ его въ то время условий; а, напротивъ, судя по легкимъ гримасамъ, изрѣдка мелькавшимъ, въ это время, на его серьезномъ лицѣ, можно было безошибочно заключить, что онъ всею душою радъ, избавившись отъ тягостей и неудовольствій прежней жизни.

По окончаніи «разговѣнья», всѣ мы вышли изъ столовой въ парадныя сѣни, гдѣ, на разостланной по полу скатерти, лежала пшеница, приготовленная для бѣдныхъ. Шамилю подали стулъ, и онъ сѣлъ, окруженный всеми мужчинами его дома. Двое ссыльныхъ стояли въ сторонѣ, печально пошкнивъ головами. Одинъ изъ нихъ, Хаджи-Магометъ, принадлежитъ къ богатому семейству въ шамхальскомъ владѣніи и даже состоитъ въ родствѣ съ шамхаломъ тарковскимъ.

Взявъ въ руки гарнецъ, Шамиль насыпалъ въ него пшеницы и, старательно сравнивъ ее съ краями, высыпалъ въ мѣшокъ, поддерживаемый однимъ изъ мюридовъ. Повторял то же самое еще пять разъ, онъ шепталъ какія-то молитвы. То была просьба о благопріятномъ принятіи этихъ жертвъ, приносимыхъ ради отпущенія грѣховъ его собственныхъ и грѣховъ двухъ его женъ и трехъ малолѣтнихъ дочерей. Высыпавъ шестой гарнецъ, Шамиль передалъ его Гази-Магомету, который такимъ же порядкомъ высыпалъ въ мѣшокъ два гарнца: за себя и за отсутствующи-

щую свою жену. Магометъ-Шеффи и оба зятя сдѣлали то же самое. Наконецъ гарниецъ перешелъ въ руки мюридовъ, которые, всыпавъ въ мѣшокъ по одному гарницу — за себя, передали его опять Шамилю. На этотъ разъ, Шамиль принесъ жертву за находящихся въ его домѣ слуганокъ. Объ умершихъ родственникахъ не было помина.

Окончивъ жертвоприношеніе, Шамиль передалъ мѣшокъ съ пшеницею и финики ссыльнымъ горцамъ, которые въ этомъ дѣйствиіи не участвовали, такъ же, какъ женщины и прочіе мусульмане, посторонніе здѣшнему дому.

Этимъ заключилось начало празднованія байрама въ Калугѣ. Онъ продолжается три дня.

Предшествовавшимъ постомъ, мусульмане очистили себя отъ грѣховъ; но, независимо того, религія предлагаетъ поститься еще въ продолженіе шести дней, начиная со втораго дня байрама. Это — суннатъ, требованіе необязательное, но очень соблазнительное по тѣмъ обѣщаніямъ, которыя оно сулитъ: мусульманинъ, исполнившій это требованіе, получитъ отпущеніе въ шестидесяти грѣхахъ, и, кромѣ того, каждое доброе дѣло, сдѣланное имъ въ продолженіе этого времени, будетъ принято, какъ шестьдесятъ добрыхъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ горцевъ, только Шамиль да Гази-Магометъ изъявили желаніе держать шестидневный постъ.

Черезъ нѣсколько времени по окончаніи завтрака, пріѣхали къ Шамилю всѣ его калужскіе знакомые, чтобы поздравить его съ праздникомъ (онъ ѣздилъ съ визитами въ свѣтлый праздникъ).

Поблагодаривъ гостей за вниманіе, онъ объявилъ имъ о новой Монаршей къ нему милости. По этому поводу начались новыя поздравленія. Слушая ихъ, Шамиль становился постепенно сумрачнымъ: лицо его то блѣднѣло, то краснѣло и подъ конецъ сдѣлалось совсѣмъ темнымъ (*), а на глазахъ готовы были выступить слезы. Снова поблагодаривъ гостей за выказанное ими участіе, онъ сказалъ:

— Государь осыпаетъ меня такими великими милостями, которыя можно оказать только любимому сыну или человѣку, сдѣ-

(*) Это составляетъ особенность его физіономіи въ то время, когда онъ бываетъ взволнованъ.

лавшему для него и для его земли много добра и пользы. Миѣ очень хотѣлось бы разсказать вамъ то, что я чувствую и какъ много люблю «нашего» Государя; но я не могу этого сдѣлать, потому что нѣтъ такихъ хорошихъ словъ ни на моемъ, ни на вашемъ языкѣ, а еслибъ они и были, то вы не повѣрили бы миѣ. Повѣрьте же тому, что каждая милость Государя очень, очень для меня дорога, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она рѣжетъ мое сердце, какъ самый острый ножъ: когда я вспомню, сколько я зла дѣлалъ великому Государю и Его Россіи и чѣмъ Онъ теперь меня за это наказываетъ, миѣ стыдно становится, я не могу смотрѣть на васъ и готовъ закопать себя въ землю!...

Шамиль видимо сокрушался. Онъ произнесъ свою рѣчь прерывистымъ и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ и видимо тронулъ всѣхъ присутствовавшихъ, изъ числа которыхъ, конечно, никто не могъ заподозрить плѣнника въ лицемеріи. Напротивъ, вполне симпатизируя состоянію его духа, гости видѣли даже необходимость сказать Шамилю какое нибудь успокоительное слово. И вотъ, тотъ же губернской предводитель дворянства г. Щукинъ, къ которому мимоходомъ сказать, нашъ плѣнникъ питаетъ особенное расположеніе, сказалъ ему въ отвѣтъ слѣдующія слова:

— Напрасно ты такъ тревожишься прежними своими дѣйствіями. Государь нашъ, осыпая тебя милостями, дѣлаетъ свое дѣло, и не потому такъ поступаетъ, чтобы хотѣлъ тебя наказывать этимъ, но потому, что иначе онъ никогда не поступаетъ.

И, дѣйствительно, краткія, но полныя чувства слова г. Щукина, подтвержденныя одобрительнымъ говоромъ гостей, произвели на Шамиля впечатлѣніе благопріятное: онъ нѣсколько успокоился и, въ заключеніе этого разговора, сказалъ:

— Богъ знаетъ, чтó я думаю, и слышитъ мои молитвы; Онъ знаетъ, что я прошу у него только двухъ милостей: здоровья и благоденствія для Государя, а для себя—какого нибудь случая заслужить Его милости и доказать, что я достоинъ ихъ.

Слова эти, можно сказать, сдѣлались маніею Шамиля: онъ повторяетъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ бы стараясь облегчить полноту своихъ чувствъ. И, дѣйствительно, нѣтъ возможности сомнѣваться въ искренности благоговѣнія его къ Государю Императору: оно такъ велико, что, по моему убѣжденію,

еслибъ встрѣтилась надобность въ его услугахъ, то, по первому слову, онъ бы сдѣлалъ то, что можетъ сдѣлать только вѣрноподданный...

Я сейчасъ сказалъ, что Шамиль питаетъ къ г. Щукину особенное расположеніе. Этого слишкомъ недостаточно для того, чтобъ надлежащимъ образомъ охарактеризовать ихъ взаимныя отношенія. Обстоятельство это составляетъ весьма знаменательный фактъ для опредѣленія личности пѣвника, и потому я прошу у г. Щукина извиненія этомъ, что долженъ буду опубликовать нѣкоторые домашнія его дѣла.

Было бы странно думать, что расположеніе это зародилось вслѣдствіе того, что въ домѣ г. Щукина Шамиль принятъ съ большимъ радушіемъ, съ большимъ почетомъ, нежели въ другихъ домахъ: нѣтъ, его принимали вездѣ одинаково до послѣдней подробности: то же самое радушіе, тотъ же самый почетъ, наконецъ то же самое выраженіе во всѣхъ физіономіяхъ, которое очень прилично перевести фразой того же г. Щукина: «мы въ тебѣ чтимъ героя»... Шамиль все это очень хорошо видѣлъ и, высказывая дома свои впечатлѣнія, никогда не прибѣгалъ къ сравнительной степени, говоря о г. Щукинѣ. Въ этомъ отношеніи, исключеніе было только въ пользу Калуги *вообще*: Шамиль говоритъ о ней всегда съ такой любовью, какой далеко не замѣтно въ отзывкахъ его о своей родинѣ. Но тутъ все дѣло состояло въ томъ, что чувство Шамиля къ г. Щукину было ничто иное вначалѣ, какъ обыкновенная симпатія, зародившаяся въ немъ такъ точно, какъ зарождается всякая симпатія на свѣтѣ: съ перваго взгляда, безотчетно, по пословицѣ, «сердце сердцу вѣсть подастъ». Но впослѣдствіи симпатія эта обратилась уже въ чувство опредѣленное, развившееся подъ вліяніемъ фактовъ, слишкомъ близкихъ и сердцу и уму Шамиля, а, какъ мнѣ кажется, близкихъ и не ему одному, а каждому, у кого есть сердце и умъ. Чтобы послѣдующія мои слова были болѣе понятны, я долженъ сдѣлать коротенькое отступленіе.

Мнѣ случилось слышать почти всѣ отзывы Шамиля о каждомъ изъ предметовъ, видѣнныхъ имъ въ Петербургѣ и возбуждавшихъ въ немъ большее или меньшее удивленіе. Но слова эти, обыкновенно, произносились въ минуту перваго впечатлѣнія, когда пѣвникъ не могъ еще произнести приговора о томъ или о

другомъ предметѣ «разумнымъ» образомъ. Впослѣдствіи онъ, конечно, составилъ себѣ обо всемъ этомъ понятіе, если не «вѣрное», то, вообще, такое, на которомъ воздвигъ онъ свое мнѣніе, свой приговоръ, окончательный, безъапелляціонный. Мнѣ вздумалось узнать это окончательное мнѣніе, это *общее* впечатлѣніе, произведенное на него Петербургомъ, Россією и всѣмъ, что онъ у насъ видѣлъ и испыталъ.

Вопросъ объ этомъ засталъ Шамиля врасплохъ: онъ не ожидалъ его. Я предложилъ обдумать отвѣтъ и потомъ сказать его, не стѣсняясь горечью, которая можетъ въ немъ заключаться. Шамиль подумалъ и отвѣчалъ:

— Теперь я понимаю, отчего мой сынъ Джемалѣддинъ умеръ!

Этотъ лаконическій отвѣтъ сопровождался такимъ грустнымъ взглядомъ, такимъ печальнымъ выраженіемъ во всей физиономіи, что, право, можно было подумать, ужь не обвиняетъ ли себя Шамиль въ убійствѣ сына, котораго такъ много любилъ...

И вотъ теперь, независимо радушія и почета, онъ встрѣчаетъ въ домѣ г. Щукина, во первыхъ, сына его, уланскаго офицера, служившаго въ одномъ полку съ Джемалѣддиномъ и даже нѣкоторое время жившаго съ нимъ. Потомъ ему представляютъ нянюшку дѣтей г. Щукина, няньчившую того же Джемалѣддина въ малолѣтнемъ отдѣленіи кадетскаго корпуса.... Какія чувства, какія воспоминанія должны были зарождаться въ Шамилѣ, когда онъ являлся въ домѣ г. Щукина; гдѣ было такъ много для того, чтобъ его сердце забилося сильнѣе обыкновеннаго! Эти чувства и эти воспоминанія легко разгадаетъ каждый, кто захочетъ представить себя на мѣстѣ плѣнника.

Но все это составляетъ причины, способныя возбудить въ Шамилѣ симпатію къ «дому» г. Щукина, а вотъ причина, способствовавшая развитію того же чувства въ отношеніи самого г. Щукина.

Прошедшую зиму, въ Калугѣ были дворянскіе выборы. Дворяне выбирали себѣ губернскаго и уѣзднаго предводителей. Въ началѣ сѣзда, всѣ они посѣтили Шамиля, возбуждающаго справедливое любопытство многихъ. Но этого любопытства, въ обыкновенномъ, обидномъ его видѣ, не было въ посѣщеніи калужскихъ дворянъ: на ихъ физиономіяхъ виднѣлась та же фраза г.

Щукина: «мы въ тебѣ чтимъ героя». Подтвержденіемъ этого слухить живая, веселая бесѣда, продолжавшаяся слишкомъ два часа и нимало не затруднившая плѣнника, несмотря на то, что въ его приемной было больше двадцати человѣкъ гостей, которыхъ онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Съ своей стороны, и гости не скучали; я даже увѣренъ, что удовольствіе, испытанное ими въ этотъ день, одно изъ наиболѣе пріятныхъ въ ихъ жизни.

Разговоръ, очень естественно, склонился на предстоящіе выборы и на выборъ губернскаго предводителя въ особенности. Шамилю объяснили значеніе ихъ и всѣ подробности, сопровождающія это государственное дѣло. Удивленію плѣнника не было предѣловъ: онъ не слышалъ и не воображалъ, чтобы участь людей можно было довѣрить простымъ деревяншымъ шарикамъ. Конечно, онъ не принялъ въ соображеніе того, что этими шариками руководить разумная воля тѣхъ, въ чьи руки они достанутся. Какъ бы то ни было, но въ шарикахъ встрѣтилась настоятельная необходимость: нельзя было не взглянуть на эти хотя на взглядъ и ничтожныя предметы, но, въ нѣкоторомъ родѣ, вращающіе судьбами многихъ людей.

Явились шарикъ, явился и ящикъ. То и другое Шамиль разсматривалъ долго и съ большимъ вниманіемъ. Наконецъ, когда ему объяснили процессъ баллотировки, онъ сказалъ:

— Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы всѣ шарикъ положилъ сюда (онъ указалъ направо), для Ѳедора.

Такъ онъ называетъ г. Щукина.

Гости, смотрѣвшіе, какъ оказалось, на этотъ выборъ совершенно одинаковымъ взглядомъ, одобрили наивность хозяина громкимъ задушевнымъ смѣхомъ.

— А вы кого намѣрены выбрать? спросилъ ихъ Шамиль.

— Щукина, Щукина! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А кто это Щукинъ?

Шамиль не знаетъ фамилій своихъ знакомыхъ: онъ зоветъ ихъ по именамъ.

Узнавъ, что «Щукинъ» и «Ѳедоръ» — «башка-тубулъ, то есть все равно, Шамиль былъ въ восторгѣ.

— Вотъ видите, заговорилъ онъ: — и вы любите этого человѣка... А что, вы всѣ желаете его выбрать? неожиданно спросилъ онъ.

— Всѣ, всѣ! хоромъ отвѣчали гости.

Шамиль немного задумался. Наконецъ лицо его разцвѣтилось довольною улыбкою, и онъ обратился къ дворянамъ съ вопросомъ, выражавшимъ явное желаніе поймать виновнаго на мѣстѣ преступленія.

— Если всѣ вы хотите выбрать Ѳедора, сказалъ онъ: — для чего же вамъ класть туда шарики? Теперь можно и безъ нихъ обойтись...

Гости опять засмѣялись и тотчасъ же обѣяли ему, что такого порядка требуетъ законъ.

Шамиль снова задумался.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ: — вы, вѣрно, не всѣ хотите выбрать Ѳедора.... Вы только говорите такъ, а на умѣ у васъ другое.

Въ словахъ Шамиля и во всей его физіономіи замѣтно было сильное безпокойство. Онъ просто боялся, что «Ѳедора» не выберутъ, и потому рѣшительно сталъ держать его руку. Наконецъ гостямъ удалось успокоить его увѣреніемъ, что Ѳедора непременно выберутъ, потому что всѣ дворяне и вся губернія такъ же много его любятъ и уважаютъ, какъ самъ Шамиль. Въ заключеніе, прощаясь съ нимъ, гости пригласили его въ дворянское собраніе, посмотрѣть, какъ они будутъ выбирать Ѳедора.

— О, да, я приѣду! говорилъ Шамиль такимъ тономъ, какъ будто безъ него выборы никакъ не могли обойтись: — но, смотрите же, выберите мнѣ Ѳедора!...

Онъ сдержалъ свое слово, и являясь увѣренъ, что онъ ѣхалъ на выборы съ тайною цѣлю, въ случаѣ неустойки, поспѣшить къ кому слѣдуетъ на выручку.

Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что, въ продолженіе слишкомъ трехъ часовъ, проведенныхъ нами въ собраніи, Шамиль благополучно дремалъ въ своихъ креслахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не забывалъ своего дѣла, и, когда чиновникъ, выкликавшій дворянъ къ губернскому столу, дѣлалъ, по обыкновенію, въ своей фразѣ сильное удареніе на *эка* въ словѣ «пожалуйте», — Шамиль тотчасъ же пробуждался, вначалѣ даже съ нѣкоторымъ испугомъ, но потомъ, привыкнувъ къ этому, правду сказать, не совсемъ простому дѣлу, онъ уже только спрашивалъ: «а что, Ѳедора выбрали?..»

Но этой благоприятной минуты онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, не дождался, потому что, выйдя изъ дому съ тощимъ желудкомъ и сдѣлавъ уже въ дальнихъ комнатахъ собранія очередной намазъ, онъ не могъ больше сидѣть, тѣмъ болѣе, что приходила очередь и другому намазу...

На этихъ-то основаніяхъ, зародилось въ Шамиль чувство особенной пріязни къ г. Щукину, и по этому самому, установивъ для себя отшельнической образъ жизни, онъ если и допускаетъ въ немъ исключенія, то исключеніе въ пользу г. Щукина допускается имъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Шамиль получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Калугу Магометъ-Амина, который, находясь въ Петербургѣ съ абадзехскою депутаціею, получилъ дозволеніе посѣтить своего бывшего имама. Шамиль обрадовался этому до крайности и сильно началъ хлопотать о болѣе удобномъ помѣщеніи для ожидаемаго гостя.

Наконецъ, 28 апрѣля, онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ г. Богуславскимъ, что составило для Шамиля двойную радость.

И вотъ свидѣлись, послѣ тринадцатилѣтней разлуки, бывшій имамъ съ своимъ бывшимъ мюридомъ; свидѣлись два предводители многихъ враждебныхъ намъ народовъ, такъ долго отстаивавшихъ свою, лишнюю смысла, свободу. Свидѣлись они послѣ многихъ и многихъ переворотовъ, то возбуждавшихъ въ нихъ свѣтлыя надежды, то повергавшихъ въ положеніе безвыходное. Свидѣлись они не въ горахъ освобожденной родины, а посреди народа, къ которому они питали такую долгую, такую непримиримую ненависть.....

Много было смысла и задушевности въ свиданіи Шамиля съ Магометъ-Аминомъ: они обнялись и долго стояли въ такомъ положеніи, прикинувъ головами къ плечамъ другъ друга. Поцѣлуй не было: въ горахъ между мужчинами это не принято; да, признаться, теперь и не было въ нихъ особенной надобности: сцена, представлявшаяся нашимъ глазамъ, и безъ того была хороша.

Наконецъ объятія кончились, и гости, вмѣстѣ съ хозяевами, разсѣлись по комнатамъ. Съ Магометъ-Аминомъ пріѣхалъ братъ его, Абубекръ, для котораго въ домѣ Шамиля тоже было все свое да родное.

Интимная бесѣда на аварскомъ языкѣ продолжалась до самаго обѣда. Повременамъ она прерывалась обращеніемъ къ намъ Шамилу, передававшего изъ разсказовъ Магометъ-Амина что нибудь особенное, заключавшее въ себѣ общій интересъ.

Магометъ-Аминъ прожилъ у насъ три дня. Въ продолженіе этого времени, онъ разсказалъ намъ много интереснаго изъ быта Абадзеховъ, а также и Турокъ, съ которыми онъ имѣлъ частыя и даже непосредственныя сношенія, а наконецъ и часть своихъ собственныхъ приключеній. Все это доставило намъ возможность хорошо познакомиться и съ самимъ разсказчикомъ.

Изъ показаній его о правахъ и обычаяхъ Абадзеховъ, мы узнали, что въ нихъ почти ничего нѣтъ общаго съ правами и обычаями Дагестанцевъ и Чеченцевъ, хотя этого и нельзя бы ожидать, при одинаковой религіи и тождественности словій быта тѣхъ и другихъ племенъ.

Между прочимъ, одинъ абадзехскій обычай крѣпко удивилъ нашихъ горцевъ. Этотъ обычай, положительно воспрещая мужу видѣться съ женою днемъ, допускаетъ свиданіе только ночью, но съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы ни одно человѣческое существо не видѣло его похождения. Въ противномъ случаѣ, неловкій Ловласть подвергается всеобщему посмѣянію, а нерѣдко лишается общественнаго значенія.

Горцы крѣпко подсмѣивались надъ Абадзехами.

— Къ собственной женѣ идти тайкомъ! говорили они, забывъ, что и у нихъ въ домѣ мужа не видятъ собственныхъ женъ въ присутствіи не только посторонняго человѣка, но и роднаго сея отца или брата.

Въ такую же ловушку попались они и въ то время, когда Магометъ-Аминъ разсказывалъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ абадзехскаго языка. Въ примѣръ онъ приводилъ, между прочимъ, нумерацію абадзеховъ: одинъ — *зза*, два — *тхи*, три — *шхи*; четыре — *пкхи*, а пять, такъ просто — *тъпфу*.

Отъ всего сердца и всюю силою своихъ здоровыхъ легкихъ, смѣялись горцы абадзехскому счету. И въ самомъ дѣлѣ: чтобы назвать цифру пять, надобно непремѣнно плюнуть! Какъ не смѣшно: очень смѣшно!... Но дѣло въ томъ, что они, голубчики, позабыли свои собственные — антгль'го, митгль'го, гкколоунг'го,

надъ которыми весьма и весьма легко можно сломать языкъ или попортить горло (*). Г. Богуславскій замѣтилъ это и, въ свою очередь, подтрунилъ надъ горцами. Они немного приеми-рѣли, но тотчасъ же стали снова хохотать и надъ абадзехскимъ—тыпчу, и надъ своими — а'итгль'го, митгль'го, гкколоунгк'го. Вслѣдъ затѣмъ, Магометъ-Шеффи и Хаджіо сдѣлали изъ абадзехскаго «пять» кумыкскій терминъ, получившій въ нашихъ раз-говорахъ право гражданства и часто подающій поводъ къ смѣху. *Пять* по кумыкски—*бешъ, бештуръ*. Примѣняя это слово въ отношеніи того предмета, который не правилъ имъ до той сте-пени, что «хоть плюнуть», горцы совсѣмъ перестали, въ подоб-ныхъ случаяхъ, плевать, а, вмѣсто того, употребляли абадзехское пять: «абадзехъ-беш-туръ!» или, для краткости, просто, «абад-зехъ»; «бештуръ» подразумѣвалось. Такимъ образомъ, у нихъ выходило: «хатунъ (женщина) абадзехъ—«бештуръ!» «Абадзехъ-ать (лошадь)!» и т. д.

Этотъ способъ сдерживать въ границахъ свои ощущенія по-правился и Шамилю, который хотя и изрѣдка, но тоже употреб-ляетъ его. «Абадзехъ-киш!» говоритъ онъ, улыбаясь и показы-вая на какого нибудь пьяницу.

Говоря о Турціи, Магометъ-Аминъ отзывался о турецкомъ правительствѣ, о самыхъ Туркахъ и объ ихъ правахъ не въ слиш-комъ лестныхъ выраженіяхъ и даже, попросту, поругивалъ ихъ, къ чему, впрочемъ, онъ имѣетъ нѣкоторое основаніе.

Предъ окончаніемъ послѣдней войны, отъ отправился въ Константинополь, вѣроятно, съ цѣлью поговорить кой о чемъ на счетъ своего народа и добиться для него, а кстати и для себя,

(*) *Аитгль'го* — семь; *митгль'го* — восемь; *гкколоунгк'го* — двадцать-че-тыре. Слова эти, такъ же, какъ и многія другія аварскаго языка, рѣшительно не до-ступны не только для Европейца, да и для многихъ азіатскихъ племенъ. Они воз-можны только для Аварца, приобретающаго способность выговаривать ихъ практи-кою всей жизни и еще средствами, подобными тѣмъ, какія употребляются для образованія акробатовъ и всякаго рода гимнастиковъ. Особенность, сопровожда-ющая произношеніе этихъ словъ, не можетъ быть передана на бумагѣ никакими условными терминами: надо непремѣнно слышать это произношеніе, чтобы по-томъ, читая слышанныя слова, понять, что это именно тѣ, а не другія. Предпо-лагал, что многіе изъ читателей, быть можетъ, доведется когда нибудь услышать это произношеніе, я рѣшаюсь обозначать названную особенность *апострофомъ*, (') употребляя его въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которые производятъ на языкѣ и въ горлѣ Аварца цоканье, пискъ, трескъ и другія эволюціи.

иѣкоторыхъ привилегій. Въ это самое время, при переговорахъ о мирѣ, и Магометъ-Амина, должно быть, ради успѣшнаго хода переговоровъ, тотчасъ же заарестовали, несмотря на то, что онъ считается генераль-лейтенантомъ той же турецкой службы. Насилу-насилу выпутавшись, бѣднякъ отправился безъ оглядки ко святымъ мѣстамъ, гдѣ и пропутешествовалъ довольно долго.

Вообще, рассказы его о Турціи произвели, повидимому, на Шамиля то дѣйствіе, что утвердили въ немъ невыгодное о ней мнѣніе, которое онъ имѣлъ прежде. А Магометъ-Аминъ, имѣвшій, какъ мы видѣли, причины и съ своей стороны быть недовольнымъ турецкимъ правительствомъ, постарался украсить свои рассказы мѣткими сарказмами и ловкими оборотами рѣчи, на что, кажется, онъ большой мастеръ.

Репутація набожнаго человѣка и ревностнаго мюрида, которою Магометъ-Аминъ пользовался въ прежніе время, осталась за нимъ и теперь. Однако, нельзя было не замѣтить, что въ каждомъ изъ множества намазовъ, совершенныхъ имъ за короткое пребываніе въ Калугѣ, заключалось иѣкоторое и даже сильное желаніе порисоваться въ глазахъ Шамиля таравехами (*) и пощеголять предъ бывшими своими товарищами - мюридами особыми молитвенными пріемами, вѣроятно, заимствованными имъ отъ меккскихъ коноводовъ, или отъ его же недруговъ Турокъ, которые, несмотря на то, считаются въ мнѣніи его и въ мнѣніи всѣхъ горцевъ законодателями моды, — и Магометъ-Аминъ, припимая отъ нихъ, во время бытности у Абадзеховъ, фасонъ костюма и способъ ношенія оружія, передавалъ постепенно измѣненія въ томъ и въ другомъ своимъ родичамъ въ Дагестанѣ. Точно также старался онъ подражать Туркамъ въ обращеніи и теперь изумлялъ простодушныхъ горцевъ своимъ лоскомъ и знаніемъ свѣтскихъ приличій.

Кажется, это самое пособило ему сманить отказавшагося отъ свѣта Шамиля въ загородный садъ, гдѣ праздновалась весна (1-го мая) многолюднымъ гуляньемъ. Еще кажется, что Магометъ-Аминъ, будучи чрезвычайно усерднымъ мусульманиномъ, совсѣмъ несклоненъ къ затворничеству, подобно Шамилю, а, напротивъ, непрочъ порисоваться въ глазахъ прекраснаго пола.

(*) Дополнительная молитва, произносимая по большей части во время поста.

На другой день послѣ гулянья, гости наши уѣхали. Прощаніе было такъ же трогательно, какъ и встрѣча, и заключало въ себѣ такъ же много смысла.

Черезъ три дня отправился на Кавказъ и Гази-Магометъ....

А. РУНОВСКИЙ.
